

КЭТРИН БОЛФИНЧ

ПРОИГРАННОЕ *желание*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэтрин Болфинч

Проигранное желание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70100194

SelfPub; 2024

Аннотация

За проигрыш в карты Изабелла должна съесть бургер перед окнами спортзала. Кто же знал, что из-за этого с беговой дорожки упадет парень. А потом они случайно встретятся по разные стороны в аудитории университета. Что это – случайность или рождественское чудо, в которое верит она и отрицает он?

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	79
Глава 8	91
Глава 9	101
Глава 10	110
Глава 11	121
Глава 12	131
Глава 13	142
Глава 14	154
Глава 15	167
Глава 16	176
Глава 17	185
Глава 18	198
Глава 19	209
Глава 20	218
Глава 21	227

Глава 22	236
Глава 23	246
Глава 24	264
Эпилог	277
И другие истории	280

Кэтрин Болфинч

Проигранное желание

От автора

У данной книги есть замечательный новогодний плейлист, который вы найдете в моем [телеграм-канале](#), так же, как и карточки персонажей, эстетику и прочее.

Пролог

За окном творилось настоящее снежное безумие. Конец ноября выдался удивительно зимним, учитывая, что обычно в это время максимум, чего можно было дожидаться от погоды – дождь. Конечно, никто против не был. Наоборот, уже в сотый раз за день на фоне шел фильм “Реальная любовь”, гирлянды, которые я вчера вечером развесила по гостиной, весело перемигивались холодным белым светом, создавая теплую атмосферу уюта. Запах имбирного печенья только-только из духовки разносился по всей квартире, усиливая желание праздника и ожидание какого-то едва уловимого чуда

До Рождества осталось всего несколько недель. По утрам становилось тяжелее вставать, а зима все сильнее и сильнее укутывала в свои сети. Все чаще хотелось сидеть дома в окружении близких людей, и все чаще лекции в университете отменялись из-за непогоды.

В такие дни мы – Лиза, Кассандра, которая разрешала нам звать ее Кэсс, и я, собирались по очереди друг у друга на, так сказать, девичьи посиделки с фильмами, обсуждение всего и всех, обычно за чашкой чая, но иногда и за чем-нибудь покрепче.

Сегодня оказался один из таких дней, поэтому уже несколько часов мы сидели на полу, образуя треуголь-

ник. Правда, сегодня вместо обычных сплетен, Кэсс достала карты, предложив сыграть на желание. Так что с некоторой периодичностью Лиза дважды высовывалась в окно, крича прохожим что-то вроде “женись на мне, милый”, а Кэсс пришлось залпом выпить бутылку газировки. Я же еще ни разу не проигрывала. До этого момента.

– Час расплаты настал, Изи! – Лиза хищно усмехнулась, прищулив зеленые глаза и откидывая назад светлые волосы. Девушка едва ли не облизывалась от предвкушения, что заставило меня пожалеть о загаданных желаниях для Лизы. Кажется, меня ожидала очень, очень, жестокая месть. Особенно после того, как один мужчина достопочтенного возраста помахал ей в ответ со словами “спускайся, красавица”.

– В твоём доме ведь есть спортзал, верно? – в ответ я только кивнула. – Отлично, тогда, – девушка притворно задумалась, отложив карты в сторону. – Ты очень аппетитно и эротично съешь двойной чизбургер прямо напротив окон, около которых стояли беговые дорожки. – она мило улыбнулась, невинно хлопнув ресницами. А мое удивление достигло таких масштабов, что можно было биться головой об стену и ничего не почувствовать.

– Ты не можешь со мной так поступить! – воскликнула я, – Я ведь хожу мимо него каждый день! А клубная карта?! Можно мне другое желание?

– Ничего не знаю, карточный долг священен, – она с деловым видом сложила руки на груди и вздернула острый под-

бородок вверх. Теперь я отчетливо понимала за что ее так любили в команде по танцам.

– Прости, Изабелла, но мы свои желания выполнили, так что... – с намеком вклинилась в разговор Кэсс, показывая на свою смешную шапку санты и красный клоунский нос, – но мы будем стоять неподалеку. – Лиза в ответ на это активно закивала, а я закатила глаза. Они были абсолютно правы. Карточный долг священен, и ни одна из них не уклонилась от своих желаний.

– Ладно-ладно! – произнесла я, поднимаясь с пола, лишь бы скрыться от этих настырных взглядов. Глупый рождественский свитер замигал помпончиками, когда я случайно нажала кнопку. Да уж, это самое отвратительное, что могло случиться. Ну да ладно, всего лишь один бургер. Всего лишь перед полным спортзалом. Подумаешь.

Я остановилась около зеркала в прихожей. Из отражения на меня глядели яркие голубые глаза, до сих пор, кажется, шокированные происходящим. Рыжие волосы кудрями торчали во все стороны, как бы я не пыталась их пригладить ничего не получалось. Как и рассыпанные по щекам веснушки, которые ни разу не получилось замазать тональником. Правда, я не сильно пыталась. Все-таки комплексов по поводу внешности у меня не было.

Картинки недалекого будущего стремительно мелькали в мыслях, заставляя заранее испытывать чувство унижения, а щеки все сильнее покрывались краской. Интересно, меня

примут за провокатора, недовольного посетителя спортзала или просто странную особу?

– Ну, так что, идем? – в коридор ввалилась Кэсс, держа в аккуратной ладони бургер из того набора еды, что мы заказывали к обеду.

– Идем, – буркнула я, специально натягивая на голову забавную шапку с головой оленя, у которой ушки поднимаются. Отвлечет внимание от моего лица и, может, повезет и меня никто не узнает.

– Ну прямо команда Санты на выезде, – весело проговорила Лиза, разглядывая нашу компашку. Я еще раз взглянула в зеркало рассматривая нас таких очень разных: Лиз была типичной блондинкой, с зелеными глазами, пухлыми губам и прост тончайшей талией, она любила розовый, следила за модой и каждый день строила глазки капитану команды футболистов. Кэсс спокойная брюнетка с карими глазами и темной, похожей на бархат, кожей. Она обычно говорила только по делу, была очень серьезна, но при этом очень любила шутки.

– Да, по акции взял, – ответила я, натягивая ботинки. Двочки последовали моему примеру.

Через несколько минут мы уже сминали все еще покрывающий землю снег, громко хрустящий под подошвами. Зал располагался прямо на углу дома, в котором находилась моя квартира.

Лиза всунула бургер мне прямо в грудь, поиграла бровя-

ми, а потом кивнула в сторону панорамных окон. Я неохотно взяла в руки чизбургер, жалобно глянула на подруг, надеясь на то, что они передумают, но они лишь сложили руки на груди, не давая и шанса отступить.

Я, зажмурившись, развернулась к окнам, глубоко вздохнула, настраиваясь на самое настоящее непотребство, а потом открыла глаза и опустила взгляд в пол, разворачивая обертку. Уверена, что щеки уже покрылись краской настолько, что даже лютый мороз так быстро не справился бы.

Скромность никогда не была чертой моего характера. Даже наоборот, все непотребство и ситуации, за которые потом испытываешь испанский стыд, принадлежали целиком мне. Но к такому меня жизнь явно не готовила.

Ладно, живем один раз. Как там сказала Лиза? “аппетитно и эротично”?

Я подняла глаза, цепляясь взглядом за мужчину на беговой дорожке. Он удивленно поднял брови, а я глянула на девочек.

– Давай, Изи, ты справишься! – прокричала Лиза, хлопнув в ладоши.

Что ж, прости, красавчик. Пить штрафные мне совсем не хочется, поэтому я решительно укусила совсем маленький кусочек.

– Весь! Полностью! – прилетело напутственное со стороны. Я закатила глаза, но все же продолжила с особым аппетитом жевать бургер. Удивительно, но даже почти не стыдно.

Подумаешь, ем среди улицы. Что такого?

Видимо, бегающий парень не питался нормально уже очень давно, потому что такого голодного взгляда я еще ни у кого не видела. Становилась даже как-то стыдно за свою выходку. Но я должна была довести это до конца.

Ощущения были похожи на тот самый сон, в котором стоишь голый среди магазина, куча народа на тебя пялится, а некоторые бесстыдно тыкают пальцем и смеются.

Не представляю, что чувствовали люди, занимающиеся на этих тренажерах, они же буквально, как в аквариуме!

Парень все еще держал темп, не сводя с меня взгляда, от которого хотелось поежиться и убежать, не вспоминая об этом ужасном желании. Но я упрямо стояла на месте, бесстыдно рассматривая темные вьющиеся волосы, беспорядочно свисающие около лба, мышцы, выглядывающие из-под свободной майки. Ничего так, симпатичный. И это только усложняло задачу.

Мало того, что это надо было съесть в таком ужасном месте, так еще и сделать это нужно было максимально красиво. Признаться честно, до последнего была уверена в том, что еще немного и подавлюсь, закашлявшись у всех на виду, но нет, я прожевала последний кусок, свернула обертку. А потом снова глянула на того парня и насмешливо растянула губы в улыбке.

Он удивленно посмотрел на меня, а я, кажется, вконец осмелела, поиграв ушками на шапке. Парень, не ожидавший

такого поворота, оступился и уехал назад, здорово приложившись коленом о дорожку.

– Черт, – прошептала я, а затем, оценив обстановку, рванула к подругам, разрываясь от истерического смеха. Девочки недоуменно глядели на меня, я схватила обеих за руки и потянула в сторону подъезда, уже не переставая смеяться. Ну как ведь такое могло произойти!

– Ты объяснишь, что случилось? – растерянно поинтересовалась Кэсс. Я вздохнула, а потом снова разошлась диким хохотом, даже не совсем понимая, почему это оказалось таким смешным.

– Там, – задыхаясь произнесла я, – был парень, – снова приступ смеха, – в общем, он упал, – тут меня снова сковал неудержимый хохот.

– Ничего не поняла, – изрекла Лиза, посмотрев на Кэсс, которая уже вместе со мной сгибалась буквально пополам от смеха. Хотя смешного в этом, конечно, ничего не было.

Глава 1

Больше всего в жизни я ненавидела вставать рано утром. И многие меня в этом поддерживали. И дело не в том, что я не любила жизнь или наступление нового дня вгоняло меня в депрессию. Нет, совсем не так. Скорее, холод, голод, сырость и завывание ледяного ветра за окном не давали ни капли чувства безопасности и не вызывали желания выползть на улицу с целью получения особо важных знаний.

Я поднялась с постели, сразу поежившись от налетевших мурашек. Да, единственное, что я не любила в зиме, так это минусовые температуры и долгую ночь. Но любят не за что-то, а вопреки. Наверное. Хотя это больше смахивало на нездоровую какую-то вещь.

Всего лишь нужно привести себя в божеский вид, надеть три слоя одежды, чтобы в тепле и удобстве пройти несколько улиц и войти в двери университета. Что я и делала, нанося аккуратный повседневный макияж, освобождая кудри из легких косичек, а потом натягивая белую блузку с вырезом и бантиком около шеи и темные классические брюки. Да, забавные свитера с оленями и шапки с ушками остались в выходных днях вместе с вином и подругами. Сейчас только серьезность, только настрой на светлое будущее, которое с каждым днем казалось все более размытым. Теперь на меня из зеркала смотрела очень и очень серьезная Изабелла Рот-

честер – студентка архитектурного факультета.

Я собралась, списалась с девочками, как и каждое утро, а потом выбежала из квартиры, надеясь успеть захватить кофе и шоколадную булочку в кофейне около дома.

На улице снова шел снег, в темноте утра кажущийся каким-то нереальным – с черного неба сыпались абсолютно белые крупные хлопья, покрывая землю чем-то похожим на сладкую вату. Красиво. Уже выпавший снег задорно поблескивал в свете уличных фонарей, словно кто-то случайно рассыпал серебристые блески, а ветер разнес их по всей улице.

Свет в окнах спортзала, в котором вчера все посетители наблюдали за моим позором, а парень из-за этого совсем не забавно шлепнулся, не горел, отчего эта часть двора казалась темнее, чем обычно. Зато мои воспоминания и щеки горели так, будто я несколько часов терла их руками. Да, чувство неловкости разливалось по конечностям, буквально заставляя поежиться. По крайней мере, я надеялась, что тот парень не ушибся и не пострадал... было бы не очень жить с чувством, что я навредила кому-то, пусть и случайно. А ведь он, скорее всего, живет где-то рядом... может быть, даже в моем доме... какой стыд! Учитывая, что этот спортзал я с завидной регулярностью посещала и сама.

Стараясь не обращать внимания на этот, теперь уже рэд флаг, я зашла в кофейню, заказала карамельный латте, который брала каждое утро, и двинулась в нужную сторону. В наушниках играла любимая музыка, на дорогах редко встре-

чались машины, люди еще просто не проснулись.

Я любила гулять вот так не спеша, наслаждаясь кофе и свободным временем. Особенно сейчас, когда в воздухе чувствовался холод, свежесть, из-за которых щеки и нос начало щипать. Пока город еще не проснулся, а солнце еще спало где-то за горизонтом. В этом хранилось какое-то свое очарование, волшебство или даже чудо. Да, в мои двадцать три мир все еще казался полным чудес. Не знаю как, но, кажется, мне удалось сохранить свою детскую непосредственность, веру в чудеса и людей. По крайней мере, мне хотелось верить в то, что все не может быть только черным.

***

– Привет, – улыбнулась Лиза, обхватив мое предплечье и потянув в сторону Кэсс, у которой, кажется, ночь была очень продуктивной – под глазами залегли синяки, волосы завязаны в какой-то еле держащийся пучок, а обычно отглаженная одежда сейчас больше походила на «что увидел, то надел», включая в себя толстовку на три размера больше и такие же джинсы. Да, Кэсс умела удивлять. Зато Лиза – сама стабильность – белая блузка, поверх которой светло-розовая жилетка, черные брюки и любимая сумочка, тоже розового цвета.

– Если вы сейчас скажете «доброе утро», то я вас застрелю, – буркнула Кэсс, устало подойдя к нам. Мы удивленно уставились на подругу, пытаюсь понять, с чего ее утро так

долго было добрым. Обычно эта фраза приходила сообщением минут тридцать назад, но в этот раз девушка до последнего молчала. – Не спрашивайте, – предвидя вопросы, произнесла она, а потом почти залпом опрокинула в себя содержимое своего стаканчика.

– Кэсс, а там точно кофе? – насмешливо поинтересовалась я. Девушка предупреждающе выгнула бровь.

– Спроси то, ответ на что точно хочешь получить.

– Все ясно, – рассмеялась Лиза, – мисс Стенелли будет очень рада такому подарку.

– О да, я готова встретить литературу девятнадцатого века во всеоружии. – буркнула девушка в ответ, натягивая капюшон толстовки на голову. – Нет, я совсем не готова... Господи, можно все это закончится и я просто отправлюсь домой... Или просто даруйте мне три литра кофе. – взмолилась она, театрально воздев руки к небу. Мы рассмеялись, обращая на себя взгляды одноклассников.

Я осмотрела широкий коридор с лавочками около стен, одноклассников, собравшихся по компаниям, иногда переходящих сюда-туда и донимая старосту вопросами. Сюзи закатывала глаза, но терпеливо разъясняла что-то каждому. Удивительно, как у нее еще хватало терпения на весь этот цирк.

– Вам не кажется, что она как-то слишком задерживается? – негодуя заметила Лиза, наверняка в этот момент задумываясь о том, как задержка в пятнадцать минут повлияет

на ее успеваемость.

– Не похоже на нее, – согласилась я, широко зевнув. Кто ж придумал лекции в восемь утра в такой собачий холод...

Я вернула взгляд на старосту, которая отчего-то слишком хмурилась, слушая одного из студентов. Потом девушка активно закивала, закатила глаза, еще сильнее нахмурилась и с обреченным видом повернулась к другим.

– Лекция профессора Стенелли отменяется, – громко произнесла она, – вчера вечером она сломала ногу, поэтому сейчас у нас свободное время до следующей лекции. – строго проговорила блондинка, а потом недовольно поморщилась, словно вымещая в этом движении всю злость на тех, кто не предупредил об этом раньше. И я прекрасно ее понимала. Лишние полтора часа сна еще никому лишними не были. Так что с превеликой радостью я бы вернулась в мягкую кровать, но прогуливать без причины я не особо любила. Особенно, когда вечером ожидался ужин в кругу семьи.

– Твои молитвы были услышаны, Кэсс, – хихикнула Лиза.

– Ну что, еще по кофейку? – предложила я, наблюдая за тем, как Кэсс сонно потеряла глаза и потянулась.

***

Я старательно накрывала на стол, пытаюсь вспомнить правильное расположение салфеток, вилок, ножей и бокалов. Мама любила эстетику и красоту, а еще чистоту, порядок

и сервировку стола на всех не будничных ужинах. Поэтому мне пришлось открыть и перемыть все свои запасы красивой посуды, декоративных свечей и достать скатерть с новогодний рисунком. Да, моя квартира уже была похожа на тайное логово Санты, судя по обилию рождественского декора, и это в самом начале декабря!

Сегодня девочки снова должны были прийти ко мне после занятий в университете, но мама и сестра буквально в последний момент написали о том, что будут в городе, и совсем не против того, чтобы увидеться. Подруг пришлось отменить и вписать на их место маленькую семью. Хотя по виду Кэсс, не думаю, что сегодня она вообще была в состоянии куда-либо идти. С вероятностью почти сто процентов, она сейчас сладко спала, стерев это утро из памяти.

В дверь позвонили и я, смерив оценивающим взглядом кухню, пошла в коридор. Надеюсь, мне не придется в сотый раз выслушать лекцию о том, что мои белые шкафы не слишком-то и белы, полотенца висят не по-человечески, а салфетка сдвинута на миллиметр.

Я открыла дверь, натягивая на лицо радостную улыбку. Все-таки мы уже очень давно не виделись.

– Изи! – воскликнула младшая сестра, мгновенно стиснув меня в объятиях. Мама сдержанно улыбнулась, переминаясь с ноги на ногу на пороге.

– Привет, – ответила я, обнимая ее в ответ. Вера просияла, взглянув снизу-вверх ярко-синими глазами. Внешне мы

были очень сильно похожи – те же рыжие кудри, те же веснушки и слегка вздернутый аккуратный носик.

– Мы ждем все подробности твоей личной жизни, – уведомила сестра, а потом быстро скинула куртку и ушла в гостиную, оставляя меня с матерью наедине.

– Как доехали? – поинтересовалась я, пока мама элегантно снимала пальто с плеч. Я засмотрелась на появившиеся морщинки около губ и глаз, редкую седину в каштановых волосах и, кажется, усталость в голубых глазах.

– Вполне нормально, я думала, будут пробки, но, видимо, мы застанем их на пути назад, – мгновенно отозвалась она. – Это тебе, – мама сунула мне в руки белую коробку с пирожными.

– Ого! Признайся, что у тебя в квартире живут рабы-эльфы! – раздалось громкое из комнаты. Мы рассмеялись, наверное, одновременно чувствуя, как еле уловимое тепло, которого так давно не хватало, растекается по венам.

– Почему так рано, Белла? – поинтересовалась мама, оглядывая новогоднее мракобесие, как она это всегда называла, когда оказывалась в поле моей жизни. А еще звала Беллой. Что мне не очень нравилось, потому что вызывало совсем не те ассоциации.

– Захотелось, – и почему я до сих пор не привыкла к вечной критике? За двадцать три года вполне могла бы. А еще можно было бы и подготовиться. Например, не игнорировать остатки вина в бутылке...

Я поставила пирожные в холодильник, отключила курицу в духовке, начав перекладывать все это на красивую сервировочную тарелку.

Тут же рядом материализовалась Вера, смотря в упор на меня и явно ожидая, что я начну рассказывать очередную смешную историю из жизни. Но я упорно молчала, пытаюсь не вспоминать стыдную ситуацию с парнем при маме, а еще не провоцировать возможные вопросы о личной жизни. Ответ там все равно один: ее нет.

– Я жду.

– Чего?

– Что любимая сестра расскажет мне что-нибудь, из-за чего я буду смеяться еще несколько лет, подначивая тебя на каждом семейном празднике, – выдала Вера, утащив кусочек картошки.

– Мне придется тебя разочаровать, свет очей моих, – ответила я, оставляя на идеальном столе просто идеально-красивое блюдо. Если на меня сейчас выльется шквал критики, то я не удивлюсь, но это, правда, было близко к шедевр.

– Девочки, давайте отложим эти темы, – осекла мама, чинно расправив на коленях салфетку. Мы с Верой сели, почти в точности повторяя ее движения.

Самым лучшим решением в моей жизни оказалось то, что я съехала. Теперь я могла есть в кровати, не убираться несколько дней и оставлять посуду грязной на сколько мне захочется. Рай! Правда, убираться я любила... да и жить, ко-

гда ничего не бесит взгляд, как-то проще...

– Как учеба? Как твои подруги? Есть ли мальчик? – закидала вопросами мама, – курочка просто отменная, но слишком много перца. В следующий раз добавь поменьше, – впрочем, ответы ее никогда особо не волновали. Я только участливо кивала, старательно прожевывая приготовленное, в котором, к слову, перца было в меру.

– А как экзамены? Ты готовишься? – обеспокоено спросила она, вглядываясь в мои глаза. – Надеюсь, ты не забываешь о том, что это очень-очень важно.

– Нет, мама, я все помню. До экзаменов еще две недели точно есть.

– Ты так уверена. – заметила мама, – настроилась?

– Как выйдет, – пожала плечами я, пытаясь закончить этот разговор как можно быстрее. До тех пор, пока он не перешел в раздел «научи жить Изабеллу Ротчестер». Которая, впрочем, всегда справлялась сама.

– Ну, это никуда не годится, доченька, – серьезность мгновенно сменила благодушие в голосе, меняя интонации на более суровые. Я открыла самый настоящий ящик Пандоры! О боги... дайте мне сил!

– А я записалась в художественный класс! – вклинилась в разговор сестра, наверное, чувствуя, что могло начаться.

– Подожди, Вера, я ведь не договорила с Изабеллой.

– Не думаю, что нужно обсуждать это за ужином, – мягко заметила я, кивнув сестре. – Пусть Вера расскажет про свой

художественный класс. – она улыбнулась мне в ответ, принявшись во всех красках говорить о том, как она давно пыталась решиться на этот шаг. Мама молча слушала, не перебивая и не вклиниваясь с неожиданными советами. Что там говорят про личные границы? Кажется, мне пора покупать уроки у младшей сестры.

– В общем, я пришла к выводу, что страх – всего лишь иллюзия. Конечно, я не говорю о том случае, когда на тебя бегит огромная собака, – с деланно философским видом проговорила Вера, – лишь о том, что попробовать то, что искренне интересно нужно, не оборачиваясь на это чувство. В общем, если по любви, то можно.

– Ты поразительно мудра для своих пятнадцати, – с улыбкой заметила я, отпивая из бокала.

– Жаль эта мудрость не распространяется на уборку в комнате, – рассмеялась мама.

– Для этого нужно познать философию жизни в одиночестве, – кажется, накал медленно начал спадать, превращая почти развернувшееся поле для битвы в спокойный семейный вечер.

Глава 2

Если вы хотите знать, кто никогда не имел плана и действовал как придется по жизни, то это я. Да, это не ошибка. Просто сегодня утром резко вспомнила, что уже давно не была на тренировках, очень сильно расслабилась и почти забила на спорт, что очень сильно сказывалось на состоянии в целом.

И вроде бы у меня и карта этого клуба есть, и администраторов я знала, а с другой стороны... а вдруг там тот?! В прятки в зале я еще не играла. Выбрать другой зал тоже не вариант – самый ближайший в соседнем районе, до которого добираться час, в лучшем случае.

Я вздохнула, натягивая носки. Ладно, что я, маленькая что ли? Вроде взрослый человек. Если узнает меня, то подойду и извинюсь. Или уйду. Какой взрослый человек, если я, блин, влезла в авантюру с таким желанием?! Так что, да, я просто уйду. Спрячусь в раздевалке, туда он точно не сунется. Так и сделаю.

Почему я вообще об этом думала? Шансы на то, что он разглядел мое лицо буквально нулевые. Мне определенно нечего бояться. Всего лишь тренировка. Всего лишь час в спортзале. Тем более, он мог там не появиться.

Да, надо быть решительной. Прямо как в тот день, когда я решила на самую настоящую дурость.

Я собрала спортивный костюм, обувь, бутылку с водой и вылетела из квартиры, пока не передумала и не нашла миллион причин, чтобы остаться. Как сказала Вера, на страх оборачиваться не надо.

На улице снова шел снег. Кажется, погода решительно настроилась на то, чтобы завалить город белым полотном уже полностью и до самой весны. Благо, до беспощадных метелей еще далеко. Так что сейчас снег был вполне красив – крупными хлопьями падая с неба, словно подсвечиваясь дневным светом.

Я поплотнее закуталась в шарф, надеясь на то, что ощущавшееся в моей душе новогоднее чудо сработает и я никого не встречу в зале.

И, кажется, мои желания были услышаны, потому что среди дня во вторник, да еще и во время начинающегося снегопада не всем хотелось выбираться на тренажеры. И я их отлично понимала. С радостью бы сейчас развалилась на кровати, включила фильм и провела бы отличный день сама с собой. Но нет, сначала пришлось выходить ради университета, а потом ради тренировки.

Я сунула наушники в уши, окончательно задвинула мысли о своем фиаско поглубже, пытаюсь сосредоточиться на ощущении счастья от тренировки. Да, я из тех, кому спорт приносит не муку, а спокойствие, разгружал мысли. В общем, это отличный способ, чтобы выбросить эмоции и заработать возможность здорового и крепкого сна, что мне, иногда стра-

дающей от бессонницы, очень помогало.

Надо бы пересмотреть свою привычку ходить в зал исключительно по вечерам. Днем здесь вполне свободно, не приходится ждать очереди на тренажеры. Да, определенно поменять расписание.

Я выставила скорость на беговой дорожке, очень хорошо ощущая на себе то, что чувствовали, наверное, те люди, напротив которых я ела. Это даже звучит ужасно! Наверное, так себя и ощущали рыбки в аквариуме, когда на них часами пялились, веря, что это успокаивает. Но мне было все равно, поэтому я включила музыку громче и просто побежала, оставляя в голове только пустоту и устремив взгляд в точку впереди.

Слишком много пустоты образовалось в голове. За это я и любила бег – можно было хорошенько подумать в процессе, либо наоборот очистить мысли от всего.

Наверное, поэтому темное пятно, мелькнувшее сбоку, не сразу было принято за человека. Я оглянулась, а потом чуть не съехала по дорожке вниз, как тот парень несколько дней назад, потому что тот парень сейчас был этим парнем. Соседом по беговой дорожке. Моим соседом по беговой дорожке, черт возьми!

Я мгновенно отвернулась, снова устремив взгляд вперед, словно ничего не происходило. Не узнал. Наверное. Проверять я это, конечно же, не собиралась. И напоминать о себе тоже. Главное, не допускать панику. Так, спокойно, Изи,

спокойно. Вдох. Выдох. Мы уже через это проходили. Правда, он был тогда за стеклом, но в чем разница, да?

Так, надо аккуратно, незаметно, сползти с дорожки и пойти в противоположную сторону зала к другим тренажерам. Тогда он меня не заметит, я спокойно закончу и пойду домой почти счастливая. По дороге позвонив девочкам. Еще одна веселая история из жизни Изи. Подумаешь!

Лента дорожки медленно остановилась, я сползла с нее, мельком глянув на парня. Он, кажется, вообще ни на что не обращал внимания, продолжая бежать в неспешном ритме. Снова в той же форме, что и в прошлый раз – в черных шортах и серой майке. Вблизи – не через окно – он выглядел еще симпатичнее и... выше. Намного выше. Наверное, рядом с ним на фоне я бы просто потерялась. Как деталь одежды. Шарф там, например.

Так стоп. Я тряхнула волосами, схватила бутылку с водой и спокойно, по крайней мере, мне так казалось, двинулась в другой угол.

Наверное, это была насмешка судьбы, потому что парень через несколько минут показался рядом и совершенно спокойно взял несколько гантелей. Вот он точно был спокоен. А не так, как у меня лишь жалкая пародия на это чувство.

Я снова подхватила бутылку, сделала несколько глотков, а потом прикинулась, будто уже закончила в этой части и собиралась перейти в другую. Это смахивало на игру в кошки-мышки. Я же буквально убегала из каждого места, где он

появлялся.

– Я вас чем-то пугаю? – я вздрогнула от неожиданно раздавшегося в тишине зала низкого голоса, а потом выпучила глаза от удивления, понимая, кому он принадлежал. Хуже быть просто не могло. Хотя почему не могло? Могло. Например, в этот момент заиграла песня «jingle bells», и сцена до комичного стала напоминать дурацкий рождественский фильм.

– Нет, нет, все в порядке, – соврала я, отведя глаза в сторону. Было сложно не пялиться на него с чувством «я виновата во всех ужасах, которые наполняют землю».

– Точно? – он прищурился, внимательно разглядывая меня, пока мое лицо стремительно покраснело от стыда и неловкости. И хорошо, если эту красноту он примет за смущение. Пусть уж я буду скромницей, чем той из-за кого у него огромный синяк на половину ноги.

– Да, – главное, не забывать дышать. Я подняла глаза, обнаружив то, что все это время парень не сводил с меня взгляда. А потом, неожиданно для меня, в его сером взгляде появились смешинки. Он все понял! Ну, конечно, сколько рыжих вы встречаете в одном районе за пару дней?!

Так, ладно, нападать нужно первым. Ну... я так и сделала еще пару дней назад, если быть честным.

– Все отлично, я уже закончила, – широкая улыбка, нарисовавшаяся на моем лице должна была оказаться убедительной. И я очень надеялась на то, что она такой и была.

– И что, даже перекусить не захотите? – язвительно спросил он, вызывая еще один приступ невыносимого стыда и ужаса на моем лице. Кажется, ему эта безысходность, охватившая меня, понравилась.

– Спасибо за заботу. До свидания, – быстро проговорила я, а потом метнулась к раздевалкам, не дождавшись ответа.

Точнее, ответ был. Но один. Сюда я больше ходить не буду.

***

Я вышла из здания, мгновенно доставая телефон из кармана куртки и набирая телефон Кэсс. Эта ситуация просто не терпела ни минуты. Она буквально горела. Ее нужно было обсудить, и срочно. Взять, словно горящий тур, и положить на стол, рассказывая всю абсурдность произошедшего. А потом, конечно, посмеяться. Без этого никуда.

Подруга ответила почти сразу же. А я сначала тупо пялилась на снег под ногами, соображая о том, что нужно сказать. А потом все же выпалила:

– Срочно бери Лизу, и приезжайте ко мне. Ситуация такая, что я готова умереть со стыда.

– Все настолько плохо?

– Я и стыд, Кэсс, – оповестила я, – Я и стыд.

– Поняла. – коротко ответила девушка. Да уж. Вот вам и репутация человека, который ничего не боится и дела-

ет всякую фигню, с которой потом ржет весь круг знакомых. Если вы ищите человека, который вляпывается во всякое смешное дерьмо, то вы его нашли. Добро пожаловать в мою жизнь... Приятно познакомиться – Изабелла, для друзей просто Изи. .

– Стыд явно не то, что вы привыкли испытывать, – с усмешкой проговорили мне в спину. Я вздрогнула, мгновенно краснея. Хуже ситуации и придумать нельзя! А я-то по наивности думала, что худшее произошло со мной несколько минут назад. Господибожемой... за что?!

Я тихо выдохнула, прикрыв глаза. Послать или извиниться? Послать или извиниться? Сложный выбор. Особенно сложно признать то, что я не права. При том, что я реально не права.

– А вам какое дело до моего стыда? – спросила я, развернувшись. Парень в расстегнутом черном пальто глядел с усмешкой, будто его совсем не волновали мои извинения или какие-то слова. Я задрала подбородок, вызывая выгнув бровь. Что ж, да, я такая. Противная, бессовестная и невоспитанная.

– О, я очень рад, что вы обделены этим чувством, – отозвался он, все еще не убирая усмешки с лица, – Таких людей любит жизнь.

– До свидания. – и все. И все. «До свидания»? Ничего лучше придумать-то не смогла?!

Вдох, выдох. Вдох, выдох. Я сжала руки в кулаки прямо

в карманах, а затем быстрым шагом стала удаляться, желая только одного – спрятаться.

Это еще более стыдная ситуация, чем то, что он упал. Я просто идиотка. Самая настоящая идиотка. Так ведь сложно сказать «извините, что с особым аппетитом ела у вас на глазах. Просто у меня нет никаких сложностей с тем, чтобы есть все, что мне захочется».

Интересно, чувство взгляда в спину было сейчас реальным или выдуманным? Оборачиваться я боялась. Точнее, боялась выдать то, что сейчас готова провалиться под землю. Ну почему мы не могли встретиться на катке, где падают почти все? Почему нельзя было столкнуться в подъезде утром?

***

Девочки приехали через полчаса после того, как я вернулась домой. Они залетели в квартиру, словно вихрь – все в снегу, с обезумевшим взглядом, криком «что случилось?» и бутылкой вина в руке.

Я к этому времени только вышла из ванной и при виде двух безумных, точнее, безумно любимых подруг, рассеялась так, что чуть не уронила полотенце, прикрывающее тело. У Кэсс на ресницах игрались снежинки, у Лизы вся шапка была белой, а я стояла в одном полотенце и мокрой головой посреди коридора и не могла успокоиться.

Потом мы все же переместились в гостиную, разлили вино

по бокалам, и Лиза нетерпеливо начала допрос.

– И все-таки я думаю, тебе нужно было задержаться в зале, – выдала в ответ на мою историю блондинка, заставив меня поперхнуться содержимым бокала.

– Сделать вид, что ты вообще ничего не понимаешь, – поддакнула Кэсс.

– А потом и вовсе взять его номер, – со знанием дела проговорила Лиза, – Он ведь симпатичный? Скажи «да», – она сделала губы уточкой, почти умоляюще смотря на меня.

– Выглядит, как план мести, – буркнула я.

– Ты не ответила на вопрос. – напомнила девушка.

– Вполне.

– Ты слишком недоверчива, – проговорила Кэсс, по-видимому возвращаясь к теме мести, – Он даже не высказал ни одной претензии, а ты уже надумала себе столько всего, что еще и нагрубила.

– То есть я виновата?!

– Нет, – хихикнула подруга, – теперь мы знаем, какие желания лучше не загадывать тебе, учитывая твоё везение. – это была чистейшая правда, на которую и обидеться не получилось бы, поэтому мы одновременно рассмеялись, вспоминая и то, как меня несколько раз путали с каким-то аспирантом, потому что у нас одинаковые фамилии, и то, как мне пришлось переезжать со старой съемной квартиры, и то, как бывшему после расставания со мной какая-то девушка разбила машину. И нет, это не мои подруги, как кто-то мог по-

думать. И даже не я.

А теперь мы почти молча сидели на полу, почему-то игнорируя существование дивана.

За окном разошелся снег, ветер завывал в окнах, а в квартире было тепло и уютно: на фоне играла приятная музыка, Кэсс укуталась в клетчатый плед, Лиза прикрыла глаза, иногда потягивая белое вино из бокала на высокой тонкой ножке. Завтра нас вновь ждал еще один будний день, который обязательно испытает и мою удачу, и подкинет еще сложностей в жизнь, но сейчас это было так неважно, что все мысли просто растворились на дне бокала и в осознании того, что любой ужас со временем станет смешным воспоминанием. Тем более, когда за окном сама природа переворачивала страницу, дарила чистый лист для того, чтобы писать свою историю.

Глава 3

Кажется, уже пора бы запомнить правило – не пить в будние дни. И вечером перед рабочей неделей. Из-за наших вечерних посиделок, где мы окончательно похоронили мою личную жизнь и удачу, голова буквально раскалывалась от количества выпитых бутылок вина. Кстати, я даже не помнила, сколько их было, а еще то, как и когда девочки разбрелись по домам.

Я с тихим стоном поднялась с кровати, почти сразу приложив холодную ладонь ко лбу. Комната закружилась, смешивая просторную кровать, серые обои, черные шторы на окнах и почему-то не выключенные лампы на туалетном столике в одно большое и мутное пятно, будто меня сунули в блендер и поставили на самую сильную мощность. Подготовка космонавтов и то проще проходит, наверное.

В глазах двоилось, и, по-хорошему, было бы славно остаться дома, поставить рядом с кроватью литра три воды и уснуть, но я не прогуливала. Такая уж привычка, да и на оценки в дипломе очень повлияют оценки за экзамены. Так что... сейчас заварю себе крепкий черный чай – рецепт от похмелья, который мне рассказала одна женщина, когда я еще подростком подрабатывала в магазине. Ее бывший муж был творческой личностью до мозга костей и иногда прикладывался к бутылке вот в такие вот будние дни, поэтому она с

особой заботой его отпаивала, превращая в человека почти каждое утро. Как говорится, люди учатся на своих ошибках, а умные на чужих.

А сколько вообще времени? Может, мне никуда уже и не нужно... телефон, телефон. И где?

Я зажмурилась, все еще щурясь от яркого света ламп туалетного столика, потом раскидала вещи в сторону. Такое чувство, будто тут жила целая толпа людей, а не я одна. Откуда ж сколько мусора?

Из-под какого-то завала раздался звук уведомления, я, не глядя, шагнула вперед, запнувшись о что-то звякнувшее. Ну, одна бутылка точно была выпита. И как мы докатились до того, чтобы устраивать попойку прямо посреди недели? Да и еще и так, чтобы я умирала от головной боли.

Под одной очень большой кучей обнаружился телефон, разрывающийся от сообщений подруг. Яркий свет ударил по глазам, вызывая новую вспышку боли, а я пыталась вчитаться хоть в один текст, чтобы понять смысл, но буквы просто уплывали, разбегаясь в стороны.

Так, мне срочно нужен чай. Нет, сначала вода, потом чай, затем кофе. А там может быть и до завтрака дойдет.

Я потянулась к графину с водой, в этот же момент раздался телефонный звонок, заставляющий едва ли не зажать уши. И почему именно сегодня я не переключила его на беззвучный?!

– Доброе утро! Просыпайся! Я надеюсь, ты уже подняла

свою прелестную попу с кровати, – визгливо пропела Кэсс, когда я ответила на звонок. Я поморщилась, отодвинув телефон подальше от уха, потому что пела она только в крайний случаях. И все, кто находился рядом вмиг оказывались далеко.

– Потише, пожалуйста, – прошипела я, все же осушив стакан с водой залпом. А за ним еще один.

– А что, голова болит? – ехидно спросила она, назло громко.

– Будто меня пустили на беговую дорожку вместо ленты.

– Искренне тебя жаль.

– Ты позвонила, чтобы усилить у меня приступ головной боли? – поинтересовалась я, включив чайник и судорожно пытаюсь вспомнить причину пьянки – по-другому я это назвать не могла, – Почему мы вообще так набрались?

– О, детка, так ты ничего не помнишь? – на том конце провода раздался смешок, – это очень интересная история, которой Лиза обязательно еще раз поделится с тобой, – хмыкнула девушка, почему-то вызывая во время уверенность в том, что сейчас она точно ухмылялась.

– Я что, одна так напилась?

– Нет, просто я дослушала историю до конца, – мгновенно отозвалась Кэсс, – Ладно, не буду отвлекать тебя от поиска аспирина, – бросила она, а потом завершила звонок.

Я оперлась лбом в кухонный шкафчик, прикрыла веки. Даже не пришлось бы прикладывать усилий для того, чтобы

провалиться в сон. Всего лишь скользнуть в тишину. Всего лишь. Но мозг упорно сопротивлялся этому, а засвистевший чайник дополнил картину раннего и довольно бодрого утра, которое мне предстояло пережить. И я даже не думала, что буду права настолько.

***

Лиза и Кэсс как обычно ждали меня на лавочке в коридоре на первом этаже. Я отряхнула пальто от прилипшего снега, поправила волосы и направилась напрямик к ним, почему-то уже ожидая ехидные замечания и шутки насчет моей забывчивости. И довольные, помятые с похмелья лица, насупех замаскированные макияжем, выдавали явное желание выпустить несколько шуток.

– И как ты докатилась до жизни такой? – хмыкнула Кэсс, нарочито громче, чем обычно.

– У вас что, вообще голова не болела?! – поинтересовалась я, опускаясь на скамейку рядом с Лизой. Она насмешливо сморщила нос.

– О, это не мы кричали во весь голос рождественские песни, а потом сыпали в нас проклятиями за то дурацкое желание.

– Какой стыд... – выдохнула я, пряча лицо в ладонях. Конечно, стыд, скорее условный. И так, ради приличия. Девочки видели и не такое мое состояние. Как и я их.

– Да ладно тебе, а вот Лизе придется заново рассказывать историю про бывшего, – как бы невзначай проговорила Кэсс.

– О нет! – воскликнула я, повернувшись к подруге и схватив ее за плечи. Лиза выпучила глаза, виновато потупив взгляд в пол. О нет! Мои худшие опасения подтвердились... – Только не говори, что вы сошлись!

– Кстати, нам пора, – влезла Кэсс, поднимаясь со скамейки. Мы последовали за ней. Я выразительно таращилась на Лизу, пока входила в аудиторию, потом пока выкладывала тетрадь и ручку на стол, а когда мы сели за парту, повернулась к подруге, выжидательно подняв бровь и снова опустив руки на ее плечи.

– Ну... – протянула девушка, потом подняла на меня глаза и... расхохоталась, – конечно, нет! За кого ты меня принимаешь? Он напился, позвонил мне вечером, перед тем, как ты нас позвала, клялся в вечной любви и чем-то там еще, я не запомнила, ну а потом сказал, что я дура, раз потеряла еще один шанс видеть его недовольное лицо в своей жизни, – со смехом выдала Лиза.

– Слава богам... – я отпустила подругу, шумно выдохнула, – Я успела испугаться, – до сих пор отчетливо помню то, как Лиза рассталась с Эшем. Все еще мелькала картинка того, как сильно она рыдала несколько дней подряд, пытаюсь понять за что он с ней так поступил. Потом еще пару дней спала, не желая ни с кем общаться. Я и Кэсс все это время были рядом, пытаюсь не мешаться, но и не оставлять Лизу в

одинокости. Эш был ее первым парнем, и она очень сильно переживала их разрыв. А потом они еще несколько раз сходились и расходились, пока Лиза не решила поставить одну жирную и окончательную точку. Поняла, что не хочет быть ни запасным, ни «просто так», ни «для красоты» вариантом. Так что теперь она замахивалась на «одна и единственная», чем вызывала наше с Кэсс облегчение. Еще один такой тяжелый месяц мы бы вряд ли выдержали, но, конечно, все равно остались бы с ней.

– Так у нас будет эта прекрасная Стенелли? – поинтересовалась я, устало положив голову на руки. И почему я не осталась в кровати на лишний час?

– Если расписание не поменяли, значит, должна быть. Либо поставят замену, – ответила Кэсс, надев очки в квадратной оправе, в которой она обычно смахивала на учительницу из фильма для взрослых.

– Понятие пунктуальность этому человеку точно не знакома, – буркнула я, гипнотизируя вход в аудиторию.

Сначала даже и не поняла, что именно так встревожило все мои внутренности и отчего сердце зашло в бешеном ритме. А потом моргнула. И еще парочку раз, пока пелена перед глазами не спала, а мысли не отошли на второй план. Я удивленно уставилась на вошедшего мужчину.

– Доброе утро, – громко поприветствовал он, а у меня по всему телу побежали мурашки от невозможности и тупости ситуации. – Удивлены? – невероятно. До ужаса, паники и

всех отрицательных и негативных чувств. До мата, застрявшего в горле. Потому что прямо перед моими глазами стоял мой самый главный стыд. Человек, которого я бы точно не хотела видеть. Парень из спортзала, с которым я стала почему-то слишком часто сталкиваться.

***

Очередное утро. Все та же и ночь за окном, и звук будильника, и постель. Но тут воспоминания, словно снежный ком, накатывали на меня, заставляя злость раскалываться по телу с самого утра.

Не очередное утро. И, может быть, все тоже самое, но причина вставать другая.

Я поднялся с кровати, с сожалением оставляя нагретое за ночь место. И кто придумал эти утра? Нахрена? Видимо, для того, чтобы я мог спокойно принять душ, выпить зеленую жижу, которую фитнес-тренеры называют смузи из какой-то там зелени, проще говоря, травы, потом заесть все это супер полезным завтраком, а в итоге все равно залить в себя кружки две кофе, потому что ни это здоровое питание, ни регулярные тренировки бодрости не особо добавляли. Но спорт, так или иначе, часть жизни. Даже если приходится лишать эту самую жизнь чего-то вкусного и вредного.

Но, как говорил мой отец, жизнь состоит из маленьких ежедневных ритуалов, которые складываются в большие

привычки. Поэтому я пошел по привычному началу дня – лень, душ, зеленая муть, завтрак, кофе, потом натянул на себя презентабельный костюм, взял ключи от машины и перебежал через заснеженный двор прямо на парковку, устраиваясь на водительском сидении и заводя машину.

Я выехал с территории парковки, встраиваясь в поток машин, глянул на время, понимая, что минут на десять точно придется задержаться.

День предстоял тяжелый. Придется попробовать себя в новой роли – впервые в жизни по прямому назначению использовать свой диплом. Конечно, не по собственному желанию, но с небольшим интересом. Почему бы не вспомнить студенческие годы и не отбить хотя бы одну миллионную долю суммы за обучение?

Так или иначе, отец все равно попросил бы меня ввязаться в эту авантюру, потому что вариантов у него просто не было. Преподаватель со сломанной ногой в середине семестра, прямо перед сессией и сдачей экзаменов – трудно найти замену, да еще и так, чтобы без вопросов, лишних ушей, слухов и требований. Про последнее он, конечно, погорячился. Требований у меня будет даже побольше, чем у коллег.

Как я и думал, на парковку университета машина вернулась ровно с началом лекции. Как там говорят? Важные люди не опаздывают, они задерживаются. Шучу, конечно, но с такой фразы вполне можно начать знакомство с группой.

Я вышел из машины, кутаясь в теплое пальто, лежащее в

машине с момента, как город накрыло это снежное безумие. Зима в этом году пришла слишком рано, будто природа пыталась замести нас всех сугробами напрочь. А холодами еще раз напомнить никчемность человеческой жизни перед стихией. Кажется, я уже вошел в роль.

Внутри здания я снял пальто, отряхивая его от снега на небольшой коврик у двери. Просторные, светлые коридоры сейчас были пусты, подтверждая мою теорию о задержке в десять минут. По-хорошему сначала надо было бы заскочить к отцу, получить полные инструкции и со спокойной совестью просвещать юные головы студентов, но восемь утра, ректорат, по обыкновению, в это время еще спал, а все важные вопросы отец прислал в сообщении еще вчера вечером. Поэтому я, проигнорировав гардероб, поднялся на третий этаж, ища глазами нужную аудиторию.

– Доброе утро, – я вошел в помещение, откуда громче всего раздавались голоса. При моем появлении все сразу замолкли, любопытно вытаращив глаза. Да уж, чувствую себя мартышкой в зоопарке. И кто из нас еще в клетке – спорный вопрос, – Удивлены? Я тоже. Очень жаль мисс Стенелли. Еще сильнее жаль меня, потому что я буду ее заменять, и принимать у вас экзамен тоже буду я, – глаза пробежались по аудитории, когда я оказался около небольшого деревянного стола. Вполне обычные студенты, которые, надеюсь, не доставят мне хлопот в будущем. Хотя... я прищурился, наткнувшись взглядом на копну рыжих волос. Непонимание.

Замешательство. Медленное осознание ситуации и вуаля! Да ладно!?

Да нет, не может быть таких совпадений. Точно ли она?

Я снова прищурился, сиюсь разглядеть девушку, пристроившуюся почти в самом конце аудитории. Уж больно она похожа на странную незнакомку из спортзала, благодаря которой я так здорово улетел с дорожки, а потом еще и оказался в этом виноват.

При воспоминаниях об этом колено заныло, заставляя опуститься на стул. Но взгляд я при этом с девушки не свел. Она или не она? Хотя, судя по тому, как рыжая старательно прятала взгляд, она.

Вселенная явно решила проверить мой профессионализм, отходчивость и бог весть знает что еще. За что же мне так повезло? Где я успел так нагрешить?

– Меня зовут Кристиан Ротчестер, для вас – мистер Ротчестер, – проговорил я под внимательные взгляды студентов. Всех, кроме одной. Все-таки стыд ей знаком. Это радовало, – я аспирант на кафедре никак не относящейся к вашей специальности, но, по счастливой случайности, ректор вспомнил о моем образовании, в котором указано то, что я могу вести вас к свету, то есть в мир литературы. – закончил я, сложив руки на стол и снова оглядывая аудиторию, – вопросы? – в ответ раздалась только лишь тишина.

– Отлично, тогда начнем лекцию, а познакомимся по ходу пьесы, – студенты один за другим медленно расслабились,

приготовившись слушать. И снова все, кроме одной. Хотя ладно, признаюсь, если бы я попал в такую ситуацию, то тоже сторал со стыда, но, к счастью, я в такие поступки не лезу. И никогда не лез. – Итак, рассмотрим на примере девятнадцатого века автобиографичность в произведениях... – все-таки я здесь ради работы, а не для того, чтобы вершить справедливый суд.

– Начнем с того, что же такое автобиографизм, – взгляд обвел аудиторию, рассматривая заспанных, еще не проснувшихся студентов. Глаза остановились аккуратно на рыжих волосах, разметавшихся по столешнице от того, что обладательница этого кудрявого безобразия уткнулась лицом в сложенные на парте руки.

Кривая усмешка сама по себе нарисовалась на лице, а предвкушение маленькой охоты на ведьм разлилось волной по телу. Я не собирался ничего такого делать, но раз уж сама жизнь дала шанс, то надо им пользоваться.

– Может быть, на этот вопрос ответит студентка, у которой, кажется, сны намного интереснее этой лекции и всего происходящего, – с намеком проговорил я, вызывая смешки у некоторых молодых людей и явную панику на лице ее подруг. Одна из них как раз принялась тыкать локтем в бок девушку.

Она подняла взгляд, растерянно оглянулась на подруг, а потом с ужасом в глазах уставилась на меня.

– Мы получим сегодня ответ, мисс..?

– Ротчестер, – машинально ответила она. Как забавно. Еще и однофамилица. Какие там у жизни еще сюрпризы? – И я не расслышала ваш вопрос, – призналась она. Впрочем, от страха не осталось и следа. Теперь девушка совершенно открыто смотрела мне в глаза, слегка приподняв бровь. Хорошая актриса.

– Или вы просто не знаете ответ, – хмыкнул я, сложив руки на груди. – Судя по тому, как вы слушали.

– Просто повторите вопрос, я на него отвечу.

– Определение автобиографизма, – девушка на пару секунд задумалась, отвела взгляд в сторону, будто пыталась вспомнить, а потом с наглой усмешкой на пухлых губах произнесла:

– Автобиографизм в произведениях тоже самое, что использование собственного опыта, фактов из биографии своей или других людей и тому подобное. Все, что связано с жизнью автора или жизнью его близких.

– Похвально, мисс Ротчестер, но в следующий раз я не повторю вопрос, и тогда вам придется не сладко, – предупредил я, скорее в шутку, чем серьезно. Она, кажется, это поняла, потому как язвительно скривилась, откинулась на спинку стула и всю оставшуюся лекцию бездумно водила ручкой в тетради. Признавать ошибки она точно не умела. Собственно, как и переживать из-за предстоящих экзаменов.

Оставшийся час лекции прошел вполне неплохо, учитывая всеобщее желание поспать. А в конце я даже стал немно-

го жалеть о том, что забыл об этом направлении.

Студенты засобирались на выход, я кинул взгляд на Изабеллу Ротчестер – во время лекции успел заглянуть в список группы. Она вместе с подругами лениво собирала вещи, переговариваясь с ними о чем-то слишком эмоционально.

Изабель подняла голову, снова покрывшись краской, когда ее глаза наткнулись на мои. Это даже забавно. Может быть, и не так плох этот факультет и отец под боком.

Девушки тем временем приблизились к моему столу, все также разговаривая и не пытаясь скрыть тему своего обсуждения.

– Так ты не помнишь, что вчера было?

– Не особо. Половина вечера как ластиком стерли, – призналась Ротчестер, поправив волосы.

– Тебе нельзя пить, Изи, – покачала головой блондинка. Кажется, ее звали Лиза.

– Ты сказала, что не прочь бы познакомиться поближе с парнем из зала. Ну с тем, что так удачно растянулся на дорожке, – подруга совсем не регулировала звук голоса, а я наблюдал за тем, как краснело лицо Изабеллы. Она неловко глянула в мою сторону, потом резко отвернулась, нахмурившись.

– У тебя давно не было парня.

– И секса.

– Просто заткнитесь, – шикнула Изабелла, еще сильнее покраснев, а я уже изо всех сил пытался сдерживать смех.

Нельзя над таким смеяться, конечно, тут или пожалеть или помочь. Но ничего из этого я сделать не мог, да и не особо хотел. Остаток семестра обещал быть... ммм... пожалуй, интересным. Когда я еще послушаю о проблемах молодых девушек в сексе?

Глава 4

– Так это с ним тебя все время путали?

– Это такая тупость. Меня ведь зовут Изабелла, а его – Кристиан, неужели никто не додумался глянуть имя?! – отозвалась я на вопрос Лизы. Мы вышли из аудитории, после того, как девочки дружно решили вспомнить и про парня из зала, который оказался этим самым преподавателем, и про отсутствие личной жизни и секса. И я больше, чем уверена, что он все это слышал.

– Ну знаешь, всякое бывает. Тем более, фамилии одинаковы, зачем заморачиваться? – заметила Лиза, перекидывая спортивную сумку через плечо.

– Он мужчина!

– Поздравляю, ты не лишена зрения, – добавила она.

– Все-таки это странно, что тебя с ним путали! – недовольно воскликнула Кэсс, толкнув дверь университетского спортзала.

– А по мне так ничего страшного, – пожала плечами Лиза, – на экзамене можешь намекнуть на то, что тебе пару раз пришлось выслушать недовольство пары преподавателей о «твоей» научной деятельности. Может, будет более лояльным, – она хихикнула, заходя в раздевалку. Да уж, конечно, прямо расщедрится! Особенно после всего произошедшего. Как иначе, ага. Скорее отправит на пересдачу несколько раз.

Чего только стоит его сегодняшней вопрос! Прослушала вопрос на лекции. Каждый второй так делает. Я хотя бы ответить смогла! А его эта ухмылочка?! Бесит невероятно!

– Мне кажется, он слишком принципиальный для такого, – засомневалась Кэсс. Я же отвернулась к шкафчику, переодевая короткую юбку-шорты. Плевать, если честно, как он будет себя вести. К этому предмету я всегда готовилась, миссис Стенелли всегда спрашивала так, будто я не будущий архитектор, а филолог, который после университета пойдет мучить детские умы в школе, поэтому с ее экзаменов студенты часто выползали в слезах.

– Сегодня на час, я думаю, – задумчиво проговорила Лиза, завязывая волосы в косу.

– Куда-то собралась? – поинтересовалась Кэсс, почти в точности повторяя движения подруги. Лиза смущенно отвела глаза, нервно поправила невидимые складки на короткой юбке красно-зеленого цвета. Ага, сразу выдала всю себя с потрохами.

– Пока не знаю, уже пора начинать, – тут же перевела тему девушка, направившись к выходу. Мы с Кэсс переглянулись, усмехнувшись друг другу, последовали за Лизой, выходя в просторный спортзал с красно-зелеными эмблемами на бежевых стенах, ряды скамеек, баскетбольные кольца, окна под самым потолком и двойные двери в коридор, которые сейчас были открыты.

Лиза все молчала, стараясь даже не смотреть в нашу сто-

рону, явно понимая, что мы обо всем уже догадались. Чтобы Лиз да сократила тренировку на целый час – это ведь катастрофе подобно. И это заметили не только мы с Кэсс. Остальная часть команды переглядывалась между собой, но вопросов не задавали, зная, что Лиза не ответит, если это не касалось тренировок напрямую. Личная жизнь девушки была под строгим запретом для всех, кроме меня и Кэсс, но мы тоже молчали. Оно и понятно, что после такого тяжелого разрыва, говорить о новых отношениях, которых еще может и не быть, тяжело.

Ритмичная музыка разлилась по помещению, отражаясь еле слышимым эхом от стен и высокого потолка, буквально отрезая возможность разговоров. Девушки без напоминаний со стороны построились в линии, как обычно это бывало на тренировках.

Лиза начала разминку, как обычно спокойно и неторопливо, чтобы все успели включиться и проснуться. Я же едва перебарывала сонливость, думая о том, почему никто из нас троих не додумался перенести на вечер или вовсе отменить эту тренировку. Вряд ли бы от одного дня что-нибудь изменилось. Но в реальности мы затупили, поэтому все старательно вертели задом, головой и остальными конечностями.

После нескольких упражнений мелодия сменилась, а мы перестроились в треугольник. Я и Кэсс стояли прямиком за Лизой в самом начале. И теперь я могла спокойно наблю-

дать за тем, что происходило в коридоре. Поправка, в пустом коридоре. Потому что все нормальные, свободные от таких обязательств студенты уже, наверняка, сидели по домам.

В основном мы проходились по уже отработанной на миллион раз программе, поэтому не особо напрягались, делая это скорее на автомате и для поддержания собственной памяти.

– Попробуем новенькое? – повернувшись к нам, спросила Лиза, пытаясь перекричать музыку. Девушки почти синхронно кивнули, – отлично. Так, ты иди сюда, а ты сюда. Изи, ты здесь, Кэсс там, – она, словно вихрь, металась между нами, расставляя по местам, а потом удовлетворенно оглядела свое творение, принялась объяснять, что, куда и как.

Идея заключалась в том, чтобы одна девушка подкинула другую в воздух. Заходить в это небольшое безумие нужно было с прыжка, и абсолютно точно полностью трезвой. Но когда я пасовала перед трудностями?

Мне в пару досталась новенькая, имя которой я до сих пор не могла запомнить. Доверия это несколько не внушало. И, кажется, это было вполне взаимное чувство.

– Готова? – спросила я, желая покончить с этим побыстрее и буквально отсчитывая секунды до окончания часа пыток. Обычно даже удавалось получать удовольствие от сложных элементов, движений, боли в мышцах, но не сегодня. Сегодня мне хотелось только спать. А еще забыть про то, что остатки семестра придется видеть парня из спортзала, ока-

завшегося преподадом.

– Давай сделаем это, – улыбнулась девушка, немного наклонившись вперед и соединив пальцы в замок. Я кивнула, пару раз выдохнула. Боковое зрение уловило движение около дверей, на которые я инстинктивно отвлеклась, повернув голову. И лучше бы я этого не делала, потому что там оказался тот, кого я опять меньше всего в жизни хотела видеть. Мистер Ротчестер стоял, подперев плечом дверной косяк, едва заметная усмешка красовалась на губах, а во взгляде, я больше, чем уверена сейчас плясали точно такие же смешинки превосходства, как во время лекции. Он что, как долбанное привидение, приползает на мысли о нем?

Высшие силы, Вселенная или кто там еще, отключите мне способность думать, пожалуйста, если это я его вызываю.

– Ну так что? – поинтересовалась девушка, возвращая меня в реальность. Его здесь нет, его здесь нет. Просто надо сосредоточиться. Вот руки девчули, всего лишь надо разбежаться, опереться, подпрыгнуть, и красиво приземлиться. Я смогу. Наверное.

– Да, теперь точно, – мельком улыбнулась я, пытаюсь не показать того, что вместо решительности в душе расцветала паника, из-за которой тело едва заметно потряхивало. И вот надо же было всему сложиться именно так!

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Два шага, опереться, подпрыгнуть, приземлиться. Ничего сложного. Справился бы любой новичок. Но мне не повезло.

И то ли пол был слишком скользким, то ли от похмелья не до конца отошла, то ли присутствие моего проигранного желания и его взгляд, прожигаящий спину, сработали заодно или по отдельности, но вместо того, чтобы взлететь, я полетела вниз, даже не успев прыгнуть.

Мягкое место мгновенно соединилось с твердой поверхностью, а затем и я полностью распласталась по полу, уставившись в потолок. Даже не знаю, чего мне хотелось больше – плакать, краснеть, возмущаться или истерически смеяться. И почему никто не снимал это?

– Изи! – спустя несколько секунд раздался восклик Лизы. Она мгновенно подлетела, склонилась к моему лицу, волнительно что-то разглядывая. Рядом с ней возникла, точь-в-точь повторяя ее выражение лица, Кэсс. От этого стало еще смешнее.

– Устраивать тренировку после бурной ночи – так себе затея, – оповестила девушек я, а затем все же расхохоталась, наблюдая за их растерянностью.

Кэсс тяжело вздохнула, выпрямилась, приложив ладонь ко лбу.

– Она в порядке, умом не тронулась и уже хорошо.

– Ты хотела сказать, не тронулась сильнее прежнего? – уточнила Лиза, помогая мне подняться.

– А вы только этого и ждете, – хмыкнула я, кинув взгляд в сторону дверей, возле которых уже никого не было. Что ж, можно надеяться на то, что никто ничего и не видел.

Девушка, которая была со мной в паре неуверенно топталась рядом, опустив глаза в пол. О, это выражение было мне знакомо. Каждый проходит через это, когда случайно не справляется со сложным элементом. И у меня такое было. Однажды я уронила Кэсс. Тогда мой словарный запас нецензурных выражений знатно пополнился.

Я подошла к ней, игнорируя слабую боль в мышцах.

– Прости меня, пожалуйста, мне нужно быть более внимательной, – выпалила она, заставив меня зависнуть на несколько секунд. Она реально извинялись за то, что моя тупая голова приперлась полуживой?

– Так стоп, ты ни в чем не виновата, и позиция, и исполнение было хорошим, – я опустила ладонь на ее плечо, сжав в поддерживающей жесте. Девушка подняла взгляд, будто искала в моем взгляде подтверждение слов. Мягкая улыбка, образовавшаяся на губах, кажется, окончательно ее убедила, потому напряжение почти сразу же ушло из ее вида.

– Спасибо.

– Так, на сегодня все, – ура! Этот момент настал! Лиза торопливо засобиралась, девочки последовали ее примеру, толпясь у входа в раздевалку. Я пропустила новенькую вперед, забрала телефон со скамейки, который тут же завибрировал. На экране высветилось имя младшей сестры, которая иногда звонила мне, когда шла со школы или когда ей было не чем заняться.

Я ответила на звонок, прижав телефон плечом к уху.

– Привет, надеюсь, ты не занята, – прощепетала сестра, с такими теплыми интонациями, что я невольно улыбнулась, понимая, как же сильно все-таки любила и наши разговоры, и шутки, и вот такие внезапные разговоры среди дня.

– А если занята, то ты не станешь звонить? – ехидно поинтересовалась я, устраиваясь около своего шкафчика и доставая оттуда одежду.

– Наивная, – фыркнула Вера и, не дожидаясь ответа, принялась рассказывать что-то о школе, подругах, мальчиках, плавно переходя к тому, что ей хотелось бы уже начать изучать программы колледжей, чтобы сделать выбор, о котором потом не придется жалеть.

Я слушала ее рассуждения, которые иногда отдавали подростковым максимализмом, а иногда уже совершенно взрослыми мудростями, и от ее тоненького голоса становилось как-то теплее, а от оказанного мне доверия еще лучше и счастливее. Потому что темы, правда, бегали в разные стороны – от свиданий до мыслей, стать модельером или все-таки стоматологом. Моих советов она не особо ждала, скорее просто пыталась выговориться, но мне было интересно слушать почти что монолог и изредка вставлять фразы, подчеркивая то, что я все еще здесь и слушаю.

Правда, переодеваться в таком положении было не особо удобно, поэтому я попросила Лизу и Кэсс меня не ждать – первой на свидание собираться, а по второй плакала кровать, как и по мне, к слову.

Когда Вера решила, что рассказала уже всё, то раздевалка была уже полностью пустой. Я спешно натянула на себя брюки, рубашку, как и всегда решив принять душ уже дома. Собственная ванная это, знаете ли, собственная ванная! Терпеть не могла такие вот общественные вещи. И не потому что приходилось ходить голой, а потому что надо торопиться, натягивать на еле высохшее тело одежду, а потом выходить на улицу. Лучше дома – с чувством, с толком.

Я подхватила сумку, еще раз глянула в небольшое зеркало, подмечая все тоже самое, что и утром – синяки под глазами, опухшее лицо, неуложенные и торчащие во все стороны волосы, будто в них только что усадила гнездо ворона.

Задница гудела, явно намекая на то, что сидеть ровно я смогу еще не скоро, а из белого цвета кожа превратится почти во все оттенки радуги – от синего до желтого, зеленого и чего-нибудь там еще. Но что делать... такова реальность, поэтому я отвернулась от зеркала, проигнорировала боль, думая о том, что ходить теперь тоже будет не особо приятно. Толкнула дверь в коридор, тут же едва не врезаясь в человека.

– Осторожнее, – проговорил мужской голос, заставляя меня ругнуться себе под нос. Ну сколько можно?! Почему именно я? Почему именно он?

– Если не стоять возле дверей, то она не откроется в вас, – как же сложно было сдержаться и не сказать «не откроется в ваш зад». Хотя, думаю, по моему виду это прекрасно чи-

талось.

– Если иногда быть внимательнее, то люди не будут переходить улицу только ради того, чтобы не идти с вами по одной стороне.

– Что вы вообще забыли под дверью женской раздевалки?

– Уж точно не подглядывал, – саркастично отозвался мужчина.

– Вы что, извращенец?

– Нет, просто когда из-за тебя падает человек, то принято подходить и спрашивать все ли у него в порядке, а не убегать. Знаете, мисс Ротчестер, так поступают адекватные и воспитанные люди, – то есть он все-таки видел момент с падением. Можно ли теперь сказать, что мы квиты? Ну, он как бы делал почти тоже самое что и я. Просто смотрел.

– Все в порядке, спасибо, что спросили, – я натянуто улыбнулась, пытаясь избавиться от невыносимой компании, – Ну, я пойду?

– Конечно, мисс Ротчестер, конечно, не ушибитесь по дороге, синяки на нежной коже появляются легко, – мужчина усмехнулся и, сунув руки в карманы брюк, пошел дальше по коридору, оставляя меня с целым ворохом вопросов в голове. И первый из них – что это вообще было?!

– Спасибо за предупреждение, – криво усмехнулась я, пытаясь не переходить грань и при этом не оставлять последнее слово за ним, – Непременно им *не* воспользуюсь.

Глава 5

Очки для работы с текстом уже стали смахивать на орудие для пыток, а текст выглядел сплошным черным квадратом на белом фоне. Учебные планы всегда тяжело разгребать, учитывая середину семестра и дисциплину, которая шла по немного другой программе. Еще тяжелее становилось от мыслей, что на этом день не кончится, потому что мама очень сильно хотела посмотреть на сына и мужа, работающих вместе. Будто бы в этом было что-то великое и новое. Пусть я и преподавал на другом факультете, университет-то один. Но у нее была склонность к постоянному желанию устроить семейный вечер, где все ели из дорогой посуды, напряженно молчали и почти не смотрела друг на друга.

Я захлопнул журнал с планом, откинулся на спинку жутко неудобного стула и стянул очки, бросив их на поверхность стола.

Конечно, день прошел лучше, чем я думал. Даже успел посмотреть на закон кармы, который, оказывается существует. Хотя я искренне надеялся, что она ничего себе не отшибла, потому что падение было знатным. Это просто нужно было видеть. Честно, не ожидал, что случайная прогулка по коридору окажется такой зрелищной. На несколько минут даже поддался искушению и позлорадствовал. Но она все-таки моя студентка, поэтому проверку на профессионализм я не

особо и прошел.

Стрелка на наручных часах – подарок отца на первый год работы преподавателем – показывала уже половину восьмого, как-то слишком быстро отсчитывая время до нужного момента. Хотя я и так задержался на лишний час, только ради того, чтобы не отставать от студентов. Да, именно с таким смыслом. Пожалуй, на этом можно было и закончить. Вряд ли литература умела бегать, как и это здание, аудитория и мое желание здесь быть.

Это было похоже на возвращение в родной город после переезда. Вроде все тоже самое, вроде и ты тот же самый, а на деле все уже совсем-совсем по-другому. Вот и я так вернулся к делу, которое когда-то очень сильно любил, а потом оно просто забылось под гнетом жизни и разных решений, ведущих в противоположную сторону.

Я поднялся из-за стола, понимая, как сильно затекло все – обратная сторона работы, моя самая нелюбимая ее часть и причина постоянного зависания в тренажерном зале. Так что постоянные задержки даже на работе, которая нравится, тоже не особо радовали.

Время стремительно утекало, как назло активируя тревожный голосок в мыслях, буквально кричащий о том, что я опоздаю, зависнув в пробке. Хотя, наверное, это был здравый смысл, потому что загород в это время дороги всегда стояли.

И все же это лучше, чем если бы я поехал вместе с отцом

на его машине. Да, он прибыл вовремя. Даже заблаговременно. За часа три. Так себе удовольствие, даже при всей моей любви к родителям. Конечно, лучше провести эти же самые три часа, стоя в пробке.

С неба снова стал медленно сыпаться снег, покрывая лобовое стекло тонким белым покрывалом. И почему-то внушая ощущение того, что поездка выйдет очень и очень веселой.

***

Удивительно, но в родительский двор машина въехала вовремя. Ни пробок, ни долгого ожидания. Буквально сел за руль и через двадцать минут вышел из машины, позвонил в, окрашенную в голубой, дверь и уже через несколько секунд потерялся в крепких объятиях мамы.

Она радостно улыбнулась, отчего возле губ и глаз еще ярче проявились мимические морщинки. Стало как-то неловко из-за того, что наши разногласия с отцом стали причиной моих столь редких проявлений в этом доме.

– Как доехал? – спросила мама, поправив уже почти полностью седые волосы, голубые глаза, точно такие же как у меня, светились привычной теплотой, а с губ не сходила мягкая улыбка, окуная во что-то далекое, из детства.

– Без пробок вообще, – коротко отозвался я в ответ, рассматривая ни капли не изменившуюся обстановку: коридор

все также был в бордовых и коричневых тонах, справа и слева широкие арки уводили в кухню и гостиную, а прямо по курсу лестница на второй этаж. В этом доме я вырос, принял столько глупых и умных решений, что и не сосчитать... а сейчас был здесь всего лишь гостем. – Как твои дела?

– Пойдем за стол, уже все готово, там все расскажу, – мама заботливо забрала из моих рук пальто, аккуратно положив его на широкий пуф около зеркала в полный рост, – И не забудь помыть руки! – крикнула она, направившись в сторону кухни. Прошло столько лет, а ничего так и не поменялось.

Спустя пятнадцать минут, вымытые руки и вечное ворчание отца мы уселись за привычным небольшим столом на четыре персоны. Поначалу слышался лишь звон вилок о тарелки и иногда проскакивающее «спасибо, это очень вкусно» от меня и отца. Мы все пытались то ли не смотреть друг на друга, то ли наоборот, смотреть так, чтобы никто об этом не знал. Иногда я ловил на себе изучающий взгляд карих глаз отца, а он сразу делал вид, что поправляет аккуратную посевшую бороду и смотрит на развалившегося в углу кота.

– Так, как новая должность? – внезапно спросила мама, прерывая адский круг неловкого молчания. Я прокашлялся, отпил из бокала, почему-то думая о том, что можно было задать миллион других вопросов. И из всех я бы лучше ответил на вопрос «что на личном».

– Сегодня только первый день, я даже особо и не понял, – мама понимающе закивала, отец фыркнул, а я искрен-

не недоумевал, как из крепкой семьи, в которой за ужином никогда не замолкали беседы, мы превратились в это.

– Знаю что ты падок на красивых девочек, очень надеюсь на твое благоразумие и понимание того, что это совершенно недопустимо на моем факультете, – строго предупредил отец. Да, это тоже относится к «недоумеваю».

– Конечно, буду преподавать с закрытыми глазами, а студенток с намеками мгновенно отправлять в монастырь, надену на себя платок и...

– Для тебя все шуточки, смех, а это репутация целого заведения! И моя в том числе!

– Заведения? Бордель что ли?

– Кристиан! – возмущенно воскликнула мама, приложив ладонь ко рту.

– Мне хватит ума и памяти, чтобы не забывать о том, что прописано в трудовом договоре.

– Надеюсь на это. В противном случае даже я не смогу помочь.

– Твоя помощь не потребуется. Все это ты мог сказать в своем кабинете или написать в сообщении с инструкциями, так что не вижу смысла продолжать этот ужин. Спасибо, мама, за твои старания, все очень вкусно и прекрасно! Новый сервиз просто огонь.

– Заметил?

– Конечно.

– Может, останешься на ночь? Там метет и уже поздно. Да

и ты выпил. – я глянул в окно, за которым, правда, творилось настоящее безумие. И если выйти за снеговиком или романтической прогулкой еще можно, то садиться за руль просто самоубийство. Но целая ночь в этом доме... много часов в старой комнате, много часов в обсуждении того, что я неправильно живу и всё делаю не так. Нет уж, такую мотивацию я могу раздать себе и в зеркало.

– Нет, лучше поеду.

– Ты выпил!

– Останься, Кристиан, больше ни слова о работе. Обещаю. Я просто не хочу, чтобы твоя жизнь разрушилась из-за неверного выбора, – как-то непривычно тихо ответил отец, поправив на носу очки в квадратной оправе. И с одной стороны, я вполне их понимал. А с другой, хотелось в свою квартиру, в свою кровать и свой душ.

– Мне почти тридцать, я вполне себя обеспечиваю, работаю и сам решу, что разрушит мою жизнь. Это ведь моя жизнь.

– Все-все, пойду принесу десерт, – проговорила мама, вскочив со стула и почти бегом направившись в сторону кухни. Отец остался на месте, пытаясь не смотреть в мою сторону. Я делал тоже самое, старательно избегая его. Воцарившаяся тишина была почти оглушительной и странной, будто еще немного и я услышу его мысли, в которых я снова не оправдываю надежд, ожиданий и так далее. Это уже давно вызывало лишь легкую усмешку – свои собственные ожида-

ния я вполне оправдывал.

Интересно, теперь в спортзале около дома я должен игнорировать своих студентов, точнее, одну конкретную студентку, или вести себя, как преподаватель? За все время моей карьеры, ни с одним из учеников я не оказывался соседом. И, по правде сказать, никто не был причиной моего эпичного падения, которое запомнили все присутствующие в тот момент. И если непристойные предложения, влюбленный взгляд и прочие эмоциональные радости были вполне привычны и пресекались на корню, показывая, кто, где и на каком месте, то тут я даже растерялся.

Мама принесла шоколадный торт собственного приготовления, после которого я сразу отправился в свою старую комнату на втором этаже.

Вторая дверь слева. Небольшая комната, в которой ничего не изменилось – все те же светло-голубые обои, окно, выходящее в сад на заднем дворе, письменный стол, сейчас пустующий и просто собирающий тонну пыли, на стенах все также висели плакаты музыкальных групп, школьные фото с друзьями, с которыми я уже и не общался, билеты с баскетбольных матчей, на которые мы ходили с отцом, и то, что осталось от моих художественных талантов – картины. Такое чувство, что это было в какой-то другой жизни. А в этот момент я будто снова знакомился с собой.

За окном крупными хлопьями валил снег, подсвечивающийся желтым светом уличных фонарей, в комнате не го-

рела ни одна лампа, но этого и не требовалось. Здесь было светло, тихо и как-то волшебюно. Словно я на один миг вернулся в детство, в ожидание рождественского чуда. И хотя во взрослой жизни я понимал, что его не существует, но сейчас почему-то хотелось верить, что все-таки что-то такое есть.

Я смотрел на постельное белье с самолетиками на кровати, приоткрытый шкаф, на дверце которого висел фанатский шарф, и не хотел идти завтра на работу, так же, как и не хотел снова видеть то, как изменилась жизнь.

Даже не раздеваясь, чтобы не нарушить момент, я лег на кровать, закрыл глаза, чтобы через несколько секунд открыть их и заметить светящееся звездное небо прямо на потолке – наклейки, которые мы втроем очень долго и упорно пытались приклеить на глянцевый потолок. В итоге получилось. И они до сих пор светились. Был ли в этом какой-то смысл или я просто пытался зацепиться хоть за что-то, что раньше имело значение?

***

Спать на спине было жутко неудобно. На боку тоже. А на животе – просто издевательство. Все-таки задницей я приложилась неплохо, потому что наутро чувство было такое, что меня хорошенько отпинали по мягкому месту или отшлепали, что, конечно, оказалось бы лучше реальности, в которой я почти не спала.

Состояние жутко напоминало похмельное. И опять ни кофе, ни чай не уменьшали желания лечь обратно.

И с одной стороны было бы славно увидеть то, как работает карма. С другой, именно это я и увидела, точнее, почувствовала на себе. Поэтому моя злость на Ротчестера была совсем необоснованной. Ну, если не считать того, что, оказывается, все это время он был моей незримой фамильной тенью. Почему вообще с утра пораньше, потирая ушибленную задницу, к которой было даже больно прикоснуться, я думала про этого невыносимого, ужасного и самовлюбленного придурка?!

Я с особой осторожностью опустила на край стула на кухне, пытаясь не морщиться от боли. Вряд ли преподаватели оценят мою гримасу, когда я с непривычки сяду, как привыкла. Было бы разумно вообще никуда не идти, но...

Я выглядела, наверняка, почти комично. Гирлянды перемигивались белым холодным светом, за окном царила полная темнота, даже не кружил снег, на столе стояла красно-белая кружка с ручкой в форме рождественского леденца, едва заметная струйка пара взвивалась вверх, растворяясь где-то под потолком. А я сидела на мягком стуле половиной задницы и смотрела в одну точку. И почему-то в этот момент хотелось, чтобы зима закончилась, унеся за собой все тревожные мысли, ссоры с семьей и ожидание чуда, которое не случится. Просто верните меня в лето, я хочу снова жить в ожидании жизни. Но, увы, стрелки часов подкрадывались к

опасной отметке, за которой обычно скрывалось опоздание.

Первая кружка кофе и, с заботой для самой себя купленный вчера набор из трех эклеров, быстро исчезли. Так же быстро мягкая, теплая пижама сменилась привычным шерстяным свитером в черно-белую полоску, классическими брюками и подвеской в форме золотого ключика, которую подарила сестра на прошлый день рождения.

Девочки, наверняка, только-только проснулись, судя по тишине, которую хранил телефон. Я же решила выйти пораньше, чтобы дойти без спешки и суеты, и при этом не стонать при каждом шаге.

Я накинула черное пальто, взяла сумку, проверив наличие кошелька и зарядки для телефона – все, чего обычно хватало для того, чтобы спокойно пережить день. Потом заглянула в зеркало и, удостоверившись в том, что выглядела я вполне сносно, вышла из квартиры, благоразумно дождалась лифта в полной тишине, как-то совсем забыв про наушники.

Двери лифта распахнулись с тихим звуком, повторив этот звук еще трижды. Я же пыталась не заснуть под звучащую из динамиков мелодию. Потом вышла из подъезда, мгновенно проснувшись от того, что дверь не совсем открылась, а столкнулась с чем-то зашипевшим и заматерившимся.

Отличное начало дня! Утро только-только наступило, а я уже успела пришибить кого-то дверью! Странная у меня появилась тенденция – калечить людей!

– Извините, – проговорила я, выглянув из-за двери и при-

держивая ее, чтобы снова не попасть по кому-нибудь.

– Доброе утро, Ротчестер, и почему я не удивлен? – я замурилась, мысленно проклиная вообще все. Это карма, о которой я просила утром, да?!

– Утро не может быть добрым, если встретил преподавателя раньше, чем начались лекции. Примета такая, – хмыкнула я, выйдя из подъезда. Ротчестер усмехнулся, покачав головой, отчего темные волосы разметались в разные стороны. Выглядел он как-то совсем небрежно – белая рубашка помята, верхние пуговицы расстегнуты, галстук висел перекинутый через шею, волосы торчали в разные стороны, а на подбородке угадывалась легкая щетина. Значит, не ночевал дома? Ну, конечно, не ночевал. Это вообще не мое дело, но почему-то я чувствовала, как стремительно краснею, – У вас какая-то странная склонность к мазохизму, профессор.

– А у вас к тому, чтобы делать людям больно. И, видимо, абсолютная нелюбовь к литературе, – ответил он, сунув ладони в карманы пальто.

– Чего вы ко мне прицепились так? Отомстить хотите? – бровь взметнулась вверх, рассматривая какой-то слишком насмешливый взгляд профессора, – Вроде уже отомстили.

– Ой да ладно тебе, – резко перешел он на «ты», откровенно развеселившись. И вот какого черта у него такое хорошее настроение с утра?! Хотя, чему я удивлялась, если, судя по всем признакам, у него был секс. Не удивительно, да. – Просто признайся, что тебе не нравится литература. Может,

и сломанную ногу миссис Стенелли ты устроила?

– Конечно, я. Знала, что на ее место поставят вас и подумала, что вас проще шантажировать, учитывая, что меня по несколько раз в день путали с вами.

– И почему этому я тоже не удивлен? Колено, кстати, до сих пор иногда болит, – он театрально развел руки в стороны, отчего сейчас Кристиан больше походил на мальчишку, чем на строгого преподавателя. Я невольно засмотрелась на легкую улыбку, покрасневшие щеки и нос от холода, и как-то совершенно случайно задумалась о том, что было бы, если бы мы встретились при других обстоятельствах. Во время тренировки или когда пошли выбрасывать мусор. Было бы это как-то по-другому? Это был не любовный интерес, скорее желание узнать альтернативные варианты развития событий.

– Хорошего дня, мистер Ротчестер, эта тайна уйдет со мной, – я загадочно улыбнулась, впервые за все утро искренне, потом развернулась, стараясь не морщиться, – моя задница, кстати, тоже иногда болит. – добавила я, даже жалея, что сейчас не видела его лица. Хотя единственное, в чем я была уверена – так это в том, что поступила правильно, не рассказав девочкам о том, что Ротчестер и парень из зала – один человек. Почему-то эту тайну хотелось оставить только между нами двумя. Это казалось правильным.

Глава 6

Ночевать вне своей квартиры, кровати и прочих прелестей уже лет пять казалось худшим решением, которое я только мог принять вечером накануне.

Утро в такие дни всегда выдавалось тяжелым – проснуться не в своей постели, кутаясь в чужое одеяло, пахнущее не тем кондиционером для белья, не принять душ как следует и натянуть вчерашние вещи, по которым уже плакала стирка. Но, кажется, план с моей ночевкой у родителей был тщательно спланирован, потому что при виде бокала я даже не задумался о том, что мне предстояло сесть за руль. А когда опомнился, то стало немного поздно. Я не сторонник нарушать правила таким образом. Правда, из-за этой стороны моей личности пришлось встать на два часа раньше, чтобы не пересечься с отцом и не застать всех собирающихся на работу из пригорода.

В городе я уже был через полчаса. Возле подъезда снова встретил Ротчестер, у которой, клянусь, было какое-то странное, даже навязчивое желание мне навредить. Конечно, это шутки, но то, каким образом мы обычно встречались были, мягко говоря, травмоопасны. Причем не только для меня.

Я, что удивительно, я не злился. Нет, конечно, в первые секунды, рассматривая кровавое пятно на ноге злость так и

подначивала догнать ее и хотя бы заставить извиниться, но как-то не до этого было. Потом я несколько часов мысленно матерился, а затем понял, что, в принципе, надо было глазеть на симпатичную девушку за окном, а себе под ноги. Или хотя бы бежать по прямой, а не зигзагом, как получилось у меня.

Настроение оказалось даже хорошим, несмотря на то, что я был лишен всех утренних привычек. Впервые за долгое время мне не хотелось на всех орать без чашки кофе. Даже на Ротчестер, которая открыла в меня дверь. Кажется, ее мое веселье несколько обескуражило. Интересно, она уже подумала о том, что я конченный алкоголик? Да, который по вечерам в выходные пропадает в тренажерке. Конечно, мне ведь больше нечем заняться. Ну, вообще-то, правда, нечем. Все планы я обычно делаю заранее, долгов по научной деятельности у меня тоже не бывает. А личная жизнь бывала только иногда.

Может быть, потому что я очень любил свою квартиру и кровать с ортопедическим матрасом. А может, потому что мне было слишком лень ходить на свидания, узнавать кого-то, сближаться и так далее. Это требовало слишком многих усилий. И даже больше не первое время, а уже после, когда восторг и влюбленность медленно сходили на нет. Это энергозатратно. Возможно, однажды настанет день, когда я передумаю, но пока что так, прикрываюсь карьерой и отсутствием времени.

Да и одному намного проще жить. Ничего не делишь, ни

под кого не подстраиваешься. Кроме работы, на которую я почти опоздал, делая все то, что привык. Но нет, в университете я все-таки оказался вовремя. На своем привычном рабочем месте. Почти полный день без литературы, возвратов в прошлое и всего остального.

В общем кабинете в это время уже почти никого не было. Те, кто еще задерживался, опаздывая на лекцию, постепенно уходили, разбредаясь по аудиториям и оставляя меня в одиночестве и полной тишине.

У меня эти полтора часа были свободны, специально приехал раньше, чтобы успеть посмотреть все работы здесь, свериться с расписанием и потом со спокойной душой приняться за работу.

– Давно тебя здесь не было, Крис, – этот голос, приторный, со сладкими, тягучими нотками, словно удушливый парфюм, я узнал сразу, повернув голову на звук. На небольшом диванчике, положив ногу на ногу и склонив голову слегка в бок, как она всегда делала, когда пыталась на чем-то подловить, сидела Милли Монро. Для этой комнаты, и кому в нее разрешалось входить, просто Милли. Для студентов профессор Монро или мисс Монро – героиня влажных фантазий первокурсников. Впрочем, и не только их. Какое-то время их фантазии сбывались у меня.

– Взял дополнительные часы на другой специальности, – я прокашлялся, невозмутимо опустив портфель на край стола. Женщина хитро усмехнулась, немного подалась вперед, от-

чего пышная грудь показалась в треугольном вырезе. Неужели она никак не могла успокоиться?

– А я подумала, что от меня бегаешь, – она растянула ярко-красные губы в хищной улыбке, поправила волосы, положив конец высокого хвоста на плечо. Так, по ее мнению, она выглядела моложе своих лет. На самом же деле, никто не задумывался над возрастом Милли. Всех привлекала ее красота, сексуальность, самоуверенность, которой на самом деле там не было. Полгода мы провели вместе. И за это время я многое о ней узнал, чтобы потом мы сказали друг другу и остальным «не сложилось».

– От тебя еще попробуй убеги, – ехидно отозвался я, включая ноутбук и садясь за стол. Женщина не ответила, только поднялась с дивана, стуча каблуками по полу, остановилась около меня. Да, Милли была красива – бледная кожа, почти мраморная, черные волосы, глубокие карие глаза и пышные формы. Хочешь – не хочешь, а глазки забегают.

– Может быть, сходим куда-нибудь? – спросила она, сложив руки на груди и закусив нижнюю губу. Неужели подумала, что сработает? Я тихо усмехнулся, покачав головой. Надел очки и нырнул взглядом в открывшийся на экране файл.

– Мы это уже проходили, мисс Монро, и ничего хорошего из этого не вышло, – тонкая ладонь опустилась на мое плечо. Невесомо, будто проверяя границы дозволенного.

– Можем помочь друг другу с чем-нибудь.

– Милли, у меня сейчас два факультета, полная загрузка и

сюда не вписываются ни свидания, ни секс на одну ночь, ни отношения, – взгляд скользнул на лицо женщины, замечая то, как резко изменились ее черты, став более острыми, грубыми и, кажется, обиженными. Милли поджала губы, убрала руку с плеча и, молча кивнув, вернулась на диван. Наверное, нужно было испытать хоть немного неловкости или чувства вины, но ничего из этого не ощущалось. Эта история с моей стороны давно была закончена. А вот чья-то курсовая работа, смотревшая на меня с экрана ноутбука – нет.

***

– Точно тебе говорю, у него кто-то есть, – покачала головой я, пытаюсь убедить Лизу в том, что профессор в полу-расстегнутой рубашке и помятым видом точно шел не на работу, учитывая, что сегодня я видела его в коридоре, и вся одежда на нем была отглажена настолько, что не уверена, что я физически бы простояла столько времени с утюгом.

– Вообще, Изи права, именно так и выглядит, – встряла Кэсс, натягивая брюки. Мы стояли в раздевалке полуголые и обсуждали почти такого же профессора, которого я встретила утром, после тренировки, все время которой я просидела на скамейке. Мой же ушибленный участок тела не давал возможности для бурной физической деятельности, поэтому я смотрела издалека.

– Спасибо! – воскликнула я, – Почему мы вообще обсуж-

даем личную жизнь нашего профессора?

– Потому что твоей личной жизни нет, чтобы ее обсуждать.

– А что насчет твоей, Лиз? С кем ты ходила на свидание? – в ответ поддразнила я. Лиза мгновенно покраснела, отвела взгляд.

– Я все вам расскажу, как буду уверена в том, чем все это закончится, – открыто улыбнулась девушка. Я закатила глаза, надеясь на то, что это не очередная история с бывшим. Кэсс, кажется, разделяла мои мысли.

– Ладно, подожду вас в коридоре, здесь ужасно душно, – проворчала я, закидывая спортивную сумку на плечо.

– Только не влипни в очередную историю, пожалуйста, – Кэсс усмехнулась, в ответ на мой недовольный взгляд. Что ж, правда была на ее стороне, учитывая мою постоянную способность ловить неприятности. Почти как бабочек в поле совочком.

– Это будет очень тяжело! – саркастично отозвалась я, выходя из раздевалки.

Вечер наступил как-то слишком быстро, унеся за собой день. Не думала утром, что сейчас сказала бы такое, но время правда пронеслось слишком быстро. Я часто замечала, что с каждым годом время идет слишком быстро, а перед Новым годом и вовсе неприлично ускоряется, будто отрезая возможность начать что-то новое в уходящем году.

Лавочки в коридоре пустовали, я приземлилась на одну

из них, думая, что большинство студентов и преподавателей уже разбрелись по теплым и уютным домам, вкусно поужинали и, наверное, включили телевизор, чтобы расслабиться. Я не жаловалась, нет. Мне наоборот нравились все эти вещи – активность, в которую я всегда вписывалась, учеба, тренировки, вечера с девочками и их дурацкие желания за проигрыш в карты или чем-то еще. Это была наша молодость, и она казалась прекрасной. Такая, какая есть. Конечно, не всегда, но по большей части да.

Я выдохнула, прикрыв глаза. Очень хотелось скорее оказаться дома, принять теплую ванну и лечь в чистую постель.

– Ты не понимаешь, Кристиан! – змеиный голос, раздавшийся почти на весь коридор, заставил мгновенно раскрыть глаза и прислушаться. Да, любопытство во мне непобедимо. Ладно, на самом деле в мои цели это не входило. Она просто слишком громко зашипела.

– Милли, мы обсудили это уже миллион раз, – в ответ заметил строгий голос, в котором я узнала мистера Ротчестера. Ну, конечно, это он! Хрена... у него роман с мисс Монро?! Когда Кэсс просила никуда не вляпаться, она ведь не имела ввиду это, да?

– Я думаю, что это нам нужно, – немного тише заметила она. Потом послышался тяжелый выдох и шаги, за которыми последовал перестук тонких каблучков по плитке. О, нет, нет, нет.

Я зажмурилась, надеясь, что это поможет мне испариться,

исчезнуть или слиться со стеной. Но ничего из этого не произошло. Я отвернулась, делая вид, что рассматриваю точку в противоположной стороне коридора, и ничего не слышала.

– Ротчестер?!

– О, добрый вечер, – произнесла я в ответ, пытаюсь не заикаться. Кристиан, как она его назвала, смотрел устало и так, будто кого-нибудь из нас было бы легче прибить, чем объясняться. Мисс Монро выглядела так, будто этим кем-нибудь была я.

– Подожди на улице, – попросил он женщину. Она скривилась, затем послушно кивнула и, все также стуча ужасно высокими шпильками, двинулась на выход. Ротчестер повернулся ко мне, долго рассматривал, словно взвешивал что-то или думал, что хотел сказать. Впрочем, я была бы рада, если бы он просто свалил и не заставлял меня краснеть. С кем он путался, спал и пил совсем не мое дело, хотя его очевидно романтическая ссора с мисс Монро объясняла утренний внешний вид. И не сказать, чтобы меня это как-то задевало, но какая-то неловкость присутствовала, словно удав на шее. И мы просто пялились друг на друга, как два идиота. И непонятно, о чем думали. Мне очевидно все равно на эти разговоры. В этих стенах можно многое услышать. Что-то из этого сплетни, что-то правда. Но если бы я цеплялась за каждый такой момент, то получила бы образование журналиста, а не архитектора. Хотя я, конечно же, обсужу это с девочками.

– Вы что-то хотели, мистер Ротчестер? Вроде до сдачи

эссе еще есть время, – лучшая защита – нападение, правда ведь? Вот и я решила действовать на опережение, вовремя вспомнив про задание Стенелли еще до своего феерического ухода на больничный.

Ротчестер несколько раз моргнул, будто не понимая, о чем я вообще говорю. Потом усмехнулся.

– Это эссе я собирался завтра отменить, но могу и пере-
думать.

– Покупаете мое молчание?

– О чем вы, Изабель?

– Я – Изабелла, – поправила я, сцепив руки на груди, – взятка принята, но, думаю, я не одна такая. Мне-то глубоко все равно на ваше личное.

– Это не личное.

– Мне все равно.

– Как скажешь, – фыркнул он, снова резко перескакивая с «вы» на «ты».

– Думаю, вас уже заждалось ваше *не личное*, – в последние слова я пыталась вложить как можно больше ехидства. И кажется, это получилось, потому что он вопросительно поднял бровь, а когда дверь раздевалки открылась, выпуская оттуда Лиз и Кэсс, Ротчестер, не прощаясь, пошел к выходу. Я смотрела ему в спину, думая о том, почему именно мисс Монро. Не то, чтобы я претендовала на это место, но про нее ходило достаточно много слухов. Например, о том, как отличники таковыми становились на ее экзаменах. Интерес-

но ведь, правда?

– Рассказывай, – вздохнула Кэсс с выражением «я же про-сила», проследив за моим взглядом. Я вздрогнула, когда дверь за профессором хлопнула.

– Эссе Стенелли он завернул, – ответила я, радуясь тому, что нашлась реальная отговорка для этого случая, – Только об этом еще никто не знает, – почему-то информацию о Ротчестере и Монро я захотела оставить для себя.

Глава 7

– Да, мам, – устало проговорила в трубку я, пытаюсь сдерживать зевок и заслужить очередную тираду о том, что в обществе нужно быть более воспитанной. Не знаю, когда такие вещи стали примером невоспитанности, конечно, но у нее было на этот счет свое мнение.

Вера на заднем плане что-то говорила, пытаюсь перекрычать маму и передать мне привет. Почему-то ее общение очень согревало, дарило что-то такое теплое и уютное, словно кашемировый шарф в зимнюю стужу, где стужа – моя ежедневная рутина.

– Как ты? Как подготовка к сессии? Как экзамены? Ты готова? Ты выбрала следующее направление подготовки? Как тренировки? – засыпала вопросами мама, и с каждой секундой вопросы все сыпались и сыпались, прямо как снег, застревающий маленькими снежинками в волосах, которые становились похожи на иней.

Я отбрасывала комки снега в сторону ботинками, наблюдая за тем, как медленно и тихо он оседал на других участках. Было в этом что-то завораживающее и красивое. И это не потому что сегодня пятница, а впереди два выходных дня. Мне, в принципе, нравилась эта романтизация. Да и зима такое время года, которое само по себе романтизировалось. То ли это маркетологи постарались, то ли оно действительно

казалось чем-то обнуляющим, обновляющим, оттого и волшебным.

– Как ты? – повторила вопрос мама, заканчивая на этом свою тираду. Я выдохнула воздух, паром взвившийся куда-то вверх и расплывшись около желтого света фонаря. Мысленно вернулась в реальность, в которой от меня требовали ответа и немедленно.

– Все хорошо, я уже три года живу одна, и вполне справляюсь, – устало проговорила я, в который раз напоминая очевидные вещи, – меня не нужно контролировать.

– Это не контроль, – возразила мама, – Я просто переживаю, – да, ничего не меняется. Я удивлена. Очень удивлена.

– Я знаю, но все же могла бы ты не заваливать меня миллионом вопросов, если я и так рассказываю тебе это все?

– Ладно, – отозвалась она, – я просто не хочу, чтобы что-то случилось.

– Ничего не случится, – снова ничего нового, все одно да потому, – Как папа? – перевела тему я, боясь, что опасные вопросы и разговоры опять сведутся к страху смерти.

– Как всегда на работе, – мама громко цокнула, а я была почти уверена в том, что сейчас она еще и закатила глаза. Да уж, профессия папы ей никогда особо не нравилась, но, что удивительно, мама ни слова не сказала ему по этому поводу. Только поддерживала, терпеливо собирала контейнеры с едой на дежурства, закидывала в стирку испачканные сажей футболки и бесконечно гордилась. Не без выноса мозга, ко-

нечно. Куда ж без этого? От этого «страдало» все семейство Ротчестер.

– Когда придет?

– Должен вечером.

– Передай ему привет, – мягко улыбнулась я, вспоминая, как в детстве я, Вера и папа строили домики в гостиной из одеял и стульев, а потом мы с сестрой там засыпали, чтобы наутро очутиться в своих кроватях.

– Конечно.

– Я потом вам наберу, рука замерзла, – коротко рассмеялась я, сворачивая на улицу университета.

– Конечно, – мгновенно отозвалась мама, – Удачного дня.

Вера просилась к тебе в гости.

– Обсудим потом.

– Хорошо, будь аккуратна, – мягко проговорила мама, а затем положила трубку. Я же сунула руку с телефоном в карман, отогревая замерзшие и покрасневшие пальцы. Вот они явные минусы зимы во всем их великолепии – опасно иметь семью в это время года. Можно отморозить что-то из конечностей.

Я почти вошла на территорию университета, но до лекций оставалось еще достаточно времени для того, чтобы выпить вторую чашку кофе за утро. То есть необходимую норму для комфортного существования и жизнеспособности. Поэтому я свернула на соседнюю улицу, к небольшой кофейне, в которой уже тоже все со всех сторон дышало рождественской

атмосферой. Помимо ели в углу, маленьких сант на подоконниках, гирлянд на окнах, которые мигали с самого утра, в меню добавился латте с карамелью и корицей, вишневый пунш – от пунша только название, на самом деле это чай на вишневом варенье, и еще куча всего, из чего я каждый день выбирала что-то новое.

Я зашла в помещение, отчего по телу сразу пробежало приятное тепло. Вот только встреча, которая меня там ждала, была не совсем приятной. Около кассы стояла Милли Монро, то есть, мисс Монро.

Добрее утра не придумаешь. Она вела у нас несколько дисциплин на первом курсе. И каждой девушке запомнилась, как непроходимая стерва. А каждому парню, как эталон вселенской красоты и женской энергии. Почти идол. Уж не знаю, как большинство с группы стали у нее отличниками, но у меня не получилось. А выяснять способы, мне как-то не особо хотелось. Хотя я и не была склонна к тому, чтобы вешать ярлыки. Может быть, в глубине души она была бесконечно несчастна? Кто ж знает.

Женщина расплатилась, отошла к диванчику в зоне ожидания и элегантно, словно бабочка на полном лугу цветов, приземлилась на самый край, положив ногу на ногу и при этом оставив осанку совершенно ровной. Я невольно засмотрелась на это зрелище. В принципе, мне было даже понятно, почему всем она так нравилась.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, пытаюсь при этом вы-

глядеть так, словно я сейчас не перечисляла все факты о ней в своей голове. Все-таки она могла появиться у нас в следующем году. А это, как говорится, мой вклад в будущее.

– Доброе утро, – сдержанно улыбнулась женщина, тут же отвернувшись к окну, за которым начал падать снег. Да, по прогнозу сегодня ожидалась сильная метель. И, кажется, она уже началась. Наверное, нужно было остаться дома.

Когда формальности были соблюдены, я все-таки сделала заказ, по привычке взяв латте с карамелью. Сидеть рядом с Монро не особо хотелось. Как-то на грани неловкости и истерического смеха, от которого хотелось согнуться пополам, поэтому я просто отвернулась к окну, разглядывая желтые огоньки гирлянд и украшения на подоконниках – маленькие елочки, искусственный снег, сани с оленями и подарочки в красной блестящей обертке. Красивое украшение. В которое совершенно не вписывался застывший за окном человек в черном пальто. Он стоял спиной, поднимая голову к небу и разглядывая снежинки. А может, высматривал Санту.

Будто почувствовав мой взгляд, он повернулся, встречаясь со мной глазами. Мурашки побежали по телу, мгновенно расплываясь маленькими молниями по телу. Абсолютно ледяные голубые глаза, вокруг которых уже были видны мимические морщинки, придающие лишь какой-то харизмы и обаяния, в упор смотрели на меня. Там, за окном, стоял мистер Ротчестер, на его губах красовалась легкая улыбка, от которой стало невыносимо жарко и неудобно, а щеки залила

краска, словно на меня впервые в жизни смотрел мужчина.

– Мисс Монро, ваш заказ готов – капучино и латте, – проговорила девушка за кассой, заставляя меня вздрогнуть и повернуться. Ну, конечно. Два кофе. Ротчестер на улице. Они точно пара.

Я отвернулась, не желая больше смотреть в окно. Утро было, мягко говоря, странным. Два преподавателя за пять минут – слишком плохая примета для одного начала дня.

***

День выдался, правда, сложным. Все-таки, кто бы, что ни говорил, приметы работали и имели какую-то невидимую для нас силу. Хотя, вообще-то, я скорее скептик. Но как иначе объяснить утренние встречи и вечернюю отработку?! Причем, почти и не за что.

Подумаешь, опоздала. Подумаешь, телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Я ведь не виновата, что мошенники не учитывали, что многие могут быть заняты в момент, когда они хотят озолотиться по-быстрому?! Но кого это волновало. Профессор старый, плохо слышит. И, очевидно, не любит рыжих и шумных. Хотя, второй пункт немного странный. Со слухом же проблемы...

В общем, это все не так важно. Нужно просто ставить телефон на еще более беззвучный – беззвучный.

Я выдохнула, собирая гору папок в аккуратную кучу, что-

бы корешки совпадали друг с другом, проверила буквы по алфавиту. Затем еле подняла эту стопку, загрузив это все на пыльную полку.

И почему он не мог придумать отработки получше? Я бы лучше вымыла весь кабинет их кафедры с пола до потолка, чем задыхалась от пыли в кабинете с миллионом старых дипломных работ и прочего бумажного ужаса. Вот и нахрена им столько использованной бумаги, которая только место занимает?

Еще и эта жуткая, желтая лампочка больше напоминала заброшенную психбольницу, чем престижный университет. Удивительно даже, что это место оказалось не где-нибудь в подвале, а прямо посреди коридора. Конечно, здесь были и свежие работы, и документы, но копаться меня отправили в самый дальний угол.

Уже несколько часов я искала нужную профессору работу, заодно перебирая старые и сортируя их по алфавиту. Очень надеюсь, что моя помощь окажется неоценимой и станет хорошей оценкой на экзамене. Иначе смысла тут задыхаться не вижу. Почему, интересно, профессору, никто не помог щелкнуть кнопкой мыши, открыв нужную ссылку? Загадка века.

Я включила музыку, чтобы хоть как-то скрасить постоянное шуршание бумаги и полок. Пальцы на руках уже покрылись серым слоем пыли, вызывая лишь отвращение и желание помыться, но я продолжала перебирать работы, думая о

награде – влажных салфетках, которые лежали в сумке.

Конечно, старый усложнил мне вечер. На улице уже, наверняка, началась настоящая метель, которая очень кстати проводит меня до дома. Класс. Сначала отбить задницу, затем отморозить. Хороший план.

Мысли крутились друг за другом, даже не перебиваясь музыкой и ритмичным постукиванием ног. Думалось и о Ротчестере и Монро, и о Стенелли, и о девочках, и о сестре. И ничего по существу. Все глупые рассуждения из серии «если бы».

Дверь неожиданно открылась, заставляя едва ли не подпрыгнуть от неожиданности. Если это старый, то сидеть мне до самого выпуска в этом архиве за любовь к музыке и нелюбовь к тесным пространствам.

Я мгновенно потянулась к телефону, думая, что, если отключу музыку раньше, чем увижу его, то жизнь даст мне шанс.

– Хорошая песня, зря выключила, – раздалось со стороны, когда я нажала на паузу. Только этого не хватало! Я повернулась, замечая Ротчестера, который тут же полез в коробки в самом начале комнаты.

– Подумала, что вы...

– Вроде бы, я не настолько стар, – хмыкнул мужчина, на мгновение оторвавшись от коробок.

– Я не это имела ввиду.

– Знаю, просто забавно, что кто-то вызывает у мисс Рот-

честер такой благоговейный ужас. И, о ужас! Этот кто-то не я! – проговорил он, вернувшись к коробкам. Так далеко я еще не заходила. Что говорить-то?

– Вы при всем желании не вызвали бы ужаса.

– Да? А что тогда? – с издевкой спросил мужчина, достав какую-то стопку нужных документов. – Может быть, стыд? – он усмехнулся, явно намекая на обстоятельства первой встречи. А я покраснела под взглядом его глаз. Благо, тусклая лампа не должна была выдать меня. Кажется, сейчас я была даже благодарна старику за отработку именно здесь. Ротчестер не видел реального стыда на моем лице.

– Я ведь извинилась!

– Не помню такого.

– Значит, не такой уж вы и молодой, – буркнула я, сложив руки на груди. Тоже мне. Вздумал играть на моем чувстве вины? Не дождется!

– Как банально.

– О да, вы весь – одна сплошная банальность, – не сдержавшись, выпалила я, только через несколько секунд до меня дошло, что он мой преподаватель! От него зависит моя оценка! А можно вдохнуть как можно больше пыли и отлететь в мир иной? Какой позор! Ну почему мне так везло в общении с этим человеком?!

– Извините, мистер Ротчестер, – лучше вовремя отступить, чтобы потом выиграть. Да, я снова прокладывала дорожку из желтого кирпича к будущему.

– Не извиняйтесь, мисс Ротчестер, – остановил он, – Я не склонен обижаться на очаровательных и наглых студентов. Это, скорее, забавляет, – мужчина лже-ласково улыбнулся, это было видно по тому как правый уголок пополз чуть выше, превращая улыбку в усмешку.

Надо же! Забавляет! Я и забавляю! Я что, клоун?! А это цирк? Вот ведь! Бесит. Просто бесит. До невозможности бесит. Не нужно было извиняться. Пофиг на оценку. Главное, что гордость останется целой. И я наглая?!

Я сложила остатки того, что вытащила, решив больше не задерживаться в этом ужасном месте. Продолжу раскопки завтра. Но сейчас так и хотелось догнать Ротчестера и высказать ему все, что я о нем думала. В том числе и то, что на береговых дорожках принято соблюдать технику безопасности!

Но я не стала его догонять. Это всего секундная злость. Да и он не заслужил ведь ничего из того, что я о нем думала. Просто почему-то Кристиан Ротчестер вызывал у меня странные ощущения. То ли неловкость, то ли злость, то ли смущение. Конечно, он был симпатичным. Но не более того. К тому же, являлся еще и моим преподавателем. Пусть и всего лишь на замену.

Я вышла в коридор, вдыхая почти свежайший чистоты воздух. Как я и думала, у всех нормальных людей уже давно начался вечер отдыха, веселье и прочих человеческих радостей, все-таки завтра суббота. А я проторчала в архиве добрую половину дня.

Домой хотелось до безумия сильно. Там меня ждал полный набор для приготовления глинтвейна и новоприобретенная книга. Так что я поскорее забрала пальто и сумку, направившись на выход.

На улице, как я и предполагала, метель разошлась в полную силу, заставляя поплотнее кутаться в шарф и пальто, скрывая уши и нос. Транспорт сейчас вряд ли ходил. Да, я впервые за все время задумалась об автобусе. Просто потому, что в такую погоду я превращусь в одного из снеговиков во дворах.

Но я все же шагнула вперед, зябко поежившись и десять раз отругав себя за то, что не взяла перчатки. Лежали ведь под носом!

– Изабелла? – я повернулась на звук своего имени, замечая на ступеньках Ротчестера. Снова он. Это уже больше казалось на издевательство или преследование. Почему таким образом я сталкивалась именно с ним?

– Да? – спросила я, наблюдая за тем, как мужчина стал спешно спускаться по лестнице.

– Мы ведь почти соседи, я могу тебя подвезти, – поравнявшись на ступеньках со мной, кивнул он в сторону. А я просто выпучилась на него, как полная идиотка. Мне не слышалось? – Не бойся, в лес не отвезу, – пошутил Кристиан. Кхм, Ротчестер. Да, именно о лесе я и думала. Как месть за случайное падение или что-то еще. Это же так умно.

– Конечно, не увезете, все подумают, что у нас роман, –

выпало из меня раньше, чем я подумала. Да почему никто там наверху не может включить мне мой мозг?! Он явно творил какую-то дичь, не советуясь!

– Так вот о чем вы фантазируете, – понимающе хмыкнул мужчина, пока вокруг все продолжало заметать снегом, который снежинками оседал и в его темных, слегка волнистых волосах, – мне всего лишь не хочется, чтобы моя студентка замерзла и заболела. – добавил он спустя несколько секунд, словно пытаясь оправдаться. Я кивнула, принимая этот аргумент. Ладно. Ничего критичного. Ничего страшного. Он, правда, только подвезет меня до дома. Кристиан ведь почти мой сосед. Интересно, в своих мыслях я могу называть его Кристианом?

– Чего застыла? – поторопил Кристиан, спускаясь дальше. Я отмерла, выяснив, что все-таки могу. Да, теперь в разговорах с самой собой он будет Кристианом. Если в гневных, то Ротчестер или «тот из зала».

И почему-то момент, когда я садилась в его машину показался нереальным, почти придуманным, словно я находилась во сне, в котором все шло наперекосяк, но при этом мне нравилось.

Глава 8

Мне хотелось удавиться. Но сначала задать себе несколько вопросов. Хотя хватило бы даже одного. Какого черта я только что сделал? Мало слухов про меня и Монро? Решил еще и Ротчестер к ним приобщить? Типо зачем мало, если можно много?

Иногда мне казалось, что мне не тридцать, а пятнадцать, и я все еще не умел думать головой. Той, что сверху. Изабелла меня, конечно, не привлекала в том плане, в котором могла. Ладно, кого я обманывал. Она красивая. Особенно сейчас, когда смущенно глядела в сторону, боясь посмотреть на меня.

Я не склонен романтизировать, но этот момент казался почти книжным. За окном машины царила настоящая метель, из динамиков доносились спокойные рождественские мелодии, а дороги в это время уже пустовали. Вряд ли были еще сумасшедшие, кому хотелось выбираться на улицу в такую погоду и рисковать транспортом. В появившихся сугробах, которые сейчас не было смысла убирать, легко можно было застрять. Но ночевать на работе мне не особо хотелось. А Ротчестер морозить... кхм... все.

Изабелла молчала. Я тоже. Да и о чем можно было поговорить в такой ситуации? Об университете? О жизни? О планах? Смысл?

Тишина была не напряженной. Скорее слишком тихой. Такой, в которой каждое движение обычно слышалось оглушающе громко, даже несмотря на музыку.

Наверное, поэтому шорох ткани, раздавшийся рядом, так быстро привлек внимание.

Я мельком глянул в сторону, замечая, что теперь девушка совершенно беззастенчиво разглядывала меня, почти точно так же, как в смотрела в окно спортзала, подмигивая и бесстыдно улыбаясь. Правда, сейчас ее взгляд был задумчивый и серьезный, словно она пыталась прочесть мои мысли или хотя бы просто понять. Признаться, я и сам не понимал.

– Почему литература? – неожиданно спросила она, все еще сверля взглядом мой профиль. Я задумался, пытаюсь придумать ответ на ее вопрос. Сказать правду? Не отвечать ничего? Задать встречный вопрос?

– Потому что мой отец хотел, чтобы я шел по его стопам, – все же правда лучшее из того, что было придумано миром.

– И поэтому?

– И чтобы насолить ему, вместо архитектуры я выбрал литературу, – она удовлетворенно кивнула. Потом удивленно выпучила глаза, подавшись вперед и рассматривая меня еще пристальнее, словно складывала в голове что-то совершенно очевидное, но почему-то упущенное из вида.

– Твою мать, – прошептала девушка, вызывая этим легкую усмешку на губах. Кажется, одна новость закрыла собой и субординацию, и ее здравый смысл, отчего она так быстро

перепрыгнула с официального обращения. Но это было даже мило.

– А причем здесь моя мать? – сквозь смех спросил я, на секунду отвлекаясь от дороги, чтобы посмотреть на Изабеллу.

– Твой отец – декан факультета?!

– Так тебя интересуется моя мать или все-таки отец? – она в ответ только фыркнула, сложила руки на груди и отвернулась, то ли обиженно, то ли потеряв интерес к этому разговору вообще.

– Почему именно архитектура? – нужно ведь играть в эту игру вдвоем, верно?

– Потому что это мир, – мгновенно ответила она, – писатели создают его словами, художники картинами, а архитекторы... берут отовсюду понемногу.

Интересный ответ. И в двадцать один год я бы ни за что так не ответил. А она даже не задумывалась над тем, что сказать, словно эти мысли всегда были в ее голове, будто этим она жила.

Я глянул на девушку, она смотрела на снег за окном, и ее глаза в этот момент отражали уличные фонари, из-за чего казались еще больше и ярче. Это казалось завораживающим. Красивым и каким-то теплым. Словно сейчас за окном была не одна из самых сильных бурь за все время, а разгар весны.

Машина медленно продиралась сквозь завалы снега. И до этого момента все было нормально. А потом, дернувшись,

встала.

– Вот же черт! – выругался я. Только застрявшей машины в этом вечере не хватало, да. Ну какого черта? Нахрена?

– Что случилось? – поинтересовалась Изабелла, повернувшись в мою сторону. Я не ответил, потому что вариантов было несколько, и какой из них верный я не знал.

Подняв ворот пальто повыше, я вышел из машины, обошел вокруг, заглянул вниз, шумно выдохнул, когда понял в чем дело.

Почему-то мне казалось, что Ротчестер меня сожрет. С потрохами и костями. И, когда я вернулся в машину, ее вид был более, чем красноречив, напоминая смешные шоу по телевизору, где показывали супружеские пары через лет сорок после свадьбы. Вот Изабелла выглядела именно так.

– Ну?

– Застряли.

– И почему от вас столько проблем? – устало проговорила девушка, уперев локоть в колено и подперев подбородок кулачком.

– Кто бы говорил.

– Ну это не я плюю на технику безопасности и вообще.

– Это не я устраиваю представления под окнами и на глазах кучи людей!

– Ничего такого в это не было!

– Да с чего ты это взяла?! – возмутился я в ответ, на что девушка хмуро свела брови к переносице, пару раз открыла

и закрыла рот, словно хотела что-то сказать, но передумывала. А потом она просто схватила сумку с колен и вышла из машины прямо в снежное безумие, даже ни разу не оглянувшись.

Боги, дайте мне сил. Она ведь доведет меня до кресла психотерапевта. Если не психиатра. А ведь она просто моя студентка!

***

Кажется, сейчас уровень ненависти зашкаливал. Снег уже не казался хорошим знаком, потому что больно бил по щекам и носу, словно маленькие иголки, впивающиеся в кожу. Ротчестер бесил своей излишней самоуверенностью и невыносимостью, но теперь хотя бы было понятно, откуда это все у него взялось. Неимоверно раздражал и профессор со своим архивом, чертежами и работами.

– Ротчестер, вернись в машину! – крикнул Кристиан мне в спину, отчего злость еще сильнее скапливалась в горле, словно к шее прицелился осьминог, душа своим присутствием. Я не повернулась, продолжив идти пешком. Даже не знаю, почему я так разозлилась на него. Он ведь по факту не виноват. Но!

– Изабелла! – раздраженно повторил мужчина, что я тоже проигнорировала. И откуда во мне взялось столько раздражения? Почему оно появлялось вот так просто? Буквально

с ничего? Меня бесил Ротчестер, бесила Монро, весь университет. И появилось это с момента, как он пришел в мою жизнь. Ну какого черта?!

Наверное, из-за мыслей я не услышала торопливого хруста снега за спиной. И, когда чьи-то руки обхватили меня, закинув на плечо, я едва не закричала от страха, мгновенно ударившего в голову.

– Надо было вернуться, пока звал по-хорошему, – заметил мужчина, повернув в сторону машины. Я молчала, пытаюсь успокоить панику и тошноту, кружащие голову и заставляющие хватать ртом воздух, словно я – выброшенная на берег рыба. Сейчас все раздражение ушло, сменившись страхом высоты. Кристиан ведь выше меня настолько, что я едва доставала ему до груди. Не то, чтобы мерила, но... мелькающий и расплывающийся так далеко внизу снег спокойствия точно не внушал.

– Надо было вести себя нормально! – шикнула я, поерзав на плече, чтобы не свалиться. Кристиан переместил ладони на моих бедрах выше, едва не касаясь ягодиц, – Если вы хотели меня облапать, то не обязательно было так все усложнять.

– И как все нужно было сделать?

– А вы хотели меня облапать?

– Ты бы этого хотела? – поинтересовался он, а я почувствовала, как лицо стремительно покраснело от непрошенных фантазий, – может быть, не только? – его голос стал вкрад-

чивым.

Я вздрогнула, испугавшись того, что он, возможно, прочитал мои мысли, а сорвавшееся с цепи воображение уже всюду рисовало мне очень горячие картины, от которых становилось жарко. Казалось, жар распространяется от щек по всему телу, заставляя слегка ныть грудь, постепенно стекая вниз.

– Не хотела бы, – я очень надеялась, что голос в этот момент не звучал слишком хрипло или тихо. Не к чему было давать ему столько власти надо мной и знания о том, что происходит со мной прямо сейчас. Все-таки, как заметила Лиза, зрения я не лишена. Он довольно-таки симпатичный. А еще умен, не лишен чувства юмора и... а что «и»? Я его даже не знала. А еще он сын ректора. И мой преподаватель. Достаточные причины для того, чтобы поерзать на плече, пытаюсь оказаться на земле.

Да, Изи, не могла найти кого-нибудь другого для таких мыслей?

Ладно, у меня просто давно не было секса. Точно, в этом вся проблема.

Кристиан дошел до машины, аккуратно поставил меня на ноги, слегка придерживая за талию.

– Очень жаль, – прохрипел он, вновь заставляя фантазии вернуться. Мне не послышалось? Он реально это сказал?

Мужчина, не отрываясь, разглядывал меня, только ухудшая этим действием ситуацию. Если он смотрел так, когда я

была одета, то *как* выглядел бы его взгляд, если бы на мне не было одежды?

Он подался вперед, оставляя между нашими лицами всего несколько сантиметров, заправил прядь волос мне за ухо.

Кажется, в этот момент я разучилась дышать. Это было слишком. На грани всех возможных чувств. Я думала, что злость, ненависть и раздражение вернуться. Но их не было. Ни одного из этих чувств. Только хотелось, чтобы пальцы провели дорожку от уха к подбородку, спустились на шею. А затем все тоже самое повторили бы губы.

Я моргнула, пытаюсь стереть это наваждение, выгнать фантазию из списка своих способностей.

– Очень жаль, что ваши мысли настолько испорчены, мисс Ротчестер, – дополнил Кристиан, тут же отойдя на безопасное расстояние. Что-то внутри одновременно с этим укололо. Разочарование, обида и облегчение. Он прав. До невозможного прав. У него есть девушка. Он мой преподаватель. И еще миллион отговорок, которые заканчивались на том, что Кристиан на десять лет старше меня.

– Они вторят вашим, – отозвалась я, не отведя взгляд. Я не буду смущаться. Не дам ему возможности увидеть мое смущение или что-то еще. Нет уж, – спасибо, что подвезли, дальше будет проще, если я дойду сама. Здесь недалеко, – не знаю, для чего я добавила последнее, ведь он был почти моим соседом, но лучше держать дистанцию. Лучше пусть ничего из этого не будет.

– Не за что, Изабелла, – прошептал мужчина, а затем отвернулся. Да, это точно правильно. Правильно идти вперед, не обращая внимания на то, что ветер трепал волосы, а снежинки оседали на всех поверхностях. Правильно идти вперед и не оборачиваться. И правильно, придя домой, набрать горячую ванну, чтобы вода смыла тяжелые мысли и успокоила.

Вот только ни капли спокойствия не собиралось в теле. Его становилось лишь меньше с каждой секундой. Я не понимала, почему неопознанные чувства меня душили, словно шерстяной колючий шарф завязали слишком туго.

Не помня себя, я добралась до дома. Вся дорога была потеряна в памяти где-то на границе метели, мыслей о том, что я не понимала, что происходит и почему. Почему он стоял так близко? Почему позволил себе столько вольностей? Почему я это допустила?

Вопросы один за другим собирались друг на друге, и пока я спешно снимала с себя мокрую одежду, и пока набирала горячую воду в ванну. А потом я плавно опустилась в воду и мысли на миг исчезли. Все разом, будто их и не было, но это оказалось лишь иллюзией, чтобы через секунду налететь с новой силой.

Пена скрывала обнаженное тело почти целиком, пока я бездумно водила пальцами по воде, вырисовывал круги. И почему нельзя было точно также спрятать эмоции? Мне было и обидно из-за того, что он меня оттолкнул, и при этом

я осознавала причины его поступков, но все равно хотела, чтобы Кристиан меня поцеловал. И я не совсем понимала почему жизнь сталкивала нас каждый раз? И одно дело, если бы неудачное желание закончилось на том же, на чем началось, но ведь нифига оно не закончилось. Очень даже продолжалось. И сворачивало в странную, пугающую сторону, принося вместе с собой кучу страхов и кошмаров, от которых непонимание только сильнее пробиралось под кожу сомнениями и отчаянием.

Глава 9

Пожалуй, правильнее всего было бы забыть весь прошлый вечер. Что я и делала первую половину субботы. Веса эти воспоминания все равно не имели. Точнее, казалось, что проще забыть, чем возвращаться к этому раз за разом, то ли в раздражении к самой себе, то ли к нему. Моя неприязнь к Ротчестеру все равно никуда не делась. Наоборот, только усилилась, в этот раз подкрепляясь еще и женской солидарностью. Да, даже к такой женщине, как Милли Монро.

И если бы я знала и могла вернуть время, то просто бы не выполняла дурацкое желание девочек. Уж лучше выпила бы пару лишних штрафных бокалов, чем разбираться в том, что происходит сейчас. Хотя, может, я просто накручивала? Возможно ведь и такое. Я натура вполне тревожная.

Докатилась...

Я села на диван, запустила пальцы в волосы, расправляя запутанные кудри. Нужно перестать крутить эти мысли в голове. Ни к чему хорошему они все равно не приведут. Тем более, скоро придут девочки. А уж они точно заметят мое странное состояние. Так что, мистер Ротчестер, забирайте свое обаяние, красивую внешность и выметайтесь из моих мыслей!

Почему все должно было оказаться настолько сложным?

Я поднялась с дивана, когда раздался телефонный звонок

от Лизы, означающий, что они уже ждали внизу. Признаться честно, отвечая на звонок, мне так хотелось остаться в одиночестве, не ходить в магазин, не сидеть с девочками после. Мне хотелось побыть в полном одиночестве, перебирая мысли о Ротчестере. Утопиться в своих иллюзиях и попытках понять, почему он вызывал во мне столько противоречий. Но, увы, вторую половину субботы я собиралась провести активно и почти пьяно.

***

Я бродила между холодильников с мороженым, пытаюсь отыскать шоколадное, среди скудного зимнего выбора. И кому пришло в голову так сильно ограничивать выбор холодных сладостей на это время года? Куда вообще девалось то мороженое, которое пропадало с прилавков? Почему об этом никто не задумывался?

Упаковки пестрели всеми возможными цветами, почти расплываясь в глазах, особенно после нескольких бокалов вина. Надежды не спиться с каждым днем становились все меньше и меньше, сводясь почти к нулю.

Взгляд зацепился за нужную марку шоколадного безумия, я открыла холодильник, нырнув в него почти по пояс, пытаюсь вытащить то, что мне нужно. Затем, подцепив упаковку, выпрямилась, тут же едва не врезавшись в кого-то.

– Извините, – бодро начала я, а затем мгновенно заткну-

лась, потому что мой взгляд зацепился за знакомый серый свитер. Если бы я могла провалиться прямо сейчас в ад, то предпочла бы это, чем серьезный взгляд голубых глаз, буквально впившихся в меня, – твою мать, – вырвалось раньше, чем я успела залезть в холодильник, чтобы спрятаться.

– Какая встреча.

– Не скажу, что приятная, – это была ложь. Все внутренности разом перекутило от его почти домашнего вида посреди супермаркета: серый свитер в крупную вязку поверх белой футболки, черное пальто, джинсы и белые кеды. За исключением спортзала, в котором я видела его лишь дважды, Кристиан чаще всего был в классических костюмах, как и подобало преподавателю.

– А мне было приятно встретить вас, мисс Ротчестер, – нарочито любезно ответил он, натянув лже-милую улыбку на лицо. Я едва сдержала порыв закатить глаза. Сейчас не осталось и следа от тех странных чувств, что одолели все внутри, когда Ротчестер только попал в поле зрения. Сейчас он до жути раздражал. И бутылка белого полусладкого в его руках тоже раздражала. Такой выбор редко оказывался для вечера в одиночку. Значит, ждал компанию. Мисс Монро? Я была не удивлена, но что-то словно уколело где-то между ребер, будто одна мысль о них, вечере и соответствующей атмосфере вызывала отвращение. И желание. Желание, чтобы я ошибалась.

– Приятно, что мои студенты обитают в отделе с моро-

женым, а не среди винных потолков, – заметил Кристиан. Я усмехнулась, думая о том, что только во мне одной поместится ни одна бутылка этого самого вина.

– Зимой? – кажется, я вмиг отупела. Он слишком пристально меня разглядывал, заставляя вспоминать возбуждение, которое охватило каждую клеточку тела, пока он нес меня к машине. Едва не случившийся поцелуй. Я тяжело сглотнула, давя закруживших в животе бабочек. Между нами никогда не будет того, что чуть не произошло. Никогда. Это просто невозможно.

– А как погода за окном влияет на вкусовые рецепторы и желание сладкого? – непонимающе спросил мужчина. Я отвела взгляд, надеясь, что мои щеки не покраснели.

– А оно не просто для вкусовых рецепторов, – я подняла глаза, встречаясь с ним взглядом. То, что я собиралась сказать было самыми безрассудными словами, которые когда-либо срывались с моего языка, – есть один фокус. Правда, сейчас для него слишком холодно, – я усмехнулась, чувствуя, как до невозможности сильно хотелось приложить холодное к вмиг загоревшему лицу. Что я только что сделала? У него ведь есть девушка! И чем я только думала?

Чувство вины мгновенно прокралось в душу, выселяя оттуда желание флиртовать и задерживать на нем взгляд. Просто одно огромное «нельзя».

Кристиан поднял уголок губ в хищной усмешке. Покраснеть захотелось еще сильнее. Разросшееся желание внизу

живота выгнало чувство вины. Кажется, мозг старательно переставал думать. И если бы не капля здравого смысла, все еще маячащего где-то, я бы шагнула вперед и все же стерла последнюю границу. Слишком сильно хотелось его поцеловать. Слишком сильно хотелось почувствовать его руки на талии. Или ниже. Или везде. А он смотрел слишком внимательно, словно знал, о чем я думала

Я глупо моргнула. Вдох, выдох. Я не могу бросаться на преподавателя посреди магазина. Я не могу бросаться на мужчину, который занят, даже если хотела раздеть его прямо здесь. Да, пора признаться себе в том, что Кристиан Ротчестер был очень даже охренеть. Но это не давало мне права делать все, что я хочу.

– Изи! – раздавшийся голос Кэсс где-то очень близко, быстро отрезвил. Я почти отскочила от мужчины, приложив ладонь к груди.

– Хорошего вечера, мистер Ротчестер, – выдавила из себя я, надеясь, что голос звучал ровно.

Я свернула за угол раньше, чем Кэсс и Лиз обнаружили бы меня. В руке у каждой было по бутылке вина, что казалось с первого взгляда слишком много для глинтвейна. От чего-то вспомнился Ротчестер с его... покупками, заставляя прикусить губу.

Нет, о нем нужно забыть.

– Где ты пропадала? – поинтересовалась Лиз, разглядывая мороженое в моих руках.

– Все в порядке?

– В полном, – соврала я. Снова. Сегодня моя ложь была в полном ударе. Срывалась с губ легче, чем препирательства с Ротчестером.

***

– Ты криво режешь! – воскликнула Кэсс, выглядывая из-за плеча Лизы и тыкая в разрезанные дольки апельсина на разделочной доске. Блондинка тут же закатила глаза, пихнув подругу в бок.

– Почему это криво? – Лиза отложила нож в сторону, рассматривая проделанную работу, прикусив губу, – По-моему все вполне ровно.

– Надо было кружочками, а не треугольниками!

– Какая разница? – девушка недоуменно вскинула брови, повернувшись к Кэсс. Для них это было в порядке вещей – постоянные препирательства и издевки друг над другом. Сейчас Кэсс скажет, что это эстетично. А Лиз заявит, что ей все равно, главное, чтобы получилось съедобно.

– Для эстетики нужно кольцами!

– Все равно все это испортится в кастрюле! – возмутилась Лиза. Ничего нового. Все абсолютно по-старому.

– И что? А удовольствие? – точно таким же удивленным тоном в ответ бросила Кэсс, сложив руки на груди. Я же наблюдала за этой картиной, пытаюсь вытащить пробку из

бутылки красного вина. Зимний холодный субботний вечер просто создан для того, чтобы собрать подруг, сварить глинтвейн и обсудить последние сплетни.

– Удовольствие я испытаю в тот момент, когда глинтвейн коснется моего языка!

– А эстетика?

– Да что ты прицепилась с этой эстетикой? Оглянись вокруг! У Изи вся квартира одна сплошная зимняя эстетика! Получай свое удовольствие в тройном объеме!

– Это другое! – воскликнула Кэсс, растеряв при этом, кажется, весь свой запал. Я же, справившись с пробкой, незаметно подлила в свой бокал. Что оказалось ошибкой, потому что обе мгновенно повернулись на звук льющегося в бокал вина.

– Изи! – одновременно воскликнули девочки. Что ж, теперь они хотя бы не ругаются.

– Что?

– Это не для тебя!

– Почему это?

– Мы ведь договаривались!

– И? – я усмехнулась, подливая себе еще, почти до краев.

– Да ты же всю бутылку! В одного! Изи! – почти провизжала Лиза.

– Зато как быстро вы переключились с одной ссоры на другую, – тихо посмеивалась я, назло подругам потихоньку отпивая содержимое бокала.

– Мы ее теряем, – обреченно заметила Кэсс.

– Точно.

– Нет, мы теряем Лиз, которая так и не рассказала нам о своем свидании, – я хитро прищурилась, переводя тему разговора на более интересную тему.

– Точно.

– Нечего рассказывать, – тут же успокоилась она, затем закатила глаза, – Ладно-ладно, да, я сходила на пару свиданий.

– С кем?

– Мы случайно познакомились в кофейне возле моего дома, – нерешительно выдала девушка, будто боялась спугнуть то, что чувствовала. Или, может быть, боялась осознать, что именно этот парень пробуждал в ее эмоциях. – Я чуть не пролила на него кофе.

– Да у вас талант убийственно питаться, – мрачно хмыкнула Кэсс, многозначительно переводя взгляд с Лиз на меня.

– Да ну тебя! – Лиз надула губы, словно маленький обиженный ребенок. Я вполне понимала ее чувства. Наверное, тоже бы не рассказывала об отношениях, если бы не была в них уверена.

– Продолжай, пожалуйста, – Кэсс примирительно обхватила ее плечи. Лиза тут же оживилась.

– В общем, я угостила его, но в итоге он пришел на следующий день и оплатил мой заказ, – Лиз пустилась в рассказ, кажется, теперь остановить поток ее речи могла только смерть или очень сильная усталость. Она все говорила и го-

ворила. О том, как счастлива, как ей не терпится пойти на еще одно свидание, с какой сложностью она молчала и как сильно хотела всем поделиться с нами.

Я смотрела на Лиз, которую обнимала Кэсс, на счастливую улыбку блондинки и подбадривающую на лице второй подруги, и тоже была счастлива. Ни капли зависти не было в моей груди, только искренняя радость. Когда-то давно я только могла мечтать о таких подругах, а теперь они, такие замечательные, сидели напротив меня, целыми водопадами речи делаясь впечатлениями. И даже изредка мелькающее сожаление о ситуации с Ротчестером не портило этот удивительно прекрасный вечер.

Мне бы тоже хотелось, чтобы он был счастлив. А еще я знала, что ни под каким предлогом не поцелую мужчину, у которого есть женщина.

Глава 10

– Я знаю один фокус с мороженым, правда, сейчас для него слишком холодно, – произнесла она, нагло усмехнувшись. Ее точно послали небеса, чтобы меня за что-то наказать, потому что в этот момент, под ее испытывающим взглядом, я был готов замерзнуть.

Девушка подошла ближе, сокращая расстояние между нами. До меня донесся сладкий запах ванили, мгновенно дурманящий голову.

Изабелла стояла всего в нескольких сантиметрах от меня, так, что ее дыхание касалось шеи. Ее пухлые губы слегка приоткрылись, когда наши взгляды встретились. И сейчас я жалел о том, что не перешел черту там, около машины, когда снег заметал все вокруг, кружа крупными снежинками. Почти как в сказке. В проклятой рождественской мелодраме.

Но мы не в мелодраме. А в этот момент границу все равно хотелось стереть. Как и ее наглую, дразнящую усмешку.

Я, не найдя в себе сил держаться, подался вперед, накрывая ее губы своими.

Глаза резко открылись, устремляясь в потолок. Я перевернулся на бок, пытаюсь понять реально ли мне только что приснился почти эротический сон со студенткой. Пусть и с очень симпатичной студенткой. Все мои принципы стреми-

тельно летели вниз с очень большой и высокой горы, грозившись разбиться о камни внизу обрыва.

За окном все еще было темно, позволяя воображению дорисовывать продолжение сна без угрызений совести. Все, что происходило в ночи, в ней и оставалось. Даже если часы показывали шесть утра. Темнота только усугубляла положение, но при этом не заставляла чувствовать себя извращенцем.

Телефон прожужжал где-то на соседней подушке, я неохотно покинул мир фантазий, протянув руку к смартфону. Экран показался слишком ярким, заставляя недовольно пощуриться, а затем и вовсе скривиться. Сообщение от Милли Монро. В воскресенье в шесть утра. С вполне понятным содержанием, приглашающим на ужин, который обычно превращался в завтрак.

Либо эта женщина хотела окончательно испортить мне настроение, либо вселенная, в которую я не особо верил, прямо указывала направление.

На какую-то долю секунды я даже думал, чтобы ответить согласием на ее предложение. А потом все еще работающая фантазия начала живо подкидывать недалекое будущее, где для меня это будет сексом на один раз, а для Милли новым началом, как было уже сотни раз.

Я заблокировал телефон, оставляя сообщение без ответа. Нет уж, эта история давно ушла в прошлое, эта дверь давно закрылась на множество замков, вскрывать которые мне

совсем не хотелось. Лучшим решением в этом дне казалось следование традициям, то есть спортзал и куча работ на проверке, вопреки желанию остаться в кровати до обеда.

***

Накануне этого дня я не ставила будильник. Впервые за долгое время в воскресенье у меня не осталось в списке никаких дел. Старый профессор со своим архивом мог вполне подождать, Лиза собиралась на очередное свидание с «парнем мечты», а Кассандра готовилась к зачету.

Так что я выспалась. Почти. Если бы не мысли, крутящиеся половину ночи около встречи в магазине и около машины одним снежным вечером.

Это злило. Неужели моя жизнь была настолько скучной, что раз за разом фокус внимания смещался с действительно важных тем на непонятно с какого момента возникшее непонятно что, заставляя постоянно анализировать, думать для чего и как. И искать ответ на вечный вопрос «почему»?

Это выматывало. Просто до невозможности, донимая саму себя вопросами и рассуждениями. А ведь он мне даже не нравился. Да, он был хорош собой, я уже давно это признала, но больше ничего.

Я поднялась с кровати, решив, что уборка в квартире поможет расставить все мысли по местам, а беговая дорожка и пара гантелей в спортзале завершат это дело.

И ни разу за все время, что я протираю пыль, раскладываю вещи по полкам, загружала стиральную машинку я, действительно, не думала о том, о чем не должна была. Сначала вслушивалась в слова песен, изредка подпевая, затем размышляя о Лиз и ее загадочном парне. Я очень надеялась, что это правда не ее бывший придурок, а новый, адекватный молодой человек, который будет любить ее так, как она этого заслуживала. Затем в мыслях всплыла младшая сестра, так усердно выбирающая будущую специальность. Радовало, что она начала об этом задумываться. Еще больше радовали ее огромные, горящие от радости глаза, когда она выдавала очередную безумную идею, а затем по сто раз передумывала.

Ближе к обеду я управилась со всеми домашними делами, собрала сумку со сменной одеждой и вышла из квартиры. Спортзал в нашем жилом комплексе был только для жителей нескольких домов, стоящих на территории ЖК, поэтому в воскресенье обычно пустовал – люди предпочитали отдыхать в этот день, а не нагружать себя еще больше.

На улице снова медленно падал снег, делая сугробы еще выше, так, что ноги утопали почти по щиколотку. Но вопреки всему, зима была моим любимым временем года. Было во всем белом что-то завораживающее и волшебное, поэтому все несколько минут, а точнее, ровно две – столько длилась песня, играющая в наушниках, дороги до спортзала, я наслаждалась покалыванием холода на щеках и носу, и морозным воздухом.

Впервые выходной выдался настолько спокойным, что сейчас казался просто верхом блаженства. Хоть и начался с непонятных мыслей, но пустой двор, тишина, медленные снежинки только усиливали ощущение счастья в груди. И даже становилось интересно, почему я все-таки так расстраивалась.

В спортзале администратора, как и всегда по воскресеньям, не было на месте, зато несколько посетителей разбрелись по разным тренажерам. Взгляд незаинтересованно скользнул по фигурам, замечая женщину в розовом костюме и двух молодых людей. В одном из них мгновенно узнался Ротчестер.

Честно, это почти не удивило. Только снова заставило сердце запнуться, а жар, разлившийся по телу от контраста температур, усилиться почти в два раза, окрашивая щеки в привычный красный. Ну почему этот человек вызывал во мне такую смесь эмоций? Нельзя одновременно испытывать и ненависть, и возбуждение, и противных бабочек, и смущение, и раскованность. Тем более с ним. На Ротчестере стоял огромный красный крест, который моими чувствами почему-то воспринимался, как клад, а не редфлаг.

Я поправила волосы, прошмыгнула в раздевалку, оставшись незамеченной. А уже через несколько минут стояла на беговой дорожке. Это прочищало мысли, давало какое-то время на подумать. Причем, перебирать в голове что-то важное, касающееся тебя самого, а затем все это смывалось под

гнетом усталости, оставляя чистый лист.

И даже изредка останавливающийся взгляд голубых глаз на мне, не сбивал с толку ни когда я перестала бежать, тяжело пытаясь отдышаться, ни когда отошла в другой конец зала. И даже не в момент, когда во время перерыва между упражнениями позади меня возникла чья-то фигура, заставившая вздрогнуть от неожиданности.

Я мгновенно обернулась, замечая позади себя молодого человека, которого уже видела, когда пришла. Он немного смущенно улыбнулся, поправив светлые волосы.

– Вы что-то хотели? – начала диалог я, наблюдая за тем, как секунды отдыха стремительно таяли, а я не любила проводить здесь больше, чем полтора часа.

– Познакомиться, – от бывшего смущения не осталось и следа, зеленые глаза остановились на мне, разглядывая уставшее лицо. Наверное, я сейчас выглядела не лучшим образом. И почему никто до сих не сказал о том, что познакомиться во время тренировок самый ужасный способ из всех существующих?

– Неожиданно, – выдохнула я, пытаясь не искать взглядом Кристиана, на которого мне должно быть плевать. Один недопоцелуй и пара намеков не давали ему никакого права останавливать мои мысли. И новые знакомства.

– Почему? – удивился парень, – Вы очень симпатичная, проводите утро воскресенья на тренировке, это, пожалуй, восхищает, – знал бы ты, чем я занималась вчера, так бы не

говорил. Я улыбнулась в ответ, уже собираясь представиться.

– Она не знакомится, – я вздрогнула, когда рядом возник Кристиан, сведя брови к переносице и едва касаясь пальцами моей талии, заставляя смущение перемешиваться со злостью, разносясь маленькими импульсами по телу. Вот ведь гад!

– О, – озадаченно выдал парень, отведя взгляд в сторону, – извините, не мешаю, – он мгновенно испарился, оставляя Ротчестера и меня в полном одиночестве и тишине. И это становилось опасным, потому что так не делается!

– Что это было? – развернувшись к мужчине, спросила я, пытаясь усмирить трясущиеся от злости руки. Так и хотелось стереть эту наглую усмешку с его лица. Нам ведь не пятнадцать лет, чтобы так поступать.

– Разве он тебе не мешал? – пожал плечами мужчина. Лучше бы он молчал.

– Тебе какое дело до того, кто мне мешает, а кто нет? – прошипела я, благодаря вселенную за то, что в воскресенье здесь никого не было. Кристиан подался вперед, сокращая расстояние между нами, так, что я даже не успела отпрянуть.

– Он ведь просто хотел затащить тебя в постель, – зло прошептал мужчина, вглядываясь в мои глаза. Я пару раз моргнула, пытаясь понять, реально ли это или какой-то глупый сон решил догнать меня настолько поздно. Но нет, Ротчестер был вполне реален, как и его слова, заставляющие задохнуться от возмущения. Я сложила руки на груди, вздер-

нула подбородок, отвечая на его взгляд.

– Так может я сама этого хотела!

– Тогда просто попроси, а не вешайся на первого встречного!

– Еще бы секс я не просила! – фыркнула я, тут же захлопнув рот. Ничего умнее не придумала, да, Изи? А как же напомнить ему о существовании Монро? – У тебя есть девушка!

– То есть насчет остального возражений нет? – хмыкнул он, раздражение мгновенно стерлось с его лица, уступая место раздражающей меня усмешке.

– Еще как есть! – выпалила я, а затем все произошло как-то слишком быстро. Кристиан подался вперед, обхватив мою талию, а затем нетерпеливо накрывая мои губы своими, стирая и возмущение, и злость, вместо них поднимая бурю других эмоций и ощущений, отключая логику и убирая все противоречия и сомнения.

Это было настолько неожиданно, что я просто обмякла в его руках, позволяя себя целовать так бесстыдно и беззастенчиво прямо посреди спортзала, на виду у всех. И это было лучше, чем то, что проигрывалось в моих мыслях после момента возле машины. Намного лучше.

И я до ужаса не хотела отвечать, просто до невозможности и здравого смысла, кричащего о причинах, по которым это все неправильно. Но в какой-то момент мне показалось, что если сейчас я этого не сделаю, то никогда больше такой

возможности не будет, поэтому потянулась вперед, раскрыв губы и позволяя себе утонуть в этом безумии, которое только подстегивало возбуждение, которое уже невозможно было сдерживать. И если бы его губы не накрывали мои, то по пространству вокруг уже расплылся бы нетерпеливый стон.

Самая настоящая игра с огнем, в который я подливала бензин, а он подносил канистры. Этого никогда не должно было произойти, но оно происходило, распаляя желание шагнуть еще дальше за грань, стереть запреты окончательно, позволив чувствам зайти дальше. Но этого не произошло, снова горьким уколом оставаясь где-то между ребер. Я отстранилась раньше, чем окончательно приняла ситуацию.

Звонкая пощечина разрешила тишину там, где еще совсем недавно мог прокатиться стон. Осознание того, что я только сделала, отрезвило. Единственным напоминанием поцелуя осталось тяжелое дыхание, вздымающаяся грудь и чувство глубокой, пожирающей неловкости, граничащей с желанием, чтобы он продолжил меня целовать. Но я прикрыла веки, пару раз глубоко втянула воздух в легкие. А когда снова открыла глаза, несмотря на обрушивающиеся внутри меня ураганы, подняла серьезный взгляд на мужчину.

– Этого больше не повторится, мистер Ротчестер, извините, – проговорила я, а потом ушла, оставляя его в одиночестве, и молясь, чтобы он не пошел следом.

И он не пошел. Наверное, точно так же, как и я понимая всю серьезность и недопустимость произошедшего. Правда,

это понимание не уменьшало желания разрыдаться. Не из-за чего-то конкретного. Просто эмоциональное напряжение достигло такого уровня, что стало невыносимо держать все в себе. Более того, я даже ни с кем не могла этим поделиться. От этого чувство одиночества больно кололо, напоминая прошлое, словно и не было всех тех лет, стирающих, оставляющих все далеко за счастливым настоящим.

Я опустилась на лавочку в раздевалке, пытаюсь успокоиться. Точнее, убедить себя в том, что это все глупо. Настолько глупо, что оставляло только решимость никогда больше этого не повторять и держаться от него так далеко, как только смогу.

***

Я смотрел на то, как Изабелла быстрым шагом удалялась, и чувствовал себя полным идиотом. Даже больше сказать, самым настоящим придурком, у которого в голове творилось непонятно что. Эмоции поддавались контролю с такой же сложностью, как в подростковый период.

И почему я до сих пор не пошел за ней? Это ведь мне нужно извиняться. Это я позволил перейти черту, даже несмотря на то, что она ответила, я не должен был этого делать. А она ответила?! Так, об этом точно нельзя думать, иначе за этим разом последует следующий, а за ним еще один.

Я шумно выдохнул, поправляя волосы и пытаюсь выселить

из головы образы. Это ни к чему хорошему не приведет. Но, боже, ее полыхающие злостью глаза, когда тот парень отошел, а потом картинки из сна и желание прикоснуться – все это смешалось в один большой комок эмоций. Но это не отменяло того факта, что я кретин.

Интересно, как быстро об этом все узнают?

Хотя, я был уверен, что она не станет об этом говорить. Почему-то Изабелла Ротчестер не казалась много болтающей. Тем более о таком. Ее вполне могли отчислить.

Поздравляю, Кристиан, ты испортил жизнь не только себе.

Мне точно нужно охладиться.

Спешно переодевшись, я вышел на мороз, втягивая холодный воздух в легкие. Это помогло вернуть мысли в нужное русло, в котором я – преподаватель, она – студентка, я – взрослый мужчина, она – молодая девушка. Влечение понятно и объяснимо. Ничего страшного не произошло. Нужно с ней все обсудить. Не в стиле «мы больше не будем», а досконально и с пояснениями. Преподаватель я или кто?

Поправив сумку на плече, я двинулся в сторону небольшой кофейни в соседнем доме. Стало даже жалко, что курение давно брошено. Сейчас бы это вполне помогло сконцентрироваться. Но вместо сигареты придется обойтись кофе и зарыться в кипу бумаг на проверку.

Глава 11

Ночь, ночь, ночь. Бессонная и ужасная, проведенная целиком и полностью в мыслях, переживаниях, догадках и ругани самого себя. Какого черта ни кофе, ни черкание ручкой по бумаге, ни кое-что покрепче кофе не помогли?

В какой-то момент ночи стало так невыносимо, что желание закурить стало просто невыносимым, почти жизненно необходимым. Потом мне все-таки удалось уснуть и, проспав часов пять, будильник поднял меня по привычному времени. И вот я уже стоял около доски с расписанием, матерясь про себя на весь мир, потому что лекция у группы Ротчестер стояла первой. И я очень надеялся на то, что она проспит или просто не захочет приходить. Но жизнь уже давно перестала слышать мои просьбы и желания, потому что первым, что я увидел, зайдя в аудиторию, оказались рыжие, словно огонь, на котором меня и сожгут, волосы.

Изабелла даже не повернулась на внезапно замолчавших одноклассников, старательно игнорируя мое появление. Что ж, так даже проще.

– Знаю-знаю, вам все еще кажется для чего же вам нужна литература на третьем курсе архитектурного факультета, – начал я, думая о том, что Ротчестер нужно будет задержать после лекции на небольшой разговор, – Но если мы обратимся ко многим текстам, что мы увидим?

– Что-нибудь любовное? – невинно хлопая ресницами, спросила одна из студенток с первого ряда. В ответ на это кто-то громко фыркнул, на звук почти мгновенно повернулись все. Ответившая девушка сразу покраснела, опустив глаза в пол.

– Это у кого что болит, – усмехнулся я, по аудитории пронеслись смешки. Взгляд сам по себе скользнул по студентам, останавливаясь на несдержанной особе, – Вам есть что сказать, мисс Ротчестер?

– Да, – твердо произнесла девушка, выпрямившись и смотря прямо на меня, – Как я считаю, литература и архитектура создают мир, просто разными способами, – она произносила слово за словом, а я будто окунался в тот вечер, когда решил ее подвезти. Изабелла произносила те же слова, что говорила мне, отвечая на вопрос о выборе специальности. И в этот момент было более чем понятно, почему ее выбор пал на эту специальность, она жила, создавая мир на холстах и бумаге, скорее всего, много лет подряд, – естественно, что эти два направления тесно переплетены. Более того, я думаю, что литература позволяет глубже погрузиться и в историю искусств, – закончила она, взмахом ладони поправила упавшие на лицо волосы и ни разу не отвела взгляд, будто боялась потерять концентрацию.

– Признайтесь честно, вы залезли в план моей лекции? – поддразнил я, эмоции на лице девушки стали мягче, стирая серьезность выдавая то, что она сдерживала улыбку. И ника-

кой неловкости. Почти.

– Если вы скажете мне, где они, то в следующий раз я обязательно в них залезу.

– Тогда вы оставите меня без работы, Изабелла, – девушка в ответ пожала плечами, а затем, словно что-то вспомнив, закусила губу и отвела взгляд. Надеюсь, это не то, о чем подумал я, потому что мгновенно стало слишком жарко, а память как-то резко отбросила весь текст лекции.

Я прокашлялся, возвращая на место серьезность и профессионализм, которые сейчас стояли под большим вопросом. Но, к счастью, я еще не растерял весь здравый смысл, поэтому продолжил лекцию. Изабелла уткнулась в блокнот, так и не подняв глаз до самого конца.

Студенты стали спешно собираться, я вернулся за стол, делая заметки в блокноте. Ротчестер, будто специально, собиралась так медленно, что казалось меня поставили в бесконечную очередь, которая все никак не могла закончиться. С каких пор ожидание стало моей слабой стороной?

Наверное, с тех самых, когда целовать студенток стало нормой.

Но оно ведь не стало.

– Мисс Ротчестер, задержитесь, пожалуйста, – проговорил я, задумавшись и чуть не упустив ее появление. – Девушки, вы можете подождать в коридоре, – Изабелла кивнула подругам.

– Что-то не так? – безэмоционально спросила девушка,

опустив аккуратную сумку на край стола. Вообще-то да, все не так. С момента, как она появилась перед окнами спортзала с дурацким бургером. Я прищурился, рассматривая безучастный, почти скучающий вид Изабеллы, будто ничего и не было, а я тот самый старший профессор, отправивший ее на отработку. Что если в ее глазах я именно так и выглядел?

– Хотел сказать, что ваше рвение к учебе похвально, – она вопросительно выгнула бровь, – и что я могу отменить вашу отработку.

– Спасибо, я привыкла отвечать за свои поступки, – отозвалась Изабелла, – если у вас все, то я пойду, – в ответ я лишь кивнул, наблюдая за тем, как она, развернувшись, плавной походкой двинулась в сторону двери. Но почти у выхода девушка повернулась, на губах нарисовалась усмешка.

– Не переживай, от меня никто ничего не узнает, – я улыбнулся в ответ, одобрительно кивнув. И что за сочетание – ум и красота? И почему-то в этот момент меня окутало стойкое ощущение того, что куча проблем вскоре накроет в точности, как лавина.

***

Я на секунду прикрыла глаза, надеясь, что по мне не будет заметно то, как этот разговор на меня подействовал. Поверить не могу, что этот гад вздумал меня подкупить! Да еще и таким способом! Через отработку. Если нужно будет, то я

буду копать в этом архиве хоть до самого диплома, но не попрошу смягчения наказания. Я по его мнению просто какая-то ленивая и тупая девушка, которая к тому же болтает направо и налево о том, за что ее могут исключить? Кто из нас после этого еще глупый?!

Я, стуча каблуками, подошла к девочкам, устало опустившись на лавочку между ними. Лиза и Кэсс заинтересованно повернулись ко мне, почти одновременно сложив руки на груди.

– Что от тебя хотел горячий препод? – несдержанно поинтересовалась Лиза. Я поморщилась от нового прозвища Кристиана. Хотя и в “горячем”, и в “препод” была абсолютная правда. Кому, как не мне об этом знать?

– Очередной занудный придурок, – фыркнула я, пытаюсь изобразить недовольство. Конечно, врать им мне совсем не нравилось. Но еще больше не нравилась идея об отчислении из-за одного случайного поцелуя. Ладно, из-за одного эмоционального, внезапного и почти киношного поцелуя, который, может быть, я бы даже повторила. Только не с ним.

– Да? – удивилась Лиза, – мне так не показалось, он вполне поддержал твой сарказм? Флирт? Злость? А что это было?

– Только не говори, что ты пыталась с ним флиртовать, – взмолилась Кэсс.

– Вы сошли с ума, девочки. Ожидание каникул и отсутствие нормальных отношений вскружили вам головы.

– В этом все равно нет смысла, – проговорила Лиза, по-

низив громкость голоса до такой степени, что ее почти не было слышно, – Я слышала, что он уже очень давно встречается с мисс Монро, – она деловито кивнула, рассматривая маникюр, будто сплетни слетали с ее языка также легко, как «доброе утро».

– С чего ты взяла?

– Об этом говорят все, – пожалала плечами девушка, – а еще я видела их вместе. – почему-то от упоминания Монро стало тошно, а поцелуй уже и не казался таким возбуждающим и красивым. Скорее, неправильным, пошлым и противным. Причем, последнее я скорее испытывала к самой себе.

Я глянула на часы, пытаюсь хоть как-то увести мысли в сторону. Это уже произошло, если я начну думать, перебирать варианты возможного развития событий и в придачу еще и винить себя, то ни к чему хорошему это не приведет. На ненависти к себе нельзя построить ничего крепче соломенного домика, а я на своих чувствах собиралась возводить замок, поэтому для ненависти в моей жизни не было места.

– Если вы не хотите опоздать, то нам пора, – проговорила я, снова уводя разговор с опасной для меня темы. Я не хотела думать ни о Ротчестере, ни о Монро, ни о своих моральных качествах. Это его совести нужно справляться с тем, чтобы как-то жить дальше и смотреть в глаза своей девушке. Я же была не при чем.

– И почему он тебе так не нравится, Изи? – спросила Лиза, поднимаясь. И почему-то именно в этот момент Ротчестеру

нужно было выйти из аудитории, скользнув по нам взглядом и приподняв уголок губ.

– О, у меня просто куча причин для этого, – мрачно ответила я. И почему-то была уверена том, что если бы он мог ответить, то его ответ звучал бы точно также.

***

Я снова торчала в пыльном архиве в полном одиночестве. В этот раз даже без музыки, потому что мистер без юмора, то есть старый профессор, до позднего вечера находился на кафедре. А рисковать, нарываясь на еще одну такую отработку, мне не совсем хотелось. Все-таки близились предпраздничные дни. Закупка подарков, бесконечные встречи с родственниками и все такое. Еще одно наказание сюда не вписывалось.

От бесконечных бумаг уже рябило в глаза, а тусклая желтая лампочка, скорее всего висевшая здесь с самого сотворения мира, только усугубляла положение, накатывая усталостью. Если бы я могла, то уснула бы прямо здесь, в уголочке, и больше ничего для счастья не требовала. И я была в шаге от того, чтобы именно так и не поступить, но тут в коридоре раздались громкие голоса, звучащие приглушенно из-за закрытой двери.

Повышенные тона, явное раздражение и нежелание разговаривать. Вряд ли этот инцидент предназначался для моих

ушей и глаз, но я все же осторожно приоткрыла дверь, выглядывая наружу, едва не задохнувшись от контраста затхлого воздуха и полной свободы.

– Это вообще не твое дело! – громко проговорил знакомый голос. Я повернулась на звук, замечая Кристиана и его отца в другом конце коридора, – Откуда взялись эти слухи?

– Не знаю, но об этом судачат в коридорах, не стесняясь и не скрываясь. Что это может говорить о моей репутации? – строгий голос ректора был похож на гром и молнию среди безоблачного дня. Даже меня пробирал необъяснимый страх, когда этот мужчина начинал разговаривать. Удивительно, что Кристиан вырос таким... другим. К нему легко тянулись люди. Особенно студентки.

– Между нами ничего нет, – более спокойно отозвался Ротчестер-младший, прикрыв глаза. А затем, словно почувствовав мой взгляд, Кристиан глянул за спину отца, тут же упираясь в любопытную физиономию. Я дернулась назад, но, скорее всего, никакой роли это не сыграло. Ну все. Это точно конец. Я только что стала свидетелем семейной ссоры ректора и одного из преподавателей. Хотя причем здесь я? Не я ведь решала такие интимные вопросы посреди коридора в будний день? Правда, кого это волновало, но все же.

Кристиан ничего не сказал, переведя взгляд обратно на отца.

– Но если бы и было, то это не твое дело. Мы взрослые люди, и вполне можем решать, где, как и с кем встречать-

ся. Люди всегда будут что-то говорить, но мои отношения не скажутся на твоей репутации никоим образом, – он горько усмехнулся, – кажется, она волнует только тебя одного. – проговорил Кристиан, а затем, не дождавшись ответа ректора, двинулся в сторону выхода. То есть в ту, где была я.

Я буквально за долю секунды скрылась за дверью. Почти попалась. Сердце от ужаса стучало в ушах, а воображение рисовало уже отнюдь не приятные картинки. Я вполне представляла, во что могло вылезти мое любопытство. Особенно в деле, в котором замешан декан, который просто до безумия заботился о репутации данного заведения.

Пора заканчивать на сегодня. Этот день уже просто превзошел все возможные нормы и не нормы по испытанным эмоциям. Мне уже было этого достаточно. Хватило бы с запасом на несколько недель вперед. В последнее время учеба стала даваться моей нервной системе слишком сложно. А ведь стоило Стенелли всего лишь сломать ногу, а Ротчестеру второму появиться в поле моей жизни!

Я спешно собрала остатки бумаг, сгрузив их одной кучей на полку. Затем подхватила сумку, пальто, спешно обматывая вокруг шеи шарф. Осторожно выглянула в коридор, осматривая пространство. К счастью, там никого не оказалось, поэтому я, стараясь не издавать лишнего шума, покинула здание.

Да, на сегодня новостей и обсуждений явно хватит.

На улице холодный ветер разгонял тучи и легкий слой сне-

га, еще не успевший усесться на поверхности старых сугробов. Я поежилась, поплотнее закутываясь в шарф. Впервые за долгое время, дорога домой казалась какой-то нежеланной, долгой и просто утомительной.

Я ступила на очищенную от снега дорожку, ведущую от главного входа к кованым воротам.

– И как, понравилось шоу? – уставший голос ударил в спину, заставив сначала замереть от неожиданности, а затем развернуться. Кристиан лениво облокачивался на стену здания университета, усталый взгляд не выражал ничего, а в пальцах тлела сигарета, вызывая еще большее удивление и шок.

Этот день не мог стать еще хуже, но почему-то все-таки стал.

Глава 12

Никогда не любил выступать на сцене. Как и делиться проблемами, возникающими в семье или других близких отношениях. Сегодняшний вечер побил рекорд и по непредпочтительным темам для разговора, и по количеству слушателей очень приятной беседы с отцом.

Никогда не понимал его одержимости своей репутацией. Наверное, за свое детство я чаще слышал фразу «не позорь меня», чем «я тобой горжусь». Впрочем, это не особо и требовалось. Просто мое согласие на эту замену было огромной ошибкой.

И вот сейчас, перебрав мой рабочий план, вопросы к экзамену, слухи, отношения с Милли, жизнь добавила свидетеля в виде Изабеллы Ротчестер, которая вскоре и сама могла стать одной из сплетен.

Желание закурить уже достигло таких масштабов, что просто било по голове, словно удары колокола. Вот почему я считал согласие на эту замену ошибкой – слишком многое из давно прожитого стало возвращаться. В том числе и вредные привычки, потому что я уже стоял на улице и подносил сигарету к губам, глубоко затягиваясь. По крайней мере, я надеялся на то, что это окажется разовой акцией. Как и то, что Ротчестер не будет разводить еще больше сплетен.

За эти несколько дней на замене я устал так, что за все

годы работы не собралось бы и половины этого чувства. Почему-то по закону жизни в задницу катилось все и сразу.

Я поправил волосы, разлетающиеся из-за порывов холодного ветра. Тут, будто вторя моим мыслям, показалась Изабелла, осторожно спускаясь по скользким ступеням на высоченных каблуках. Взгляд следил за тем, как она медленно двинулась дальше, кутаясь в красный шарф. А затем, как полный идиот, сделал сложную ситуацию еще сложнее.

– И как, понравилось шоу? – что за черт дернул за язык? Девушка вздрогнула, затем резко развернулась, останавливая на мне взгляд.

– Не понимаю, о чем вы, мистер Ротчестер, – Изабелла подошла ближе, разглядывая сигарету в пальцах, – не знала, что у вас есть вредные привычки.

– Они есть у всех, – фыркнул я, – просто не всегда в таком виде, в каком все привыкли их видеть.

– Вы правы, – девушка кивнула, затем огляделась по сторонам, заметно расслабившись, – Хоть ты и пытался меня купить окончанием отработки, что мне не очень нравится, я все равно никому ничего не расскажу. Это не мое дело. – она пожалала плечами, – и про тебя и Монро не я судачила.

– Купить? – я непонимающе уставился на нее, пытаюсь понять, о чем вообще шла речь.

– Ну разве не в этом заключался акт доброй воли, где ты сказал, что поговоришь со стариком о моем освобождении? – так вот он что. Я, не выдержав, рассмеялся, едва не

согнувшись пополам от смеха.

– Что смешного? – возмущенно спросила девушка, сложив руки на груди.

Я потушил сигарету, все еще продолжая улыбаться, как самый настоящий придурок. До чего же она забавная.

– Идем, – я двинулся в сторону выхода с территории, ожидая, что Изабелла последует за мной.

– Куда?

– Нам все равно по пути.

– Твоя развалюха опять сломается! – выдала она, но все же догнала меня.

– Она крепче, чем ты думаешь.

– Очень надеюсь, – фыркнула она, – Так что смешного я сказала?

– Если я скажу, ты обещаешь поверить в это? – в ответ она лишь кивнула. – Я не хотел покупать твое молчание таким способом, всего лишь предложил помощь, потому что доставил тебе много неудобств.

– И это после того, как из-за меня ты свалился?

– Я уже даже забыл об этом, – хохотнул я, Изи покраснела почти до самых кончиков ушей. – Теперь идем, здесь жутко холодно. – девушка снова кивнула, затем, ускорила шаг, оказываясь около машины раньше меня. Она переступала с ноги на ногу, спрятав ладони в рукава свитера, торчащего из-под куртки. Рыжие волосы развевались на ветру, потеряв привычный запутанный в локоны вид. Изабелла, не отрыва-

ясь, смотрела на то, как я приближался, и в этом моменте она казалась такой естественной, будто шла в комплекте с зимой, этой машиной и вечерами. Это было так красиво, словно это какая-то кинолента, где у героев в конце все будет хорошо.

***

Ротчестер молча вел машину. Я наблюдала за пейзажем, промелькивающим за окном, и думала о том, как меня снова угораздило оказаться в его машине. Особенно после всех тех мыслей и решений, к которым я пришла.

И с одной стороны, он всего лишь меня подвезет. А с другой я боялась, что что-нибудь из прошлых эпизодов могло повториться, и в таком случае все могло пойти намного дальше, потому что я бы точно не нашла в себе ни сил, ни желания для того, чтобы все закончить.

Я глянула на Кристиана, гадая, каким образом он оказался на нашем факультете, которым заведовал его отец, если судить по разговору, отношения у них были немного напряженными. Немного это, конечно, еще слабо сказано, но и делать выводы по одному лишь диалогу не могла и не хотела. Это совсем не мое дело.

– Спрашивай. – неожиданно произнес мужчина, скосив взгляд в мою сторону.

– Что?

– Ты так пристально смотришь на меня, – заметил он, – за-

дай вопрос, который тебя интересует, – я отвернулась, прикусив губу. Вопросы, которые до этого момента населяли голову вмиг исчезли, оставив только стыд за чрезмерное любопытство.

– Останови здесь, – прошептала я, когда увидела за окном знакомый вид, – пожалуйста.

– Зачем? До дома еще пара кварталов.

– Останови, – я уперла в него взгляд. Кристиан остановил машину, повернулся ко мне.

– Довольна?

– Выходи, – мужчина удивленно поднял брови, но перед тем, как он успел что-либо сказать, я вышла из машины, – Давай быстрее, тут жутко холодно! – воскликнула я, когда увидела его все еще сидящим за рулем.

– В этот раз я за тобой не побегу, – проворчал мужчина, а его “в этот раз” ударило по воспоминаниям, словно это было что-то обыденное и привычное для нас, будто общее прошлое, о котором никто не знал – норма.

Я встряхнула волосами, выбрасывая эти мысли. Не сейчас.

– Замолчи и иди за мной.

– Я запомню каждое твое слово, Изабелла, и вспомню о каждом на экзамене, – пошутил мужчина, но все же пошел следом. – Хочешь избавиться от меня в лесу? – вместо ответа в его сторону прилетел какой-то неопознанный звук, сорвавшийся с моих губ. Я упрямо шла вперед, раскидывая снег в

стороны.

– Я не прошу, чтобы ты рассказывал о том, что происходит, – проговорила я, спустя пять минут останавливаясь около входа в заснеженный парк, освещенный теплым светом желтых фонарей. – Но сюда я обычно прихожу, когда хочу побыть наедине. И да, я знаю, что мое присутствие не считается за «наедине», – я закатила глаза на его прищуренный взгляд.

– Даже не собирался ничего такого говорить, – он примирительно поднял руки, – меня вполне устраивает такое наедине, – Кристиан мягко улыбнулся. Я выдохнула, понимая, что все делала правильно.

Мы молча двинулись вперед по тропинке, углубляясь дальше в парк. В это время он уже пустовал, именно поэтому я так любила приходить сюда по вечерам – тишина, легкий воздух, какая-то магическая и таинственная атмосфера. Особенно сейчас, когда снег покрывал даже ветви деревьев.

– Помнишь, я говорил, что назло отцу выбрал литературу? – внезапно спросил Кристиан. Я только кивнула, боясь спугнуть что-то хрупкое, едва заметное и, в принципе, даже невозможное. – Примерно на этом нормальные отношения между нами закончились, присыпав все это упреками и вечным недовольством. Я ведь отказался продолжать дело его жизни. А теперь еще и позорил его кучей сплетен, о которых знают уже все, – он замолчал, останавливаясь посреди тротуара, поднял голову, смотря в небо. А мне почему-то по-

казалось это очень знакомым. – Просто видеться пять дней в неделю для нас слишком много, – Кристиан внезапно посмотрел на меня, на его губах расцвела легкая улыбка, словно признание отца его уже давно не трогало.

– Моя мама тоже была против моего направления, – я пожалала плечами, посмотрела на мужчину, почти тут же падая в бездну голубых глаз.

– И все же ты здесь, – как бы невзначай заметил он.

– Как и ты, – я моргнула, отвела взгляд, пытаюсь смотреть куда угодно, лишь бы не пересекаться с ним взглядом. Показалось, что эта прогулка была самой глупой вещью из всех, что я когда-либо делала. Нам просто противопоказано оставаться наедине. Еще большее противопоказание – смотреть друг другу в глаза. С этого обычно все и начиналось.

– Идем обратно, у тебя уже зуб на зуб не попадает, – его предложение заставило расслабленно выдохнуть. Да, хоть у кого-то из нас должна работать голова.

Кристиан медленно двинулся назад, я пошла следом, разглядывая снег под ногами. Пусть этот вечер и был целиком и полностью неправильным, но он почему-то казался таким теплым и важным, что даже холод на кончиках пальцев почти не ощущался.

– Так между тобой и Монро ничего нет? – я в два шага догнала Кристиана. Вопрос из чистого любопытства и только. Мне до лампочки с кем он и где, рассказывать об этом кому-то тоже не собиралась, но...

Мужчина резко остановился, из-за чего я чуть не влетела в него. Он широко улыбнулся, едва сдерживая смех.

– Так вот кого ты имела под “у тебя есть девушка”? – я стыдливо отвела взгляд.

– Отвечай на вопрос.

– Какая грозная, – усмехнулся он, заставляя мои щеки еще сильнее покраснеть. Дура, дура, дура! Просто дура. Даже если бы он ничего не ответил, то был бы прав. Это слишком личное. А еще нарушение банальной этики и еще кучи вещей. И почему время нельзя перематывать.

– Да, между мной и Монро ничего нет, – все же ответил Кристиан. Я осторожно подняла глаза, не обнаружив в его взгляде ни злости, ни недовольства. – Причем уже очень давно.

– Ммм, – ничего умнее не придумала. – Просто откуда-то же берутся слухи.

– Любопытных и болтливых очень много, – он пожал плечами, будто его ни капли это не заботило. Возможно, так и было, ведь по факту эти сплетни никак не задевали его. Ну, если не считать отношений с отцом. – Правда, мне это только на руку. – я удивленно вскинула брови, в упор глядя на него. – Тогда я могу сделать так, и никто ничего мне за это не сделает, – улыбнулся мужчина, сократив расстояние между нами. Сердце предупреждающе затрепетало в груди, вместе с этим сжимая все чувства, как маленькую пружинку. Холод вмиг отступил еще дальше, словно сейчас вокруг нас не бы-

ло сугробов.

Кристиан обхватил мои щеки ладонями и, заглянув в глаза, осторожно, будто проверяя, поцеловал, оставляя на губах легкий привкус мяты и сигарет.

Пружина чувств мгновенно распрямилась, взрываясь едва ли не фейерверком внутри. Разве мог простой поцелуй принести столько эмоций разом? Очевидно, мог, потому что я ответила, опуская ладони на его плечи и привстав на носочки. Просто не могла устоять. Хотелось играть с огнем. Хотелось чаще видеть его взгляд на себе, хоть это и было неправильно, но уже настолько плевать, что единственным желанием оставалось лишь ощущать его рядом.

И я оказалась права, говоря, что сил на то, чтобы его оттолкнуть мне не хватит. Вот просто в один момент все чувства разом, перемешиваясь с возбуждением, облегчением и какой-то ненасытностью, окутали точно так же, как и его парфюм. Все это буквально сводило с ума. И я не хотела прекращать, не хотела заканчивать и уходить. В этом парке, вот так взять и раствориться в простом поцелуе, никуда не ходить и не играть роль под названием «нам нельзя».

И все же я отстранилась, пытаясь отдышаться, но не отодвинулась, продолжая держаться за мужчину. Кристиан осторожно пригладил мои волосы, обнял за плечи, почти вжав в свою грудь. Я расслабилась, словно одним движением он просто стер все мои тревожные мысли, показал, что ни капли значения в них не было.

– Твое предложение про облапать все еще вертится в голове? – насмешливый голос донесся до меня, почему-то вызывая мурашки. Не то, чтобы это предложение вертелось, оно разрасталось, подкрепляясь фантазиями, разговорами и воспоминаниями.

– Пытаешься понять, проводить меня до подъезда, пожелав хорошей ночи или попроситься на чай?

– Пожалуй, все вредные привычки возвращать в свою жизнь я пока не хочу.

– Ты невыносим, – простонала я, выпутываясь из кольца его рук. Но мужчина притянул меня обратно.

– Хорошо, пригласишь на мороженое? – вызывающе спросил Кристиан, снова обхватывая мои щеки, большим пальцем нежно поглаживая кожу.

Глаза почти мечтательно прикрылись. И ведь дернул меня кто-то за язык сказать об этом в магазине. Хотя я ни капли не жалела о том, что поселила эту мысль в его голове. Просто теперь картинки обнаженного Кристиана мелькали чаще и быстрее, закручивая тугой узел внизу живота еще сильнее.

Его блуждающий взгляд по лицу только распялял, словно он видел все тоже самое, что и я. И это сводило с ума, сговариваясь с реакциями тела, бегающими маленькими искорками под одеждой, буквально горячей кожей, которая жаждала прикосновений и поцелуев.

– Если ты не прекратишь так делать, то я раздену тебя прямо в машине, Изи, – прошептал мужчина.

– Делать что? – непонимающе уставилась на него, замечая то, как привычно светло-голубые глаза потемнели, отражая желтые фонари, образуя почти целый космос.

– Выглядеть так, будто в твоих мыслях мы уже переспали.

– Дважды, – тихо сказала я в ответ, подняв уголок губ в усмешке. Кристиан нахмурился, а потом обрушился на мои губы с еще одним поцелуем, больше похожим на тот, который был в спортзале. Нетерпеливый, жадный, властный, буквально пригвождающий к полу и заставляющий едва сдерживать стоны.

– Ты меня с ума сведешь.

– От мороженого еще никто не сходил с ума.

– Ты проверяла?

– О да, – я дразняще прикусила губу. Кристиан мгновенно напрягся, отчего смех так и просился наружу. Неужели в его голову так легко подсеялись мысли? – Когда съела целый килограмм в одиночку. – я рассмеялась, наблюдая за тем, как на лице мужчины серьезность менялась непониманием, а затем удивлением.

– Похоже это ваши мысли безвозвратно испорчены, мистер Ротчестер, – весело проговорила я, – а ведь это всего лишь мороженое.

– Мои мысли вторят вашим, – ответил Кристиан, возвращая мне мой ответ.

Глава 13

Телефон разрывался где-то прямо под ухом, из-за чего голова тоже грозилась разорваться. Он все жужжал и жужжал, почти как назойливый и противный комариный писк.

Я перевернулась, пытаюсь хоть немного, но вернуть сознание в реальность. Голова ужасно болела, словно поспать удалось всего пару минут, а проклятый мобильник все еще продолжал трезвонить.

И кто додумался звонить в такую рань?!

Я нащупала телефон под подушкой, зажмурившись от яркого света, когда экран засветился.

– Да? – ответила я, даже не обратив внимания на имя звонившего.

– До этого времени я надеялась, что моя сестра помнит обо мне, – раздалась беззлобная и привычная для общения манипуляция.

– Почему ты звонишь так рано?

– Только не говори, что ты еще в кровати! – воскликнула сестра, почти переходя на писк.

– Конечно, такая рань.

– Вообще-то, ты уже опаздываешь, – напомнила она, – Почти восемь.

– Что?! – я резко села в кровати, оставив телефон от уха и всматриваясь в цифры в углу экрана. И я действительно

проспала! Чертов Кристиан! Никогда раньше не опаздывала. А сегодня никак не могла уснуть, половину ночи крутятся по кровати, пытаюсь совладать со своими мыслями и бушующими эмоциями.

– Не ожидала от тебя такого, Изи, – проговорила сестра, – Не буду отвлекать, собирайся, пока за опоздание тебе не назначили еще одну отработку, – по-деловому проговорила сестра, театрально вздохнув. Я судорожно воспроизводила в голове расписание, пытаюсь вспомнить, какой сегодня день и кто этот счастливый преподаватель, занимающий нас по утрам. Вторник. Каждый вторник первой лекцией был предмет Монро. Такая же скучная, противная и безрадостная.

– Очень надеюсь, что на утро субботы у тебя нет никаких планов, я собираюсь поехать в город и зайти к любимой сестре, – бесцеремонно заявила Вера, не дождавшись моего ответа.

– Договорились, – выдохнула я, – а теперь мне нужно собираться.

– Удачи, старушка, – проговорила Вера, пытаюсь скрыть в голосе ликование.

– Спасибо, и тебе, – я спросила звонок, мгновенно спрыгнула с кровати, заметавшись по комнате в поиске одежды. Главный минус быстрых сборов на грани опоздания – всегда не знаешь за что хвататься в первую очередь, то ли за макияж, то ли за завтрак, то ли за одежду.

Благо, под влиянием вчерашних эмоций (спасибо Кристи-

ану), платье не успело отправиться в стирку, поэтому сейчас аккуратно висело на спинке стула. Я наспех натянула его, затем умылась, нанесла легкий макияж на глаза, тональный крем и светло-розовую помаду.

Телефон снова разрывался от сообщений. На этот раз писали девочки, не привыкшие к тому, что Изабелла Ротчестер не написала вовремя.

Закончив макияж, выпив стакан воды и схватив сумку, которую даже не удосужилась разобрать, чтобы переложить тетради, я выскочила из квартиры, прикидывая на ходу, сколько времени займет дорога, и хватит ли его на то, чтобы заскочить по пути в кофейню за завтраком. Желудок урчал, нетерпеливо требуя кофе и любимого пирожного.

Конечно, это было очень наивно, но надежда на то, что Монро задержится хотя бы на десять минут не хотела покидать меня. И естественно, эти мысли не имели под собой никаких обоснований, потому что она никогда не опаздывала. Ровно в девять утра, звонко стуча каблуками, мисс Монро с гордой осанкой входила в аудиторию, презрительно оглядывала студентов и, скривив губы, усаживалась за преподавательский стол.

Поэтому с неспешной утренней прогулкой пришлось попрощаться, едва ли не переходя на бег.

На улице все еще было темно, поэтому фигура, стоящая почти под самым фонарным столбом определилась не сразу. Сначала в глаза бросился оранжевый кончик сигареты,

маленьким огоньком мелькающий вверх-вниз. Затем очертания стали более понятными, а когда до этого места осталось несколько метров, органы скрутились, отключая все эмоции разом, до мозга все-таки дошло кто там стоял.

Кристиан, кажется, не заметил меня, продолжая неспешно затягиваться, выпуская дым в воздух и разглядывая все еще звездное небо. Он выглядел довольно красиво в окружающей его темноте, со снежинками, запутанными в темных волосах и в облаке дыма, который казался каким-то нереальным и немного мистическим. На несколько секунд мне даже показалось, что это все еще был сон. Слишком нереальной выглядела картинка. Но я все же шагнула вперед, забыв о том, что время неумолимо бежало вперед, отсчитывал минуты до моей второй отработки.

– Преследуешь меня? – шепотом спросила я, боясь нарушить возникшую тишину и останавливаясь рядом. Губы мужчины тронула легкая улыбка, такая теплая и уютная, что мои чувства вновь ожили, позволяя сердцу ускорить ритм, а едва уловимому спокойствию разлиться внутри.

– Мне незачем тебя преследовать, – пожал плечами мужчина, опустив взгляд на меня, – мы часто сталкиваемся в неожиданных местах, так что я даже начинаю думать о том, преследуешь ли ты меня или это воля судьбы, – я не знала, что отвечать. По правде говоря, даже не знала, как вести себя с ним теперь. Вроде бы не поменялось ничего, нам все еще нельзя было даже разговаривать здесь и сейчас, но мы

стояли и почему-то неотрывно смотрели друг на друга. И одновременно с этим поменялось все, потому что внутри все переворачивалось.

– Ты не опаздываешь?

– Опаздываю, – прищурилась я, выползая из своих мыслей. Пусть все идет так, как идет. Мне не хотелось бы затягивать Кристиана в этот разговор, как и начинать его первой. Не потому, что я девочка и бла-бла-бла, а потому что где-то в подсознании, в глубине себя, я знала ответ, и он мне совсем не нравился.

– Ваша жертва оценена по достоинству.

– Еще больше она оценится, когда я скажу, что опаздываю на лекцию к твоей подружке? – усмехнулась я, поправляя платок на волосах. Кристиан закатил глаза, затем предупреждающе глянул на меня, потушил окурочок. Я инстинктивно попятилась, когда мужчина приблизился. Почему-то сразу захотелось вернуть все назад и затолкать это ехидство самой себе в задницу, но, увы, теперь остались лишь последствия.

Ротчестер остановился прямо напротив, сократив расстояние между нами до безумно неприличного, настолько, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в глаза. Крепкие ладони скользнули на талию, еще сильнее прижав к себе. Я тяжело сглотнула, чувствуя, как под ребрами разгорается целый пожар, а мысли улетучиваются, оставляя лишь предвкушение. И если бы он сейчас поцеловал меня, то я забыла бы и о Монро, и об образовании и будущем,

и о том, что мы стояли посреди двора, куда выходит просто сотня окон.

Молчание просто сводило с ума. От неопределенности колотилось сердце так сильно, будто я находилась на самом сложном экзамене. На его.

Но тут Кристиан вдруг отстранился, совершенно обыденно пожал плечами, кивнув в сторону машины.

– Я подвезу, – мужчина развернулся, не сказав больше ни слова. А я даже не знала, как на это реагировать. Хотя небольшой укол разочарования ощутился, но все же пошла следом за ним.

Мужчина легкой походкой шел впереди, позволяя мне рассмотреть широкую спину, облаченную в черное пальто. Я засмотрелась, пытаясь одновременно с этим не развалиться на скользком снежном покрывале.

– Если ты еще раз назовешь ее моей подружкой, то весь университет узнает о том, с кем на самом деле у меня отношения. – неожиданно проговорил Кристиан, заставляя меня вздрогнуть и остановиться. Я глупо моргнула, словно перезагружаясь, а когда все же поняла, что именно он сказал, и отмерла, Кристиан уже скрылся в машине.

И почему именно в такие моменты я чувствовала себя настоящей идиоткой, пытаюсь понять, правильно ли его слова уложились в моем мозгу? Не сказать, что таких ситуаций было много, но достаточно для того, чтобы пошатнуть уверенность в собственном здравомыслии на несколько секунд.

– Так у тебя есть отношения? – как бы невзначай и без особого интереса спросила я, забираясь в машину и устраиваясь поудобнее. Кристиан резко повернулся, теплая ладонь скользнула на шею, вызывая маленькие искорки и заставляя развернуться к нему.

Мужчина слишком серьезно вглядывался в мое лицо, словно пытался прочесть мысли, проникнуть в голову или загипнотизировать. Казалось, что еще немного и воздух просто-напросто заискрится.

Вторая рука мужчины опустилась на бедро, забравшись под платье, легонько сжала.

А затем он наклонился вперед, сменяя мои губы в поцелуе, словно пытаясь что-то доказать или показать, словно те мои слова вообще не должны были прозвучать, а эти мысли существовать в голове.

Он так и ничего и не сказал. Но ответ мне уже был не нужен. Нужен был только Кристиан. И меня уже действительно не волновал ни один вопрос из всех существующих, потому что фокус внимания сместился на внезапный жар, растекающийся по всему телу, на бабочек, вырисовывающих круги где-то в животе.

Внезапно в машине стало слишком тесно, слишком жарко, неудобно, некомфортно. Хотелось большего. Хотелось отбросить все «надо» и делать только то, что хотелось сейчас. Следовать за импульсом, секундным, мимолетным возбуждением, которое почему-то становилось лишь сильнее.

Ну почему именно сегодня все должно было сложиться таким образом? Почему именно это утро стало добрым?

Ладонь Кристиана скользнула выше, задирая ткань платья неприлично высоко, так, что длинные пальцы почти переходили грань, то поднимаясь непозволительно высоко, то опускаясь обратно к колену, то дразняще поглаживали внутреннюю сторону бедра.

Я прерывисто вздохнула сквозь поцелуй, вот только это было слишком похоже на стон, потому что желание, чтобы ладонь Кристиана оказалась еще выше и подарила наслаждение становилось все сильнее, заставляя целовать его с еще большим остервенением, забывая и о том, что дышать – все еще жизненная необходимость, а время текло слишком быстро, чтобы играть на нашей стороне.

Мой телефон зазвонил, сначала напоминая отдаленным сигналом где-то на фоне, словно это какой-то фильм, за которым наблюдаешь с экрана. Затем мелодия стала громче, словно будильник пробуждая ото сна.

Мы, тяжело дыша, отстранились друг от друга. Я сбросила звонок, даже не посмотрев кто звонил.

Взгляд голубых глаз снова бегал по моему лицу, а затем на губах Кристиана, покрасневших от поцелуев, появилась мягкая улыбка. Точно такая же, как в момент, когда я подошла.

– Да, у меня есть отношения, правда, прекрасная девушка узнала об этом пару секунд назад, – проговорил он, протянув

ладонь к моему лицу и большим пальцем легонько поправил размазавшуюся помаду.

– И как она отреагировала? – поддерживая его игру, спросила я, пытаясь откопать в сумке маленькое зеркальце.

– Она удивилась.

– С чего ты это взял?

– С того, что сейчас она посмотрит на время и, вероятно, начнет громко ругаться, – усмехнулся мужчина, заводя машину. Я глянула на часы, почти в точности воспроизводя все то, что он только что сказал.

Ротчестер, глянув на меня, усмехнулся, но ничего не сказал, выезжая на трассу. Я, поправив помаду, уставилась в окно, наблюдая за все тем же знакомым пейзажем, думая, что отработки от Монро теперь точно не избежать. И почему все всегда наваливалось одновременно? Я ведь еще с архивом не закончила, уже как-то и не надеясь разобрать его даже к концу недели. Там осталась еще добрая половина старых работ, куча коробок и отчетности, которой я даже не понимала. Так что сейчас я уже во всех деталях вписывала в расписание не просто прогулы тренировок по танцам, но еще и отсутствие сна и оставшихся крох личного времени.

Мы ехали молча, даже радио не произносило ни звука, и почему-то оба улыбались, как придурки. Грядущая отработка даже не казалась таким уж страшным событием. Воспоминания и разговор вполне пересиливали переживания по этому поводу. Я, конечно, не хотела говорить на тему того,

что между нами, но жизнь, видимо, решила сделать это сама.

Возле университета уже никого не осталось, что обычно сигнализировало о скором начале лекций.

Я вздохнула, понимая, что все же опоздала, и теперь действительно придется оказаться еще одним пострадавшим от системы Монро.

Взгляд пробежался по внутреннему дворику в поиске возможных свидетелей. Но там никого не оказалось, поэтому я глянула на тротуар, а потом резко съехала по сидению вниз, едва ли не превратившись в маленькую, едва заметную точку.

Кристиан удивленно поднял брови.

– Там Монро, – объяснилась я. Мужчина усмехнулся, глянув в окно.

– Ты же знаешь, что тебя все равно видно, да?

– Ну, так она увидит не меня, а просто кого-то.

– Скажу по секрету, она даже не заметит мою машину, – непринужденно отозвался он, словно сейчас та, кто могла все разрушить не находилась на ничтожном от нас расстоянии.

– Ты недооцениваешь женское внимание, когда дело касается отношений, – фыркнула я, все же возвращаясь в привычное положение.

– Дело не в этом.

– А в чем?

– У нее очень плохое зрение, – мужчина уже открыто ве-

селится, рассматривая мой растерянный вид.

– Не буду спрашивать, что еще тебе известно, – несерьезно, скорее нарочито ворчливо и как бы в отместку.

– Эй, – вместо ответа позвал Кристиан, я повернулась, едва не столкнувшись с ним носами. Мужчина нежно поцеловал меня, словно делал это уже сотни раз – подвозил до учебы, ласково целовал на прощание, желал хорошего дня, а вечером точно также встречал. Это было так странно, так необычно, что мне хотелось задержать этот поцелуй, момент, мужчину. Хотелось, чтобы все оставалось таким чудесным, будто магия праздника все же сработала и в моей жизни. Но тут Кристиан отстранился, заправил прядь волос мне за ухо и произнес:

– А теперь беги, пока я буду спасать тебя от еще одной отработки, – ехидно проговорил мужчина.

– Теперь я не удивлена, почему про тебя и Монро ходят такие слухи. Отводишь подозрения?

– Ммм, – протянул он, – может быть, – наглый взгляд скользнул от лица к груди, скрытой под курткой, затем еще ниже, останавливаясь на уровне бедер, и вернулся назад.

– Ты невыносим.

– А ты опаздываешь, – напомнил Кристиан, – я задержу ее, так что тебе останется только архив и я.

– Даже не буду спрашивать, что ты имеешь в виду, – я закатила глаза, – но всеми силами буду поддерживать слухи о тебе и Монро, – и пока он ничего не ответил, вышла из маши-

ны, быстрым шагом обходя Монро по другой стороне двора, откуда могла наблюдать за тем, как Ротчестер окликнул ее, потом приблизился, начав разговор. Монро как-то слишком радостно улыбалась, отчего у меня возникло очень низменное желание стереть с ее лица эту эмоцию. Правда, вместо этого пришлось напомнить себе, что вообще-то он сейчас разговаривал с ней только потому, что это нужно было мне. Так что я двинулась вперед, выбрасывая эти мысли.

Глава 14

Архив уже до жути начал раздражать. Я едва не поклялась самой себе никогда больше не шутить, не исполнять тупых желаний и не делать того, что могло обернуться чем-нибудь малоприятным. Потом я эту идею отвергла, потому что тогда моя жизнь была бы не совсем моей, а это тоже так себе. Своеобразный выбор без выбора, поэтому я молча перекладывала коробки туда-сюда, протирала пыль и параллельно с этим пересматривала старые работы в поиске нужных.

Ничего более нудного никогда в жизни не делала. Он явно решил подвергнуть меня пыткам, потому что по-другому я никак не могла это назвать.

Музыка уже не особо спасала, поэтому моим другом на долгие часы становилась тишина. Удивительно, но совсем не давящая. Я думала о младшей сестре, о Кристиане, девочках, с которыми уже так давно не виделась в неформальной обстановке. Обычно после лекций мы часто вместе обедали, а теперь я проводила в этом затхлом, тесном, плохо освещенном месте почти все свободное время. И я хотя бы надеялась закончить все это к пятнице, чтобы отлично провести выходные, а с понедельника вернуться к привычной жизни. Так что на исполнение моего плана осталось всего два дня.

Я взяла чью-то старую работу, уже даже немного пожелтевшую от времени, но красивые линии странно изогнуто-

го здания все еще четко виднелись на бумаге, рисуя что-то похожее на инопланетный корабль с элементами древнегреческого стиля и модерна. Сначала я даже опешила, пытаюсь понять, как можно было объединить это так, чтобы смотрелось настолько органично, красиво и при этом необычно. У этого студента явно огромный талант и фантазия.

Выпускная работа состояла из целого проекта современного города, я пролистала ее от и до, даже забыв о том, что хотела закончить сегодня побыстрее. Но меня так захватили описания и чертежи, что тяжело было взять и просто прекратить. А когда закрылась последняя страница, внутри разлилось какое-то сожаление. Хотелось посмотреть что-то еще из работ этого студента.

Я глянула на титульную страницу, чтобы запомнить имя, вдруг где-то еще есть его чертежи. А потом медленно опустилась на стул, бережно опустив работу на колени. Там, в самом нижнем углу, печатными буквами было выведено «Кристиан Ротчестер». И вряд ли здесь мог быть четвертый Ротчестер.

Дверь с тихим скрипом открылась, заставляя едва ли не подскочить на стуле от неожиданности. Сердце резко ударилось о грудную клетку, затем забило где-то в ушах, почти заглушая все остальные звуки. Взгляд забегал по помещению, останавливаясь около входа.

– Не знал, что тебя настолько легко напугать, – усмехнулся мужчина, скрестив руки на груди. Я одним движением за-

хлопнула его работу, сунув ее в коробку. Кристиан нахмурился, – все в порядке?

– Да, – тихо выдала я, поправляя волосы и пытаюсь делать вид, что его появление меня ни капли не смутило. Я вполне понимала, что такие вещи могут быть не совсем приятны, потому что чужой взгляд на своих работах, особенно тех, что сделаны от души, может смущать. Никогда не любила, когда кто-то смотрел мой скетчбук с эскизами.

– Изабелла, – устало проговорил он, останавливаясь в непозволительной близости от меня. Так, что пряжка его ремня оказалась прямо перед глазами. Я запрокинула голову, чтобы смотреть в лицо, а не туда, куда не следовало смотреть. В этом здании уж точно.

– Не знала, что ты здесь.

– Проверял эссе первокурсников, – пожал плечами мужчина, подперев плечом стеллаж, – еще не закончила с этим? – я в ответ отрицательно мотнула головой, тяжело выдохнув. Кристиан, хмуря брови, смотрел в сторону, словно очень сильная усталость резко навалилась на него, и желания шутить, ерничать, просто не осталось. И я вполне понимала его состояние: несколько курсов на замену Стенелли, кафедра литературы на другом конце города, Монро, непонятный роман со студенткой, надзор отца и еще куча всего, что, наверняка, очень сильно давило. И все же был один вопрос, на который у меня вроде бы уже был ответ, но при этом его оказалось мало. Я осторожно взглянула на мужчину, затем

нерешительно потянулась к коробке, в которой спрятала его чертежи.

– Я тут нашла кое-что, – тихо проговорила я, аккуратно складывая листы на коленях. Кристиан перевел взгляд на меня, не сразу понимая, о чем я говорила. – Это твоя старая работа. – он никак не отреагировал, просто продолжил смотреть то на рисунки, то на меня. – Кристиан, это ведь просто удивительно! – не сдержавшись, воскликнула я, затем замолчала, подумав, что это могло прозвучать слишком громко. – Почему, почему ты бросил архитектуру? Это ведь... очень талантливо, – была страшно. Я боялась его реакции, даже начала ругать себя за то, что решила задать этот вопрос, зная о его сложных отношениях с отцом и этой профессией.

И мужчина, словно вторя моим опасениям, молчал. Затем осторожно взял кипу чертежей, начав осторожно перелистывать их, легкая усмешка становилась все шире и шире, но вместо доброй ностальгии, там была какая-то горечь, злость.

Я нервно прикусила губу, желая исчезнуть из этого помещения и ожидая того, что он просто уйдет, так ничего и не сказав. Кристиан тяжело вздохнул, бросил работу в коробку и упер в меня какой-то непонятный взгляд.

– После этой работы я решил перевестись на другую специальность, – тихо проговорил мужчина.

– Извини, я не должна была, – прошептала я, заламывая пальцы рук. Ужас, это было так неловко, так не вовремя и так тупо, что на мгновение хотелось спросить, где вообще сидит

мой мозг и есть ли его зачатки в моей черепной коробке.

Кристиан опустился на корточки, так, чтобы наши лица оказались на почти одном уровне. Заправил прядь волос за ухо, осторожно обхватил ладони, оставив на них нежный поцелуй.

– Ты тут совсем не причем, Изи, – проговорил мужчина, позволяя легкой улыбке скользнуть на губы, – это настолько старая история, что уже не имеет значения. Я доволен тем, как моя жизнь сложилась и как складывается.

– Да уж, я вижу, что старая, кто ж такую обводку делает? – усмехнулась я, Кристиан рассмеялся, затем подался вперед, целуя меня, словно в подтверждение своих же слов. Я ответила, зарываясь пальцами в темные волосы на затылке. По телу мгновенно разлилось какое-то расслабление и спокойствие, будто с меня за несколько секунд сняли все страхи и сомнения, как ластик стирал карандаш на бумаге.

В какой-то момент мы поднялись, даже не разрывая поцелуя, Кристиан просто потянул меня вверх, а затем я оказалась прижата спиной к стене, в капкане его рук, гуляющих уже по всему телу. Страх от того, что кто-то может зайти, горячие поцелуи, спускающиеся с губ на шею, пробегающие по ключицам и спускающиеся в небольшой вырез короткого черного платья, почему-то только усиливали намерение поскорее взять свое, сплестать губы с еще большим рвением и желанием блуждать руками по телу, дразняще задевая пуговицы рубашки и пряжку ремня.

Поцелуй перестал быть невинным и нежным, превращаясь в огромный ком снега, летящий с горы, когда его ладонь очертила грудь, на мгновение ее сжав, спустилась на талию, скользнула еще ниже, останавливаясь на бедре. Соски затвердели, виднеясь сквозь ткань платья – опаздывая утром, про белье я просто забыла, а сейчас его отсутствие выдавало все то, чего так сильно хотелось.

Кристиан, заметив это, коротко усмехнулся, заглянув мне в глаза.

– И это мои мысли безвозвратно испорчены, мисс Ротчестер? – прошептал он, затем, обхватив мои запястья, поднял их, прижав к стене над головой. Я шумно выдохнула, прикусив губу, чтобы не застонать, когда он слегка прикусил торчащий сосок.

– Кристиан, – тихо позвала я, пытаясь совладать со здравым смыслом, мозг все еще пытался предупреждающе мигать красным, но взгляд уже был затуманен, а низ живота тянуло так, что, казалось, что если его рука сейчас не окажется под платьем, то я просто не смогу нормально соображать.

Я вытянула запястье из его хватки, опустив ладонь на подкачанную грудь, скрытую под тканью белой рубашки, провела вниз, останавливаясь на весьма красноречивой выпуклости.

– Если ты сейчас не выполнишь свою угрозу по освобождению меня из одежды, я сойду с ума, – проговорила я, замечая блеснувший в его глазах хищный огонь, от которого

по телу поползли мурашки и еще большее желание, чтобы он исполнил мою просьбу.

– Прямо здесь? – я не ответила, только двинула бедрами, подначивая его. Кристиан шумно выдохнул, – Знай, что еще ни для кого я не шел на такие жертвы, и не жертвовал ни своим, ни чьим-то еще, будущим, – заметил мужчина, а потом резко развернул меня, почти вжав грудью в стеллаж. Я схватилась за верхние полки, пытаясь сохранять равновесие.

– Будущее изменчиво.

– Удивлен, что ты все же попросила. И удивлен, что именно здесь. – прошептал Кристиан, осторожно перемещая копну кудрявых волос на бок, открывая шею и тут же проходясь по коже языком, вызывая тонну мурашек. Ноги подкосились, мгновенно разливая по телу расслабление вперемешку с возбуждением, и если бы руки Кристиана не держали меня, я бы расплылась лужицей на полу.

Ловкие пальцы задрали ткань платья, легко спустив колготки вниз. Ладонь огладила бедро, запуская волну разных ощущений.

– Уже не болит? – хрипло поинтересовался Кристиан, поглаживая едва заметный синяк на мраморной коже. В голове слышалась явная издевка. Я дернулась, пытаясь освободиться из его объятий, мужчина только лишь тихо рассмеялся, оставив еще один поцелуй на шее. Затем легко подцепил кружево белья, потянув вниз, оставляя их где-то на уровне коленей. Пальцы коснулись нежной кожи, слишком медлен-

но выводя круги, заставляя выгибаться, прося о большем, но он почему-то не торопился, будто нам принадлежало все время мира, а не несколько минут в затхлом архиве университета, куда мог зайти любой желающий.

Я запрокинула голову, опустив ее на плечо Кристиана. Полустон сорвался с губ, слишком громкий, страстный, откровенный. Такой, какие обычно не сдерживают. Такой, на который по утрам жалуются соседи. Но грубая ладонь тут же зажала рот ладонью, несильный укус прилетел на шею, чуть оттянув кожу, а затем по укушенному месту прошелся язык, а за ним опустился нежный поцелуй.

– Ты же не хочешь, чтобы нас услышали, да? – горячий шепот коснулся все еще влажной кожи, заставляя сходить с ума от того, что сейчас ни я, ни он не в полной власти друг друга. Сейчас у нас не было возможности не скрывать себя настоящих, отдаваться полностью, без страха, что кто-то зайдет, без страха перед будущим. У нас был только этот момент, и я подмахивала бедрами навстречу его быстрым и аккуратным касаниям, подставляла шею под поцелуи и пыталась не стонать от удовольствия, накатывающего волнами, и от сожаления, что не могла почувствовать его всего. Хотелось большего. Намного большего, чем есть сейчас. И в плане касаний, и в плане избавления от одежды.

– Я отпущу тебя, если обещаешь не стонать, – тихо проговорил мужчина, в ответ я смогла лишь кивнуть, пытаюсь не закатывать глаза от налетающих мурашек и наслаждения.

Хотя, по правде говоря, сейчас я бы согласилась на многое, даже не особо вникая в то, что мне предлагали.

Кристиан скользнул пальцами внутрь, затем вернул их назад, дразня, мучая, словно ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как грудь вздымалась от частого дыхания, а бедра прижимались к нему, чувствуя желание и жалея о том, что я не могла почувствовать его в себе. При этом губы все еще иногда пробегались по шее, а вторая ладонь сжимала грудь, протиснувшись в вырез на платье.

Почти то, чего я хотела. Почти.

Пальцы до побеления костяшек сжали металлические полки стеллажа, отпуская контроль полностью и доверяя манипуляциям мужчины, доводящим сначала до еще большего возбуждения, а затем до высшей точки наслаждения и удовольствия, заставляя прикусывать губу до еле ощутимой боли, чтобы сдерживать рвущиеся наружу стоны.

Внезапно что-то громко хлопнуло в коридоре, заставляя вздрогнуть от неожиданности в самый неподходящий момент. Осознание произошедшего даже не сразу оформилось в голове, а затем навалилось одной кучей, словно внезапный ураган, сметающий все на пути.

Кристиан мгновенно отстранился, я поправила одежду, напряженно кашлянула, пытаясь скрыть появившуюся неловкость.

Я только что получила самый яркий оргазм за несколько прошлых лет. В архиве университета. От пальцев своего пре-

подавателя. Это даже звучало как бред, но почему-то опять происходило в моей жизни! Интересно, закончится ли это когда-нибудь?

Неловкие ситуации. Не оргазм.

– Я подвезу тебя, – проговорил Кристиан, приведя себя в порядок. Я скупно кивнула, переместила волосы за спину, пытаюсь скрыться от его внимательного взгляда, скользящего по лицу и шее, на которой недавно находились его губы.

Щеки до безумия горели, переходя жаром на все тело, будто в и так душном помещении поставили несколько обогревателей. И почему я снова не могла исчезнуть сквозь пол, стены или потолок? Не то, чтобы я жалела о произошедшем, но после... это случайное напоминание о том, где мы, отрезвило.

Работы машинально полетели в коробки, а Ротчестер все никак не уходил, продолжая сверлить меня взглядом. Что он хотел увидеть? Стыд? Еще большее желание? Сожаление? Ничего из этого там не было. Только понимание, что мы перешли черту.

– Я помогу, – проговорил мужчина, оказываясь рядом со мной.

– Не нужно, – мгновенно отозвалась я, даже громче, чем хотелось. Взгляд тут же убежал в угол, пытаюсь смотреть на что угодно, кроме Кристиана. Конечно, я вполне понимала, что сейчас банально отталкивала его. Из-за страхов, из-за нашей общей опрометчивости, хотя, скорее всего, в здании к

этому времени уже никого не осталось. Но это мало что меняло. Мы слишком необдуманно рискнули всем.

– Хорошо, жду в машине, – я продолжила собирать коробки, услышав только то, как хлопнула старая дверь. Затем по плитке раздались приглушенные шаги Кристиана, пока, наконец, на смолкли. Я устало опустилась на стул, приложив ладонь ко лбу. Да, это определенно что-то новое. Такого в моей жизни точно не было, и катилось ли все в полную задницу или нет, я не могла понять. Все переходило какую-то непонятную грань, после которой выход будет только один – бросить все, оборвать связь с этим человеком и своим настоящим и будущим, но я этого не хотела. Кристиан вызывал слишком много эмоций, как-то случайно появившись в моей жизни, и я не хотела его терять. И тем более терять то, к чему шла столько времени.

Этих мыслей было так много, просто до безумия много, что мне хотелось вернуть ту пустоту и легкость, крутящуюся в голове несколько минут назад. Все казалось таким простым и очевидным, а сейчас снова обросло паутиной сомнений, обязанностей, обязательств и запретов. Но я все равно поднялась, спешно накинула пальто на плечи, схватила сумку и, оставив несколько коробок в полном беспорядке, вылетела из архива, а затем и из университета. Почти бегом добралась до машины Кристиана, пересекая холодную улицу, запрыгнула внутрь под растерянный взгляд мужчины.

– Ты меня пугаешь, Изи, – заметил мужчина, рассматри-

вая мой, наверняка, полубезумный вид. Я рассмеялась, пытаясь понять саму себя в этот момент, но, кажется, такого еще не придумали, потому что я следовала за импульсом, всего лишь промелькнувшим в мыслях.

– Не хочешь объяснить? – поинтересовался Кристиан, поворачиваясь ко мне. Я потянулась к нему, по привычке скользя ладонями по плечам, а затем мягко поцеловала, чувствуя все еще никуда не ушедшее возбуждение.

– Извини меня, я просто испугалась, что кто-то мог нас застать, а потом еще куча мыслей. Это все слишком...

– Сложно, страшно и волнительно? – подсказал он, нежно поглаживая кожу на моей щеке большим пальцем. Я кивнула, заглянув в голубые глаза, кажущиеся в этом освещении какими-то глубокими, темно-синими. – Понимаю, мне тоже не нравится идея скрываться по углам, но мне нравишься ты, – его слова звучали так легко, будто это было что-то само собой разумеющееся, привычное. Кажется, впервые я могла так открыто говорить о том, что чувствую без чувства неловкости.

– Это взаимно, – ответила я, коварно усмехнувшись, – но иногда ты меня все-таки раздражаешь.

– О, мисс Ротчестер, поверьте, это тоже взаимно, – усмехнулся Кристиан, потом еще раз коснулся моих губ, будто закрепляя на них эти слова, затем отстранился, заводя машину.

– И кстати, там никого не было. Даже охраны, он ушел

на обход территории, – как бы невзначай бросил Ротчестер, выезжая на дорогу.

Глава 15

Утро четверга выдалось морозным и безоблачным, раскидав по все еще темному небу мириады звезд. Я, шурша снегом, часто задирала голову, рассматривая завораживающее мерцание, так сильно напоминающее о детстве.

Как-то раз родители, Вера и я собрались в домик у озера на целую неделю. Это были летние каникулы, папа без конца рыбачил, мама готовила легкие салаты и пыталась загореть так, чтобы «все девочки на работе обзавидовались», Вере достался маленький надувной бассейн, потому что она была еще слишком маленькой, чтобы свободно бегать, плавать в озере и доставать родителей двигателем в одном месте.

И вот одной ночью мне пришла в голову идея, убежать из домика и обойти озеро по кругу. Конечно, меня почти за уши поймал папа, но моя идея ему понравилась, и одну меня не отпустил.

Мы, никому не сказав, сбежали под покровом ночи, не спеша обошли почти все озеро, а, найдя небольшую полянку, сели и почти до рассвета рассматривали звезды. Маленькие точки – ангелы, ушедшие души, как считают многие, умершие сотни лет, а то и миллионы лет назад, но все еще видимые.

Я моргнула, возвращаясь в реальность. Сердце защемило от тоски по дому. С мамой и Верой я виделась довольно

часто – мама привозила младшую сестру в художественную школу в город, да и сама Вера навещала в гости, лишь бы почувствовать себя взрослой хотя бы на несколько дней. А папу я не видела уже очень давно. И из-за его работы, и из-за моей учебы.

Сегодняшнее утро выдалось почти наполовину свободным, потому что лекции Ротчестера отменили до понедельника из-за какой-то конференции в другом городе. Так что я надеялась, что в его отсутствие справлюсь с отработкой до конца и побуду в одиночестве. Слишком многое нужно было обдумать. И его отсутствие все только упрощало. Я бы не смогла трезво размышлять, если бы смотрела на него в привычном костюме и думала только о том, что скрывается под белой рубашкой и что делали пальцы, держащие книгу.

– Доброе утро, – почти пропищала на ухо Лиза, обхватывая меня двумя руками. Я поморщилась от громкого звука, но все же обняла девушку в ответ, как делала каждое утро уже несколько лет подряд.

– Откуда у тебя столько энергии, Лиз? Ты черпаешь его из какого-то неиссякаемого источника? – спросила я, поправив сумку на плече. Подруга задорно рассмеялась, явно с утра находясь в хорошем расположении духа.

– Это врожденное.

– Или у кого-то свидание прошло очень хорошо, – вклинилась появившаяся Кассандра, поправив черную вязаную шапку. Лиз от ее замечания тут же засмушалась, выскольз-

нужу из моих рук и отойдя в сторону.

– Лиза, – тихо позвала я, – ты ведь знаешь, что мы не будем осуждать, завидовать и рассказывать об этом где-то на стороне? – девушка только кивнула, нерешительно подняв голову, но ничего не сказала.

Колокольчик на двери звякнул, впуская нас в теплое маленькое пространство. Так как нам сообщили об отмене в самый последний момент, то мы с девочками решили провести время с пользой в кофейне на соседней от университета улице. Кофе никогда не бывает лишним.

Правда, от мыслей о Ротчестере и здесь не получилось избавиться. Справа диванчик, где ждала свой заказ Монро, слева окно, в котором я тем утром увидела Кристиана. И даже за кассой была та же самая девушка.

Латте пить абсолютно перехотелось.

И его, как назло, заказала Лиза под полный вздох отращения Кэсс, которая терпеть не могла этот напиток. Кассандра была яркой поклонницей просто черного кофе, без сахара, молока, сиропов и так далее. Только так, по ее мнению, можно почувствовать настоящий вкус кофе.

Я долго смотрела на черную доску-меню, исписанную белым мелом. Такой выбор, что хотелось всего и сразу и при этом ничего. Глаза бегали от привычного «латте с карамелью» до «лавандового рафа» и еще половины меню. И почему так сложно было выбрать всего лишь один напиток?!

Девочки уже устроились за столиком, перемигиваясь

ехидными взглядами в мою сторону.

– Вишневый пунш, пожалуйста, – в итоге сдалась я. Удивительно, но выбор пал не на кофе.

– Не ожидала такого, – хмыкнула Кэсс, заглядывая в мой стаканчик. Я закатила глаза, опускаясь на кожаный диванчик рядом с подругами. Лиза молчала, упорно смотря только на черную крышку бумажного стаканчика с латте.

– Как думаете, когда-нибудь нам будут заранее сообщать об отмене лекций? – лучше перевести тему, пока не стало поздно. Не то, чтобы они спешили поругаться, но я чувствовала вину за то, как резко упало настроение Лизы. Кажется, мы слишком сильно надавили, она человек скромный и не очень любила обсуждать происходящее в ее жизни. Вот в чьей-нибудь другой – запросто.

– Пффф, – фыркнула Кассандра, – конечно, нет. Зато никто не опоздает.

– Зато все разбредутся по домам. Это мы с вами такие ответственные, а вот все остальные не особо, – тут же ожили Лиза, а затем снова скисла, вперив взгляд в крышку стаканчика.

Несколько секунд мы сидели в тишине, вслушиваясь в слова какой-то энергичной песни, которая больше раздражала, чем задавала нужное настроение. А потом Лиза все-таки подняла глаза.

– Кэсс права, – тихо проговорила девушка, – Вчера у меня было просто потрясающее свидание, и мне стало так страш-

но, так невыносимо страшно, что это все нереально, что обязательно будет какой-то подвох, ложь, а потом опять больно, – она все еще говорила шепотом, но при этом глаза заблестели от слез. Лиза пыталась с ними совладать, но они все же прорвали защиту от эмоций, которую девушка долгое время выстраивала.

Мы, не сговариваясь, сели ближе к подруге, обняв с двух сторон. Ничего не говоря, только лишь обнимая и легко поглаживая по спине, давая выплакаться и успокоиться. Ей это было необходимо, и сколько бы слов сейчас не рождалось в моей душе, я не давала им выход, позволяя Лизе просто поплакать на плече подруг.

– Спасибо, девочки, – шмыгнула носом она, – я так боюсь. Он какой-то слишком идеальный, слишком правильный, слишком нужный мне. Я боюсь, что ничего не получится, что что-то случится, хотя я понимаю, что это неправильно! – Лиза вновь разрыдалась, вытаскивая одну салфетку за другой.

Я смотрела на подругу, от вида которой сердце сжималось, словно в него с силой всадили нож. Мне бы тоже хотелось рассказать им обо всем. Я так сильно понимала ее чувства и переживания, хоть и не признавалась в этом самой себе, но почему-то на ее словах в мысли влез Ротчестер со своей невыносимой ухмылкой, голубыми глазами, которые в темноте будто светились, руками, в которых было так спокойно и тепло, в которых так хотелось просто лежать, а по-

том и вовсе легко проваливаться в сон.

Мне не хотелось скрывать что-то от девочек, но и рассказать про это я им тоже не могла. Эта тайна касалась не только меня, и она бы разрушила все, к чему шла я, к чему шел Кристиан. Это был самый настоящий риск, край обрыва, у которого под ногами осыпалась земля. И после вчерашнего в архиве мы стояли на самом его краю, с которого так легко можно упасть и потеряться в обломках, прилетевших сверху. И это была одна из причин, почему я была рада тому, что его не будет до понедельника.

– Лиз, – прошептала Кэсс, когда всхлипы подруги стихли, а она сама расслабилась, обмякнув в наших объятиях, – это нормально, что ты так чувствуешь. После Эша, – брюнетка на секунду замолчала, оценивая реакцию подруги. Но Лиза молчала, будто у нее кончились и слезы, и слова, – страх это нормально. И не хотеть боли – тоже. Ты живой человек, Лиза. Твоя душа просто прекрасна, и ты заслуживаешь все то, о чем мечтаешь.

– Кэсс права, – согласилась я, – ты не говорила с ним? Какие у вас отношения? – в ответ Лиза лишь отрицательно мотнула головой.

– Тогда, если у тебя есть силы и желание, вам нужно это обсудить.

– Я боюсь.

– Это тоже нормально, но, узнав правду, тебе станет легче. Сейчас ты просто изводишь себя, милая, – я потянулась за

салфеткой, осторожно принялась вытирать, размазанную по розоватым щекам девушки, тушь. Лиза молча позволила помочь, отведя глаза в сторону, долго о чем-то думала. Затем, несколько раз моргнув, словно перезагрузив систему, открыто посмотрела на меня. На пухлых губах расцвела привычная улыбка.

– Вы правы, девочки. Что-то я тут разошлась, прямо как школьница, – она усмехнулась, отпивая уже давно остывший кофе. – Спасибо, что вы есть. – мы еще раз обнялись, а затем блондинка глянула на время, ужаснулась и начала нас поторапливать, боясь, что на лекцию мы не успеем.

***

К вечеру пятницы я, как и планировала, закончила с отработкой в архиве. В это время факультет снова пустовал, старого профессора уже тоже не было на месте, поэтому я занесла кипу бумаг в его кабинет, попрощалась с охранником, надеясь, что его реально не было в здании, когда Кристиан зашел ко мне в архив. Его, кстати, так и не было. Ни звонков, ни сообщений. Хоть я и хотела бы остаться наедине со своими мыслями, но какая-то часть меня по нему скучала.

Мне не хватало его шуток, лекций, во время которых я часто ловила на себе холодный взгляд, случайных столкновений в коридоре и его появлений в архиве. И мне не хватало вечеров в его машине, которые стали какими-то слиш-

ком частыми. Весь Кристиан Ротчестер был каким-то... живым, не таким, как привычные люди вокруг. За ним хотелось наблюдать, его хотелось слушать. И с его появлением время почему-то ускорило еще сильнее.

Я закуталась в шарф, толкнув дверь на улицу. Морозы подбирались все ближе, почти ласково убирая платья и легкие свитера еще дальше на верхние полки. Зима в этом году выдалась очень холодной. Радовало, что отголоски праздничного настроения все же теплились еще где-то внутри. Может быть, в этом году чудо не обойдет меня стороной?

Но пока что передо мной был привычный маршрут, по которому я ходила каждый будний день вот уже три года. Удивительно, что рутина иногда затягивала так сильно, что становилась незаметной. А ведь правда я никогда не задумывалась, что хожу по одной и той же дороге столько лет, каждый фонарный столб стоит на своем месте, каждая вывеска, светофор, поворот, даже машины парковались иногда на одних и тех же местах. В наушниках играла почти все та же музыка, иногда разбавляясь музыкальными новинками, но и они появлялись редко. Снег под ногами скрипел точно так же, как и вчера, как и неделю назад и с тех самых пор, как метели накрыли город в первый раз. И дорога от университета до дома занимала все те же пятнадцать минут неспешным шагом.

Телефон неожиданно зазвонил, вырывая из мыслей и останавливая музыку. Я полезла в карман, уже настраиваясь на то, что придется снова немного поморозить пальцы.

Номер был мне незнаком, но по коду вполне подходил к моему городу, поэтому я ответила.

– Не холодно без шапки, Ротчестер? – на том конце провода раздался ехидный голос, от которого почему-то поползла улыбка.

– У меня есть два вопроса, Ротчестер, – перековеркала мужчину я, входя во двор. Он тихо рассмеялся

– Я случайно позвонил следователю?

– Да.

– Тогда слушаюсь и повинуюсь.

– Как ты узнал, что я без шапки?

– Ты ни разу ее при мне не носила, – легко ответил Кристиан, – так что давай второй вопрос.

– Почему позвонил только сейчас? – не то, чтобы меня очень сильно волновал его ответ. Он даже как-то сам вырвался.

– Потому что номер твоего телефона я нашел только сейчас, – я усмехнулась, не сразу понимая, что голос прозвучал не из динамика телефона. Сердце бешено заколотилось в груди, разнося и радость, и удивление, и неловкость по венам, заставляя мозг одновременно и отключиться, и усиленно работать. Прямо передо мной, посмеиваясь, стоял Кристиан.

Глава 16

Среда. После архива. Кристиан

Изабелла выпорхнула из машины, легко поцеловав меня на прощание и не сказав ни слова, кроме «спокойной ночи». Почему-то мне показалось, что в ее голосе слышалась самая настоящая издевка. Какая спокойная ночь после такого?! И дело не в том, что произошло, а в том, где. Вся ситуация с Ротчестер давно вышла за рамки, но это переходило границы моего понимания, любой логики и здравомыслия.

Жалел ли я? Нет. Хотел бы повторить? В любом другом месте – да. Повторить и продолжить.

И хотя я и знал, что там действительно никого не было в тот момент, но учитывая, как быстро распространялись слухи в этом заведении, как выражается отец, то разумная, а точнее, поздне-разумная, предосторожность должна была включиться. И проверять реакцию отца на эти сплетни я бы не особо хотел. Пусть они бы и оказались правдивыми.

С моей специализацией я мог бы уйти в любую компанию, любой другой университет, а вот на архитектуре Изи поставила бы крест. Что было не слишком правильным, и я не знал, задумывалась ли она о последствиях, потому что все зашло уже слишком далеко, и непременно зайдет еще дальше.

Я вышел из машины, оставляя там и эти мысли. Хотя они

скорее всего просочились сквозь щели, и теперь бесшумно ползли за мной хвостиком. Ровно как и воспоминания, возвращающие возбуждение, которое, кажется, никуда и не уходило. И с каждой ступенькой становилось только сильнее, вытаскивая из памяти картинки открытой аккуратной шеи, красивой груди, скрытой под тканью черного платья, запах ванили, которым, кажется насквозь пропиталась и моя рубашка, и ее восхитительные мягкие, пушистые волосы, в ужасном свете желтой лампы, сияющие почти как пламя, пожирающее нас обоих. Этому безумству нельзя было поддаваться, но мы не сдержались. И, наверное, в любой другой раз тоже бы не сдерживались.

Квартира встретила темной, холодной пустотой, привычной до самых кончиков пальцев. Вот только сейчас черные цвета почему-то не радовали, наоборот, безумно раздражали.

Я кинул ключи от машины и телефон на небольшой столик в коридоре. Не успел стянуть пальто, как всегда раздражающая меня мелодия звонка раздалась почти на всю квартиру. На экране высветилось имя отца, заставляя мгновенно похолодеть и вызывая дурное предчувствие, хватающее за горло. Слишком плохой знак, даже при том, что в знаки я не верил.

Вряд ли отец услышал мой посыл во вселенную или что там еще бывает сейчас. И вряд ли узнал о Ротчестер – слишком занят слухами обо мне и Монро. Конечно, с таким его

рвением они скоро замолкнут, и тогда приписывать мне романы начнут чуть ли не с каждой из студенток, строящих мне глазки. И с одной стороны, не хотелось бы, чтобы в списке сплетен оказалась Изи, а с другой, не хотелось, чтобы эти слухи долетали до нее.

Я глубоко вздохнул, настраиваясь на разговор.

– Да?

– Почему ты так долго подходишь к телефону? Будто у меня других дел нет, как пытаться дозвониться до тебя, – вместо приветствия начал мужчина. Да, примерно к этому я и готовился, но если разговор начался без нравоучений о студентках, значит, тема беседы окажется другой. Это радовало.

– И тебе привет.

– Привет-привет, завтра конференция, ты должен быть, как представитель нашего факультета.

– Официально я не работаю на твоём факультете, если ты вдруг забыл. – фыркнул я, включив громкую связь и сбрасывая с себя лишнюю одежду. Отец на том конце провода тяжело вздохнул, почти в точности, как я несколько минут назад.

– Ехать должна была Стенелли, но она на больничном, ее заменяешь ты, поэтому будь готов к десяти утра, место пришлю. Я там тоже буду, – пытаюсь успокоить, проговорил он. Но сработало это в обратную сторону. Я стал еще сильнее проклипать все происходящее.

– Монро?

– Я сказал, что едешь ты, значит, едешь ты. – безапелляционно заявил мужчина, а затем, сухо попрощавшись, сбросил вызов.

Я устало опустился на диван в гостиной, бездумно уставился в потолок, ощущая острое желание написать Изабелле. Вот только почему-то ее номера телефона у меня не было.

***

Два дня. Целых два дня нудной и просто ужасно скучной информации в не супер приятной компании. Отец то и дело каждый раз проверял внимательность, изредка поглядывая в мою сторону, будто я мог отвлечься на что-то кроме занимательных статистик и планов его любимых коллег.

Искренне не понимал для чего ему представитель факультета, если он и сам присутствовал на этой встрече. Это было жутко тупым и нелогичным, учитывая, что представитель факультета носил ровно ту же фамилию, что и декан этого факультета. А в то, что отец хотел мной похвастаться я не особо верил.

И ответ на этот вопрос я узнал утром в пятницу, когда уже должен был привычно раздражать Ротчестер своим присутствием на лекции по литературе. Удивительно, но мне не хотелось, чтобы она думала, что я просто взял и исчез. И надеялся, что она так не думала, потому что об отмене моих лек-

ций и отъезде узнала так же, как и все – через свою старосту, а та из деканата. И если еще один день отсутствия можно было как-то объяснить, то всю пятницу и выходные уже сложнее. Да и не особо хотелось торчать здесь в выходные. В общем, отец просто взял и уехал, сказав мне, что его присутствие требовалось только в первый день, а на остальных хватит и меня.

И сейчас я снова сидел, скрывая зевоту и ярое желание сесть в машину и вернуться домой, в свою постель, сменить ужасный отель на привычную обстановку, в которой все лежало по полочкам и так, как мне было удобно. И, наконец, сползти с этих неудобных стульев, превращающих задницу в квадратик.

Воспоминания о том, с какой регулярностью отец скидывал звонки мамы во время выступлений, до сих пор выводили из себя, снова подкидывая вопрос о том, как из счастливой семьи мы превратились в это. И даже не «мы» – этого уже давно не было, а они. Мама и папа, которые ради друг друга могли перевернуть половину мира. В какой момент отец завел любовниц с именем «работа» и «репутация», а мама, забыв про свои интересы, осела дома? Не то, чтобы я хотел разгрести эти проблемы, но, может быть, ребенка внутри меня волновал этот вопрос, а может, я просто не хотел становиться таким, как отец. Не хотел забывать о чувствах, о жизни, об эмоциях и том, что каждый человек не может быть идеальным. Что такое «репутация», если ты не можешь быть

собой? Выдуманнные шаблоны, которым нужно соответствовать? Что вообще крылось за фразой «не позорь меня»? Для меня это до сих пор загадка.

Стало любопытно, как бы отнеслась к этому Изабелла. Она казалась свободной, живущей по чувствам и искренней, словно солнышко. И внешне тоже была похожа на необычный лучик света, который грел только тех, кто находился близко. Но почему-то иногда казалось, что это лишь тень, привычка.

Шел ли я уже по стопам отца? Когда-то я искренне этого не хотел, ушел с архитектурного, перестал создавать что-то свое, погрузился в литературу. А теперь? Теперь сидел здесь, игнорируя свои желания, привычный режим жизни. И это не из-за Ротчестер. Наверное. Нет, точно не из-за нее, просто матрас в отеле ужасный настолько, что я плохо спал.

За мыслями и постоянными спорами с самим собой, презентация прошла довольно быстро, так что я даже не успел ничего решить, но все-таки вернулся в номер, собрал вещи, понимая, что задерживаться на конференции я больше не хотел. Если отец думал спихнуть на меня свою работу, то это уже не моя проблема. По крайней мере, моему вопросу об отъезде никто не удивился.

Так что я сел в машину, написал одной знакомой в деканате, и уже вечером въехал в привычный двор. Даже и не подумал бы, что за день так сильно соскучился по рутинным делам.

А только по ним ли? – ехидно заметил внутренний голос, тут же задавленный.

Мелкий снег начал падать с неба, когда я вышел из машины, достав снова привычную сигарету. Да, с появлением в моей жизни Изабеллы многое изменилось, а что-то и вернулось. И многие мои поступки теперь могли легко ставиться со знаком вопроса рядом. И словно в подтверждение этих мыслей, телефон пискнул, оповещая о новом сообщении. Знакомая из деканата очень спокойно и вполне тихо прислала то, что я просил. Номер Изи. И, судя по времени, сейчас она должна возвращаться с отработки в архиве, если, конечно, не закончила ее вчера. Интересно, она думала обо мне там? Да, эгоистично и совершенно самовлюбленно, но хотелось бы, чтобы хоть немного ее мыслей занималось мной.

Не долго думая, я нажал на кнопку вызова, замечая рыжую копну волос около входа во двор. Совпадение или судьба?

Изабелла ответила почти сразу, даже удивившись моему голосу. Я, затушив сигарету, медленно двинулся в ее сторону, пытаясь не выдать себя раньше времени. Захотелось устроить что-то вроде небольшого сюрприза. И до безумия хотелось видеть ее удивленное лицо, краснеющее от стеснения еще сильнее, чем от мороза.

Девушка, как обычно, строила из себя невыносимую. До тех пор, пока не заметила меня. Изи раскрыла глаза в удив-

лении, медленно опустила руку с телефоном, спрятав в карман. Потом сделала несколько шагов в мою сторону, не произнося ни слова. На какую-то долю секунды мне показалось, что она отвесит мне пощечину, и, в принципе, была бы права, потому что поступил я, как самый настоящий придурок, хоть и не по своей воле, но додумался до помощи друга только сегодня.

– Почему ты так рано приехал? В университете сказали, что тебя не будет до понедельника, – спросила девушка, осторожно опуская ладони на мои плечи.

– У тебя специальная программа, – Изи искривила губы в усмешке, почти копирующей мою, а затем, привстав на носочки, коснулась своими губами моих в нетерпеливом поцелуе, вкладывая в него все то, о чем не хотела говорить.

Ее пальцы, по обыкновению, зарылись в волосы на затылке, притягивая ближе, словно этого ей было мало, словно за эти полтора дня, что мы не виделись, она приняла для себя какое-то решение или нашла нужные мысли, и сейчас подтверждала их, закрепляя таким способом.

Я опустил руки на тонкую талию, не желая выпускать девушку из объятий. Не знаю, как она, но за эти полтора дня у меня было много мыслей. Даже слишком много. И сейчас, стоя под начинающимся снегопадом, целуя прекрасную девушку, все казалось каким-то приторно милым, словно мы перенеслись в глупую книжку о рождественском чуде, но почему-то мне это нравилось.

Изи, тяжело дыша отстранилась, заглянула в мои глаза, словно выискивая там ответ на вопрос известный только ей.

– Не желаете поужинать, мистер Ротчестер? – она кокетливо улыбнулась, снова напоминая мне красивое и яркоеходячее солнышко.

– Должен ли я думать, что ваше предложение непристойно?

– Ни в коем случае, – усмехнулась Изабелла и, взяв меня за руку в совершенно невинном жесте, увела в нужную сторону.

Глава 17

Я не знала, что делала. Просто в один момент почувствовала, что не хотела заканчивать вечер вот так просто и коротко. И, приглашая Кристиана на ужин, я не думала. Это был, наверное, тот самый случайный импульс, быстрая мысль, которую просто взяли и озвучили, не думая о последствиях. Хотя, честно сказать, эти последствия – последнее, о чем хотелось думать. Важнее всего было теплое чувство, разливающееся в груди. Не возбуждение, не желание, а какая-то легкая нежность, даже радость.

– Ты так спешишь, потому что очень хочешь кушать? – язвительно спросил Кристиан.

– Я уже говорила, что ваши мысли невозможно испорчены?

– Даже несколько раз.

– Подумайте над своим поведением, молодой человек, – в шутку упрекнула я, заходя в подъезд. Кристиан тихо рассмеялся позади, за несколько шагов догоняя меня. И все остальное время до моей квартиры мы молчали. Именно в этот момент здравый смысл начал проникать в мою голову. Я пригласила Кристиана к себе. На ужин. В свою квартиру. Сразу же начала перебирать воспоминания, пытаюсь вспомнить насколько там чисто и застелила ли я постель. Потом подумала, что просто могу не впускать его в спальню, затем вернулась

к мыслям о чистоте, потому что когда думала о кровати, то воображение рисовало совсем не то. В какой-то момент двери лифта открылись, но это все прошло мимо, пока Кристиан не потянул меня за руку, вырывая из раздумий. Все стало еще более неловким, чем было.

Я поспешила к нужной двери, быстро проворачивая ключ в замке, затем пригласила мужчину пройти вперед. Кристиан оглядел просторную светлую прихожую, стянул пальто, следом пиджак, оставаясь в одной черной рубашке, которая до безумия ему шла. Я даже забыла про то, что и самой нужно было раздеться.

Раздавшийся в полной тишине звонок телефона показался каким-то громким, бьющим по голове, почти как с похмелья. На экране высветилось короткое “мама”, правда, разговаривать у меня желания не было. Точнее, было, но только с одним человеком. С тем, что стоял напротив меня.

Но тут, словно по заказу, его мобильный тоже зазвонил, будто кто-то чувствовал, что нам нельзя находиться здесь и сейчас.

– Ответим? – глупо спросила я, Кристиан в ответ кивнул, почти одновременно со мной принимая вызов.

Мы прошли в гостиную, где мужчина буквально замер на пороге, рассматривая рождественское безумие и почти целое мое состояние, потраченное на декор, пополняющийся с каждым годом в два или три раза. Кристиан вопросительно поднял брови, а я была почти уверена, что если бы он

не разговаривал по телефону, то точно бы выдал что-нибудь ехидное и саркастичное. Я прошла на кухню, оставляя его в гостинной.

Мама что-то увлеченно рассказывала про новый дизайн сада, про бесконечную работу отца, про Веру и ее поиски себя, мечущиеся от одной профессии к другой, и заканчивающиеся возгласами со смыслом «я умру на улице». Да, такое отчаяние очень очень походило на настроение сестры.

Телефон переключался на столешницу, отзываясь громкой связью. Мама продолжала что-то рассказывать, а я проверяла холодильник, надеясь, что там осталась замороженная запеканка – обычно я делала сразу несколько, чтобы в нужный момент просто включить духовку и поставить туда блюдо.

– Слушай, Белла, – внезапно серьезно проговорила мама, так, что найденная запеканка едва не полетела на пол от неожиданной смены тона.

– Да?

– У одной моей подруги есть сын. Ну просто замечательный молодой человек твоего возраста, – проговорила она, заставляя меня остановиться прямо посреди кухни со стеклянной формой в руках, из-за которой просто до безобразия становилось холодно. Это была третья попытка мамы познакомиться со кем-то из «прелестных» сыновей ее подруг. Вот только из прелестного в них оказывались только комментарии их матерей, что однажды мне пришлось выяснить опытным путем. И этот опыт был настолько плачевным, так

сказать, на века, что повторять мне его не хотелось. А сейчас и тем более, учитывая, что в моей гостиной сидел просто охренительный мужчина, от взгляда которого все внутри переворачивалось.

– Я подумала, может, вы сходите на свидание? Мари сказала, он очень умный, занимается бейсболом, любит книги, – с деланным воодушевлением перечисляла мама, пока я отправляла многострадальный ужин в духовку. – В конце концов, нужно налаживать личную жизнь, Белла, – о да, и почему этот разговор нужно обязательно должен был проходить на громкой связи, когда всего в паре метров от меня сидел Кристиан? Почему именно так и именно сейчас?

Мужчина резко повернулся в мою сторону, словно прочитал эти мысли. Едкая усмешка растеклась по его губам, придав лицу какое-то хищное выражение, от которого все слова разом застряли в горле.

– Ты тут, Белла? – взволнованно спросила мама, так и не дождавшись ответа.

– Да, да, – я спешно отвернулась от Кристиана, чувствуя, как щеки быстро заливались краской, а возможность мыслить медленно возвращалась. Его взгляды буквально отдавали двусмысленностью, а этот разговор только усугубил ситуацию, заставляя меня лихорадочно придумывать, что сказать. А кому: вот мужчине, только что попрощавшемуся с кем-то по телефону или маме – хороший вопрос.

– Что мне сказать Мари? Ее сыну ты очень понравилась, –

тут в голосе прорезались нотки гордости, хотя лучше бы она говорила с такой интонацией, что гордится тем, что я не спилась в пятнадцать и не сделала ее бабушкой. А ведь это только малая часть моих успехов за жизнь.

– Я тебе потом перезвоню, – нужно было срочно заканчивать этот разговор. Просто немедленно и бесповоротно.

– Обещай подумать, Белла, – слишком эмоционально проговорила мама, делая этот разговор хуже, а ситуацию нелепее. Как там однажды сказала Кэсс?? «Не вляпайся ни во что». Так вот, это мой особый талант, и жизнь без этого оказалась бы неполной, наверное. Но точно намного спокойнее.

– Я подумаю, – ответила я, сбрасывая вызов и упираясь в столешницу ладонью. Сейчас бы просто идеально вписался в ситуацию истерический смех. Такой громкий, со слезами на глазах и почти не прекращающийся.

– Подумаешь? – вкрадчивый шепот обжег шею, заставив едва не подпрыгнуть от неожиданности. Я повернула голову, почти столкнувшись с Кристианом носом. Голубые глаза слегка прищуренные смотрели с явным упреком и ожиданием, отчего хотелось покраснеть, а затем с тихим «пуф» исчезнуть. Но я продолжала стоять на месте, а он наблюдать.

– Не хочешь объяснить, Белла? – с язвительной усмешкой спросил Кристиан, почти вжимая меня в угол кухонного гарнитура.

– Изабелла, – поправила я, сложив руки на груди, тут же находя и подходящий ответ, и привычную решимость, – по-

твоему лучше надо было сказать, что вообще-то мой парень почти на десять лет старше меня, он чрезвычайно красив, умен, ни в какое сравнение не идет с теми, кого она мне предлагает, – я загибала пальцы, перечисляя все то, что приходило на ум, когда мысли сворачивали в сторону Ротчестера, – а, да, – мой взгляд помрачнел, – он мой преподаватель, и так-то это запрещено, но кого это волнует, – я пожала плечами, как бы подкрепляя свой монолог этим действием. Кристиан усмехнулся, подавшись немного вниз, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

– Первая часть мне нравится, – прошептал он, затем голубые глаза опустились ниже, длинные пальцы опустились на щеку, проведя нежную линию, – а вот от второй я бы с радостью отказался, – еще тише заметил он, возвращая взгляд.

– Но из жизни ее так просто не вычеркнешь, – кривая усмешка нарисовалась на моем лице, – зато это так интригует, – и я тут же потянулась к нему, больше не думая ни о чем, кроме него. Это снова секундный порыв, которому подчиняешься без оглядки на все остальное. Это тот самый импульс, из-за которого теряешь голову даже посреди старого архива, где вас в любой момент могут увидеть.

Губы тут же нашли друг друга, сплетаясь в жарком поцелуе, словно прошла целая вечность, а не полтора дня.

Руки Кристиана, вмиг оказавшиеся на моей спине, буквально вжали в крепкую грудь, заставляя задуматься о том, что я еще ни разу не видела его обнаженным, и в этот раз

оплошность захотелось исправить.

Возбуждение разливалось по телу, запикивая остатки возражений и миллион «мы не должны» в дальний угол. Ноги подкашивались от внезапной слабости, низ живота сладко и предвкушающе тянул, как и грудь, желающая, чтобы к ней прикоснулись. И снова, будто прочитав мои мысли, ладони Кристиана заскользили вниз по спине, останавливаясь на уровне ягодиц, тут же их сжимая, заставляя меня прижаться к нему сильнее и почувствовать его возбуждение, упирающееся в живот. И от этого хотелось стянуть с него одежду прямо здесь, посреди кухни, только сильнее. Одновременно хотелось, чтобы он взял меня грубо, пошло, развязно, продолжая то, что пришлось закончить в архиве, и вместе с этим хотелось растянуть удовольствие, почувствовать каждый миг, поцелуй и стон.

Пальцы нащупали маленькие пуговички на черной рубашке, принявшись медленно расстегивать.

Кристиан оторвался от моих губ, замыленным взглядом рассматривая меня.

– Скажи это.

– Сказать что?

– Что хочешь, чтобы я избавил тебя от одежды, – усмехнулся мужчина, нарочито медленно выводя круги по выпирающим сквозь ткань соскам, от чего желание почувствовать хотя бы его пальцы, росло с такой силой, что казалось я скажу что угодно, лишь бы эта пытка прекратилась. Но при этом

слова прошли не шли, не формировались и не появлялись.

Кристиан слегка ущипнул меня, несильной болью возвращая в реальность. Я усмехнулась, подавшись вперед, оставляя между нашими губами всего несколько миллиметров, заглянула в его глаза.

– Сделай это, Кристиан, – прошептала я, замечая, как усмешка в одно мгновение стерлась с его лица, а затем губы смяли мои в жадном поцелуе, словно этим действием он доказывал и себе, и мне, что над предложением о знакомстве я даже не задумаюсь.

Мужчина легко подхватил меня под бедра, заставляя обхватить его талию ногами, затем вышел из кухни, направившись в сторону спальни. Я перебирала пряди вьющихся волос, переливающихся в свете гирлянд. Возбуждение все еще летало вокруг, заставляя срывать поцелуи друг с друга и спешно избавлять его от рубашки, открывая взгляду то, над чем Кристиан Ротчестер потел в спортзале. И явно проводил часы на тренажерах не зря: широкие плечи, виднеющиеся кубики пресса, если бы он приходил в таком виде на лекции, то ни одна студентка не смогла бы стать отличницей, либо наоборот, ни одна не отправилась бы на пересдачу. Но, как сказал он сам, у меня особая программа, поэтому делиться этим знанием я ни с кем не собиралась.

Кристиан осторожно опустил меня на кровать, нависая сверху. Взгляд прошелся от лица вниз, задерживаясь на груди, выглядывающей из выреза. Затем он мучительно медлен-

но подцепил край свитера, потянув его вверх, чтобы затем отбросить в сторону, оставляя меня с обнаженной грудью.

Теплая ладонь тут же накрыла аккуратную округлость, слегка сжимая. Тягучий поцелуй пришелся на губы, сместил вниз, на шею, прочертил дорожку к ключицам, на мгновение остановился между грудью, а затем язык прошелся по соску, заставляя еще сильнее изнывать от желания.

Пальцы Кристиана тут же нашли пуговицу на брюках, ловко расстегнули ее, стягивая ненужный предмет одежды вместе с бельем.

Если он собирался свести меня с ума, то у него получалось делать это легко и просто.

Его пальцы тут же скользнули вниз, нагло, развязно, словно это было чем-то обыденным, но от этого возбуждение стало только сильнее. Хотелось брать, получать удовольствие и отдавать его. Хотелось чувствовать его полностью в себе, ощущать теплые руки повсюду, а желание каждой клеточкой тела.

Я легко прикусила кожу на его предплечье, когда он проник пальцами внутрь, снова дразняще медленно, словно наказывая за что-то. Тут же потянулась к ремню, спешно расстегивая пряжку, за ней пуговицу и молнию.

Терпение просто лопнуло, унося за собой все остальное. Кристиан понял намек, отстранившись, чтобы избавиться от одежды. А потом снова обрушиться на мои губы с поцелуем, вместе с этим толкнувшись внутрь, почти сцеловывая

мой стон. Я выгнулась навстречу, пытаюсь привыкнуть к заполняющему чувству. Кристиан сжал грудь, прикусил кожу на плече, оставляя там отметины. Бедрa сами двигались навстречу, подмахивая движениям, подстраиваясь под, растягивающий удовольствие, ритм, вырывая стоны, вызывая еще больше маленьких искорок, скапливающихся внизу, а затем рассыпающихся по всему телу, заставляя еще теснее прижиматься к Кристиану, оставлять еле заметные следы укусов и полумесяцев. И с каждым движением чувствовать его желание, остро ощущать теплые ладони, скользящие, казалось повсюду, и дарящие тепло на контрасте с прохладным воздухом, отчего мурашек становилось больше, ощущения усиливались, а удовольствие подкрадывалось так близко, словно оставляя нас над обрывом – всего шаг, всего одно движение, полет вниз неизбежен, но это было желанным, и укус, пришедшийся на шею, сильный толчок подействовали, разделяя мир и все же выбивая почву из-под ног, опуская в наслаждение.

Кристиан, чтобы не раздавить меня, аккуратно перекатился набок, тут же обхватив талию и прижав к себе, зарывшись носом в шею. Я пыталась восстановить дыхание, прикрыв глаза и вырисовывая невидимые круги на его руке. И, кажется, даже слова были лишними, оставляя здесь и сейчас тишину, тусклый белый свет от гирлянд, теплоту и спокойствие, в довершении всего накрывающие с головой.

Я тяжело вздохнула, тут же почувствовав, как мужчина

навис надо мной. Распахнула глаза, снова встречаясь с каким-то непонятным взглядом Кристиана. Он внимательно рассматривал меня, словно пытался найти ответ на вопрос известный только ему. А я просто глядела на него, наслаждаясь видом растрепанных волос, размазанной по *его* губам *моей* помаде.

– Тебе не понравилось? – внезапно спросил мужчина, вызывая этим вопросом сначала недоумение, затем тихий смешок. Вероятно, если бы он был мной, то сошел бы с ума от удовольствия.

– А тебе?

– Мне понравилось.

– Так и мне.

– Да?

– О нет, – простонала я, – только не говори, что у тебя какие-то проблемы!

– Что? – удивился мужчина, – нет у меня никаких проблем! Ты просто так вздохнула, мне стало интересно.

– Я так вздохнула, потому что твоя рука меня придавила! – проговорила я, поднимаясь в кровати и утягивая одеяло за собой, чтобы прикрыть грудь. Кажется, всем было бы все равно на застеленную постель, сейчас она все равно выглядела так, словно белье просто кинули сверху.

Кристиан, скользнув взглядом по моему лицу, громко рассмеялся, а затем, потянув меня за руку, снова сгреб в объятия.

– Ты прелестная, ты знаешь это? – прошептал мужчина, я с трудом повернулась к нему лицом.

– Знаю. – Кристиан глянул на меня, привычная ехидная усмешка нарисовалась на губах. В почти полной темноте, с этой озорной улыбкой, прищуренными глазами, растрепанными волосами, он выглядел так по-домашнему уютно, что не хотелось, чтобы когда-то эта ночь закончилась. Дикое желание поставить этот момент на паузу отдавало даже легкой грустью. Это всего лишь вечер пятницы, плавно перетекающей в субботу. Утром он уйдет, а в понедельник все снова станет, как раньше, оставляя нам только случайные встречи и страх, что о нас могут узнать. Но я пыталась не пускать эти мысли третьим лишним в постель, и Кристиан, кажется, делал тоже самое, почти шепотом рассказывая историю за историей, вызывая у меня смех, желание рассказывать о себе в ответ, чувствуя, как между нами происходило что-то особенное, хрупкое и бесконечно нежное. И я бы очень хотела, чтобы этот, сводящий с ума взгляд, так и дальше смотрел только на меня.

Мы говорили почти всю ночь, обсуждая детство, вспоминая забавные истории, например, как однажды Кристиан сломал нос, неудачно въехав на скейте в столб, или как я проходила с гипсом на руке, потому что решила, что картонные крылья смогут спустить меня с ограждения на веранде. а в какой-то момент мы просто уснули, все также обнимая друг друга.

И только утром я с трудом открыла глаза, от настойчивого звонка в дверь. Я подскочила на кровати, оглядываясь по сторонам и замечая спящего рядом Кристиана. О нет, нет, нет... сегодня суббота. Должно быть это сестра.

Глава 18

– Кристиан, – прошептала я, толкнув мужчину в плечо. Он неохотно раскрыл глаза, кажется, не сразу осознавая, где находился. И в этом я его отлично понимала, – не хотела тебя будить и выгонять, но все-таки придется, – и, не дождавшись ответа, я нашла привычную домашнюю пижаму, натянула ее прямо на голое тело.

Если не считать рубашки Кристиана, валяющейся на полу в гостиной, то, в принципе, все было довольно культурно. Хотя, кого я обманывала. Даже Вера в свои пятнадцать сможет сложить два плюс два. Да и потрепанный вид, который показался в отражении зеркала в коридоре, говорил красноречивее любых слов.

Я открыла дверь, замечая рассерженную, покрытую снегом сестру, отчего червячок стыда прокрался в мысли, укоризненно уколов.

– Ну наконец-то!

– Почему ты так рано? – спросила я, порывисто обнимая сестру, от которой буквально сквозило холодом.

– Рано? – переспросила Вера, сбрасывая полный комплект зимней верхней одежды на небольшую лавочку. – Ну, судя по твоему виду и тому, что я минут десять не могла до тебя докричаться, ты только проснулась, – она прищурилась, – почему ты так долго спала? – спросила сестра, вгоняя меня в

такую неловкость, что я даже не знала, что можно было ответить на такой вопрос. От ответа меня спасло, или наоборот, поставило в еще более сложную ситуацию, появление Кристиана, к счастью, одетого.

– А, понятно, – махнула рукой Вера, словно ей не требовались ни объяснения, ни знакомства. – Опустошу твой холодильник, – бросила сестра, тут же направившись на кухню. Возле Кристиана она остановилась, придирчиво оглядела с головы до ног, затем протянула руку, – Я Вера.

– Кристиан, – представился мужчина, затем аккуратно взяв маленькую руку в свою, по-джентльменски оставил легкий поцелуй на тыльной стороне ее ладони. Вера важно кивнула, направившись к холодильнику, но перед этим мельком взглянув на меня, одобрительно моргнув. Теперь она вряд ли слезет с меня в ожидании свежих новостей.

Я нервно поправила волосы, зачесав их на одну сторону. Ротчестер всего за несколько шагов оказался напротив, положив руки на талию и придвинув к себе.

Да, не таким я представляла себе знакомство с семьей. Если честно, я его вообще никаким не представляла, больше интересовали мысли, как оставить все это между нами. Конечно, сейчас очевидно, план провален. Но радовало, что сестра привыкла молчать о чужих секретах.

– Мисс Ротчестер, мой привычный режим благодаря вам страдает с каждым разом все сильнее, – прошептал мужчина с легкой усмешкой, затем оставил нежный поцелуй на лбу,

оставляя шутку только шуткой.

– Может, это знак, что стоит пересмотреть свои привычки? – усмехнулась я, понимая, что на самом деле не хотела бы, чтобы он это делал.

– Ты так считаешь? – серьезно спросил Кристиан, слегка наклонившись, чтобы заглянуть в глаза. Я отрицательно мотнула головой, отстраняясь от него, хоть и меньше всего хотела это делать. Хотелось провести весь день лежа в кровати, обнимаясь и разговаривая, и не только это, но приходилось смотреть на то, как он сначала надел пиджак, затем пальто, еще раз притянул меня к себе.

– Я позвоню вечером?

– Конечно, – кивнула я, оставляя легкий поцелуй на колючей щеке и закрывая за ним дверь, а потом возвращаясь на кухню к сестре.

Вера, болтая ногами в воздухе, сидела на высоком стуле, подъедая плитку шоколада с фундуком и запивая это чаем, щедро разбавленным сахаром, отчего у меня даже свело щеки.

– Не слипнется, – проговорила сестра раньше, чем я успела что-либо сказать. – Рассказывай.

– Что рассказывать? – да, самое время притвориться глупой.

– Кто это был?

– Да, так, – я потупила взгляд, включая чайник, – один знакомый.

– Знакомый, который выходил из твоей спальни? – подзревающий взгляд уперся в меня, сестра даже перестала жевать шоколад, ожидая моего ответа. Я опустила на стул напротив нее, спрятав лицо в ладонях.

– Выглядит неплохо, – как бы невзначай заметила она. – Не староват? – съехидничала Вера, заставляя посмотреть на нее. И теперь мой взгляд в точности повторял ее.

– Ладно, я расскажу, – начала я, – но об этом никто не должен знать. Ни мама, ни папа, ни твои подружки, ни мои.

– То есть приоритетность «особый доступ» и «особо секретно»? – в ответ я лишь кивнула, направившись за кофе. Вера протянула что-то вроде “вот это да”, одним разом допила чай и, сложив руки перед собой, словно я была на суде, приготовилась слушать.

– О нем никто не знает. Вообще никто, и знать не должен, – проговорила я, наливая горячую воду в кружку. Вера пристально наблюдала за каждым действием.

– Ты боишься, что его уведут?

– Что? – переспросила я, снова занимая место напротив сестры, – Конечно, нет. Дело не в этом.

– Мне каждое слово из тебя вытягивать?

– Ладно, – сдалась я, кажется, понимая, какая профессия подошла бы Вере с ее упертостью и навыком допроса. – Он мой преподаватель.

– Он? Преподаватель?! – воскликнула сестра, едва не подпрыгнув на месте. Вера подалась вперед, почти нависнув над

столом, отчего я почувствовала себя младшей сестрой. – Ты сошла с ума, Белла!

– Так меня зовет только мама!

– Вот и представь, что она скажет!

– Вообще-то я надеялась, что моя любимая младшая сестра будет молчать о том, что я только что ей рассказала, – проговорила я, подозрительно прищурившись и отпивая кофе. Вера тут же успокоилась, сев на место, по-деловому кивнула.

– Конечно, будет, но, Изи, это очень рискованно, – она покачала головой, – он, конечно, красавчик и все такое, но ты потеряешь намного большее, чем он, – я только кивнула, упирая взгляд в точку в пространстве. Вера больше ничего не говорила, уткнувшись в телефон, но больше слов и не нужно было. Моя младшая сестра оказалась умнее меня в несколько раз. Хотя я и понимала все то, что она сказала, и сама, но ничего не могла поделать. Мне нравился Кристиан, нравилось наше общение, даже то, что приходилось прятаться тоже. В какой-то извращенной, неправильной манере, но все же вызывало щемящее чувство единения. Никто не знал ни о томных поцелуях, ни о прошлой ночи, ни о том, что я чувствовала, и от этого хотелось еще сильнее прятать это от мира.

– Если ты не поторопишься, и не примешь душ, то мы очень скоро опоздаем, – проговорила сестра, на мгновение отрываясь от телефона. Я кивнула, допивая кофе и вспоминая, что обещала взять Веру с собой на тренировку к девоч-

кам. Хотя сейчас это казалось так себе затеей, но я знала, что она ничего не скажет. И мою уверенность сестра подтвердила.

***

Кэсс опаздывала, что было не совсем привычно, потому что из нас троих Кассандра единственная, кто не задерживался. Поэтому, встретив Лизу около раздевалки, я отправила Веру подождать на скамейке – она обычно просто наблюдала, а вот затащить ее на тренировку ни разу никому не удалось.

Я остановилась около шкафчика, который использовала каждый раз. Настроения танцевать не было. Хотелось вернуться во вчерашний вечер, и чтобы он как можно дольше не заканчивался. Но в реальности я стянула с себя свитер, оставаясь в спортивном топе. Лиз, как обычно, щебетала про что-то связанное с учебой и очередным очень интересным заданием, потом повернулась ко мне, тут же раскрыв зеленые глаза в полном удивлении.

– Изи! Это что такое?! – воскликнула девушка, почти ткнув в мое плечо пальцем. Я медленно опустила взгляд, уже зная, что там увижу. Самое время начать проклинать Ротчестера за оставленные синяки.

– Ударилась, – соврала я, натягивая топ с длинными рукавами. Лиза, усмехнувшись, уперла руки в бока.

– Я знаю, как выглядят засосы, Изи, – проговорила девушка, выжидательно выгнув бровь.

– Значит, плохо знаешь, на меня упала литровая банка шампуня в душе, – как убедительно! Просто ложь на высшем уровне, сразу все поверили. Особенно Лиза с ее привычкой оправдывать любое свое сомнительное действие девятиэтажными аргументами.

– Да-да, конечно, – она лже-мило улыбнулась, делая вид, что поверила. В этот же момент в раздевалку вошла Кэсс, оглядывая полураздетую меня и Лиз, застывшую с юбкой в руке. Картина достойная кисти художника, не иначе.

– Что происходит?

– Изи не признается, что с кем-то провела ночь!

– Что? – спросила Кассандра, подходя ближе и на ходу стаскивая куртку и черный шарф.

– У нее на плече засосы!

– Это синяки!

– Засосы!

– Девочки, вы меня с ума сведете, – застонала Кэсс, устало опускаясь на низкую скамейку.

– Рассказывай!

– И почему все сегодня хотят, чтобы я что-то рассказывала? Будто не близкие люди, а детективы какие-то. Я у вас что-то украла? – устало проворчала я.

– Это тот парень из спортзала? – продолжила она, вглядываясь в мои глаза. Кэсс заинтересованно подалась вперед,

наспех переодеваясь. Я зажмурилась, пытаюсь уйти от их вопросов, но все равно не знала, что сказать. Соврать? Сказать, что никого не было? Спихнуть на парня из зала? Ведь по факту лжи в этом не было. Кристиан и был этим самым парнем из спортзала.

– Ладно, ладно, – проговорила я, – хорошо, я была не одна, но говорить об этом не хочу. И пока вы не начали расспросы, напомним, что когда Лиза не хотела говорить о своем парне из кофейни, то никто вопросов не задавал, пока она сама не захотела. – я махнула рукой, показывая, что разговор закончен. Девочки понимающе кивнули, хоть и немного сникли под серьезным взглядом.

– Ты права, – проговорила Лиза, все же натягивая юбку, – извини, я не должна была. Я, правда, очень рада тому, что у тебя кто-то появился. Ты выглядишь счастливой, – она мягко улыбнулась, потом потянулась, чтобы обнять меня.

– Вы такие феерические дурочки, но я вас люблю, – проговорила Кэсс, обхватывая нас двоих.

***

Вечером Вера отказалась ехать домой, поэтому мне пришлось почти с боем отбивать у мамы право на еще один день в моей приятной и позитивно влияющей на нее компании. Насчет последнего я, конечно, приврала. Я, скорее, была примером того, как делать не нужно. И это не только из-за

спонтанного знакомства Веры и Кристиана. Не хотелось бы, чтобы у сестры жизнь совпадала по смыслу с фразой, состоящей полностью из нецензурных слов.

Я еще долго лежала, смотря в потолок, пытаюсь осмыслить все произошедшее за несколько недель. А ведь по факту все началось с какого-то глупого желания, от которого я даже хотела отказаться. Но все завершилось слишком странно, в итоге придя к этому. Можно ли было назвать то, что происходило с Кристианом отношениями? Да, я знала, что все-таки нам, наверное, нужно было обо всем этом поговорить, но разговаривать не хотелось. Вдруг это испортило бы эту легкую магию.

Словно по заказу, телефон под подушкой зажужжал, вырывая меня из мыслей. Я потянулась за ним, зажмурившись, пытаюсь разглядеть имя звонившего, которым оказался Кристиан.

– Надеюсь, я не нарушил ваш прекрасный сон, мисс Ротчестер, – почти сразу произнес он, а в голосе отчетливо слышалась улыбка.

– Я не могу уснуть, – призналась я, переворачиваясь на бок и чувствуя, как внутри разливается спокойствие.

– Я польщен, что ваши мысли раз за разом возвращаются ко мне.

– Ты слишком самоуверен, – фыркнула я, тихо рассмеявшись, боясь разбудить сестру, спящую в гостиной, – с чего ты взял, что я думаю о тебе?

– Так все-таки обо мне? – поинтересовался мужчина, но не дождался моего ответа, уже более серьезно заметив: – логично предположить, что ты думаешь о том, что твоя сестра теперь знает наш небольшой секрет, переживаешь, чтобы больше никто не узнал.

– Она никому не расскажет!

– Я говорил не об этом, Изи, – спокойно отозвался Кристиан на мой восклик. – Я понимаю, что у тебя очень много мыслей. Но оставь их, ладно?

– Сделать тяжелее, чем сказать, – заметила я, но почему-то после его слов стало легче. Хотелось верить в то, что у меня получится выбросить бессмысленные переживания из головы. Хотелось верить Кристиану, и тому, что все происходящее останется в секрете.

– Знаю, ложись спать, бестия, – в голосе снова послышалась улыбка, отчего тоже захотелось улыбнуться, поверить в то, что все переживания надуманы, выдуманы и вообще неосуществимы.

– Спокойной ночи, мистер Ротчестер. Пусть вам снятся только приличные сны.

– Не знаю, за что ты так жестока ко мне, – усмехнулся мужчина, – но я пожелаю тебе прекрасных, интересных снов, – я едва успела замолчать, чтобы не выпалить бесконечно тупое и слишком ванильное «за то, что ты не рядом».

– Ладно, я просто забыла поставить «не» перед «приличные».

– Да, так лучше, – согласился он, – встретимся завтра вечером?

– Конечно.

– Тогда до встречи, – мгновенно ответил мужчина, я попрощалась, сбросив вызов, почему-то после этого мгновенно засыпая.

Глава 19

Утро последнего выходного дня мы с Верой провели лениво потягивая кофе. Точнее, я – кофе, сестра – горячий шоколад, целая упаковка которого всегда пряталась на одной из полок моей кухни специально для нее.

Ближе к обеду мы решили прогуляться по городу, чтобы найти хоть немного рождественского настроения. Ни у Веры, ни у меня его особо не было, даже несмотря на заставленные декором комнаты, снег за окном и соответствующие фильмы.

Уже на выходе из квартиры пришло сообщение от Ротчестера, что-то вроде: «по воскресеньям в зале не хватает тебя». Вслед за ним прилетело еще одно: «И твоей прекрасной фигуры :)»

Это и смешило, и возмущало одновременно, добавляя к обычным мыслям воспоминания о той ночи. Пожалуй, после этого он вполне имел право на слова «прекрасная фигура». Но это пришлось отбросить в сторону, оставить мысли и Кристиана Ротчестера на вечер.

Район, в котором находилась моя квартира, считался довольно хорошим, поэтому в парке неподалеку поставили каток, на который сестра долгими уговорами и щенячьими глазками меня затащила. Я чувствовала себя самой настоящей коровой на льду целый час, пока Вера только и успевала

нарезать круги вокруг меня, катающейся около бортика. После катка с покрасневшими щеками и носом, мы опустились в небольшом кафе.

– Как твоя художественная школа? – спросила я, расслабленно откидываясь на диване со стаканом глинтвейна в руках. Вера пожала плечами.

– Нормально, мне нравится, – она почти полностью спряталась за кружкой с горячим шоколадом. – Ты приедешь на Рождество? – перевела тему сестра, делая вид, что ничего не произошло, – папа очень по тебе скучает.

– Наверное, приеду.

– Приезжай, мама обещала испечь твой любимый шоколадный торт, – голубые глаза заблестели, стирая появившуюся серьезность из-за вопроса о творчестве.

– Ты ведь знаешь, что можешь со всем со мной поделиться, да? – мягко спросила я, пытаясь не затрагивать расстраивающую ее тему, но при этом хоть немного поддержать. Вера молча кивнула, затем на какое-то время мы замолчали, молча, почти как утром, потягивая свои напитки.

– Если тебе не нравится какое-то дело, то ты просто бросишь и бросаешь его? – внезапно спросила сестра.

– Смотря, что это за дело и для чего оно мне нужно, – ответила я, понимая, в чем крылась причина подавленного настроения. – Бывает так, что любимое дело надоедает, уходит по интересам на второй план, но это не значит, что его нужно бросать. Иногда просто отдых многое решает. Я очень часто

хочу все бросить, потому что у меня не получается или получается хуже, чем я хотела, но это всего лишь один миг из многих. Любимое дело дает больше положительных эмоций, чем негативных. От любимого дела глаза горят, от идей рывается голова, это больше, чем просто дело, – Вера жадно впитывала каждое слово, что-то для себя понимая или, наоборот, не запоминая ни слова, лишь пропуская их мимо ушей. В ее возрасте вполне нормально быть настолько переменчивой и непостоянной натурой, и я понимала ее колебания насчет всех возникающих интересов, мнений и стиля в одежде. Она искала себя, и это было прекрасно.

Вера так ничего и не ответила по этому поводу, переводя тему на более спокойную и безопасную, рассказывая, как она, мама и папа украшали дом к Рождеству, переругиваясь друг с другом, в попытках развесить елочные игрушки в правильном порядке, а потом поделить декор по комнатам, и этим окуная меня в воспоминания. Точно такие же, какие сейчас рисовались у сестры. С теми же словами, моментами, шутивными ссорами и огромным теплом и уютом, который можно найти только дома.

Вечером я проводила сестру до такси, взяв с нее обещание позвонить, когда доберется, и попутно с этим набрав номер мамы, чтобы предупредить.

После почти целого дня, проведенного на улице, квартира показалась самым лучшим местом на земле. Кажется, впервые за долгое время, я очутилась в полной тишине. На фо-

не не играли фильмы, не слышалась музыка, никто не разговаривал. Я даже забыла, как это жить одной. За последние несколько недель вокруг происходило столько событий, переживаний, что я не успевала просто выдохнуть. И сейчас, стоя посреди коридора, все это обрушилось как-то разом, огромным куском осознания, насколько сильно меня закружил водоворот событий, и почему-то это казалось только вершиной айсберга, самым началом.

***

Звонок в дверь заставил подпрыгнуть на месте от неожиданности. Я сползла с дивана, кажется, заснув за просмотром ленты в телефоне. В квартире царила полная темнота, разбавляющаяся только светом фонарей, едва достающих до этого этажа и белой гирляндой на окне в кухне.

В коридоре, я включила небольшой светильник, открыла дверь, замечая на пороге Ротчестера в привычном черном пальто, поверх классического костюма. Мужчина пристально осмотрел меня, удивленно вскинул брови.

– Ты еще не готова? – спросил Кристиан, я отрицательно покачала головой, открыв дверь пошире и впуская его.

– Вера решила взять от выходного все, так что я немного уснула, – проговорила я, давя в себе желание зевнуть, – Выпьем кофе?

– Если ты устала, то можем остаться здесь, – предложил

Кристиан, скинув пальто, а затем поймав меня за запястье, заключил в кокон теплых объятий, – я соскучился, – прошептал мужчина, отчего рой бабочек поднялся откуда-то со дна, мгновенно расправляя крылья и устремляясь разлететься повсюду. Кристиан оставил легкий поцелуй на моей макушке, как-то по-домашнему мило.

– Нет-нет, я сделаю кофе, оденусь и можем идти, – прошептала я, вопреки своим словам еще сильнее зарываясь носом в его рубашку. Слишком спокойно и хорошо было стоять вот так посреди коридора, в теплых объятиях, в тишине, слушать размеренное биение его сердца, которое даже успокаивало.

– Давай я сделаю кофе, а ты пока переоденешься? Или можем зайти в кофейню за углом, – предложил мужчина, немного отстраняясь.

– Зайдем в кофейню, – прошептала я, заглянув в его глаза и потянувшись за поцелуем. Кристиан слегка склонился вниз, нежно сплетая наши губы. Затем я легко вывернулась из крепких объятий, направившись в сторону спальни. Но так и не дойдя до шкафа, я выглянула из-за двери, остановив взгляд на мужчине, ожидающему на диване. Иногда меня удивляла его привычка почти всегда ходить при полном параде в костюме, а потом вспоминала свой гардероб, где не было ни одной вещи «просто выбросить мусор», и это понимание легко появлялось, заставляя только с еще большим наслаждением наблюдать за ним, осознавать, что он сидит в

моей гостиной, а еще ночь назад находился в моей кровати, буквально заставляя меня раз за разом испытывать удовольствие.

Кристиан, словно почувствовав мой взгляд, повернулся, вопросительно изогнув бровь.

– Может быть, кофе и улица немного подождут? – кокетливо спросила я, отчего уголок губ мужчины пополз вверх, рисуя ухмылку.

– Подождут, – его голос стал вкрадчивым, каким-то тихим, забирающимся под кожу острыми иголками, остающимися там на долгое время и тыкающими бабочек, которые и просто так рады летать, сводя с ума меня.

Я шагнула вперед, Кристиан поднялся с дивана, не отводя взгляда. Еще несколько шагов, и вот я стояла прямо перед ним, запрокинув голову, чтобы видеть эмоции, мелькающие на его лице. Усмешка пропала, оставляя лишь серьезность. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, изучая, запоминая каждый отблеск света в глазах, каждую веснушку. И эту идиллию даже не хотелось разрушать. Казалось, что между нами происходило снова что-то едва заметное, но абсолютно точно важное.

А затем пальцы Кристиана коснулись моей ладони, переплетая руки в замок, и это было так естественно, так легко, что на долю секунды дыхание перехватило, словно весь кислород в мире выключили, а затем вернули.

Я привстала на носочки, вторая ладонь мужчины скольз-

нула на мою шею, придерживая, а затем целуя и вместе с этим стирая всю осторожность, изучение и нежность, оставляя лишь неумное случайное желание.

Кристиан опустился на диван, устроив меня сверху на коленях. Ладони пробежались по бедрам, останавливаясь на ягодицах, слегка сжав, поднялись выше, цепляя ткань пижамного топа и медленно задирая вверх, оголяя грудь, а затем и вовсе избавляя от этого предмета одежды.

Все это время он смотрел мне в глаза, ни разу не опустив взгляд ниже, но это было откровеннее, чем если бы Кристиан рассматривал меня под микроскопом. От него хотелось сжаться, прикрыться, будто сейчас мужчина смотрел в самую душу. И лишь после того, как я уткнулась взглядом в пуговицы на его рубашке, Кристиан позволил себе скользнуть глазами вниз, обводя черты лица, ключицы, словно выжигая карандашный набросок этими действиями, остановился на уровне груди, затем снова вернулся к лицу, потянулся вперед и, сместив ладони на бедра, поцеловал, словно в доказательство того, что то, что он увидел, ему понравилось.

Грудь терлась о ткань его рубашки, усиливая возбуждение, томившееся, казалось, в каждой клеточке тела. Я потерзала, пытаюсь устроиться удобнее, Кристиан легко остановил мои попытки, приподняв, пересадил на диван, стянув домашние штаны, оставляя меня в одном белье, а затем возвращая к себе на колени.

Я принялась расстегивать пуговицы на его рубашке, ино-

гда почти случайно приподнимаясь и опускаясь, вызывая тяжелые вздохи мужчины и полный желаний взгляд. Но каждое мое действие не приносило желаемого удовольствия, только усиливало его.

Когда пальцы также медленно добрались до пуговицы на брюках, Кристиан перехватил мои запястья одной рукой, второй почти в одно движение расстегнул молнию, и только потом возвращая мне свободу.

Я стянула одежду немного вниз, Кристиан сдвинул кружево моего белья в сторону, прошелся пальцами сверху-вниз, лишь сильнее распаяя, дразня. Бедра двинулись навстречу, жалобный стон едва не сорвался с губ.

Ладонь уперлась в плечо мужчины, я чуть привстала, а затем, помогая себе, плавно опустилась вниз, параллельно с этим целуя Кристиана и слегка прикусывая нижнюю губу.

Хватка на бедрах стала сильнее, помогая приподниматься и опускаться, заставляя еле ощутимую прохладу бегать по телу, разнося удовольствие. Это стоило того, чтобы дразнить, мучительно медленно будто играть друг с другом, доводя до исступления и желания забирать свое, как сейчас: в рваных поцелуях, полугромких столах, наслаждении, накрывающим с головой, нежных укусах, от которых оставались отметины, словно печати принадлежности друг другу. Это сводило с ума, а затем снова возвращало ясный ум.

***

Я забралась с ногами на диван, устроив голову на животе Кристиана. Его пальцы ласково перебирали волосы и, кажется, больше мы никуда не спешили, никуда не собирались. Усталость, словно теплый плед, укрыла плечи, пригвождая к месту и не давая сил, чтобы подняться.

Холодок пробежал по обнаженной коже, вызывая мурашки, но все та же усталость не отпускала даже в душ. Хотелось просто прикрыть глаза, провалиться в сон, и чтобы завтра был не понедельник, в котором мы снова не будем друг друга знать, а еще один день, когда можно быть собой.

Я повернулась, заставляя Кристиана убрать ладонь от моих волос, мужчина глянул вниз, неожиданно мягко улыбаясь.

– Останешься у меня? – почти шепотом спросила я.

– Конечно, – не задумываясь, ответил он, продолжив перебирать пряди рыжих кудрей. Я легла обратно, позволяя нам еще немного времени без прятков и страха, что все закончится.

Глава 20

Лиза, по обыкновению много говорила, пытаясь разбавить утреннюю скуку между лекциями. Кэсс едва слушала, разглядывая снующих туда-сюда по коридору студентов и преподавателей. А я старалась делать вид, что сегодня утром Ротчестер, про которого снова завела разговор подруга, не пил кофе на моей кухне в расстегнутой черной рубашке, а потом не целовал меня слишком долго перед уходом к себе, оставляя в мыслях только одно желание остаться дома, плюнув на все договоренности, обязанности и так далее. Но ни он, ни я не могли себе этого позволить, поэтому после того, как дверь за Кристианом захлопнулась, я в полной тишине допила свой кофе, оделась, написала девочкам и вышла из квартиры, погрузившись в свои мысли.

И вот теперь, прямо перед лекцией Монро, Лиз вновь решила обсудить слухи про нее и Ротчестера, и хоть я знала, что между ними ничего не было, приходилось участвовать в этом разговоре. И это ощущалось просто отвратительно, потому что приходилось врать подругам, прикрываться другим человеком, поддерживать сплетни. Это выматывало, но не сказала бы, что это того не стоило.

– Это все бред, – неожиданно вклинилась Кассандра, – я недавно видела Монро в компании какого-то мужчины.

– Может быть, это брат, – предположила Лиза, пожав пле-

чами.

– Не думаю, что тот поцелуй мог быть братским, – рассмеялась она, заставляя Лизу покраснеть.

– Это глупо, – усмехнулась я, покачав головой.

– Согласен с мисс Ротчестер, теперь понятно, благодаря кому моя личная жизнь все еще жива, – я едва не подпрыгнула от испуга, когда за спиной раздался голос Кристиана. Лиза и Кэсс в удивлении раскрыли глаза, брови полетели вверх, а улыбки сразу же пропали с лиц, оставляя только серую бледность.

– Можно вас на минуту, Ротчестер? – спросил мужчина, потеряв интерес к моим подругам. Я развернулась, едва не воткнувшись в грудь Кристиана, который стоял почему-то слишком близко. Подруги тихо ойкнули, будто их собирались отчитать.

– Да, – пискнула я, пытаясь не улыбаться из-за его внешнего вида: все та же черная рубашка, помятая в некоторых местах, рукава закатаны до локтей, взъерошенные волосы и очки, превращали его из просто красивого препода в охрененно красивого препода.

Кристиан качнул головой, призывая следовать за ним. Я оглянулась на подруг, под их молчание двинулась за мужчиной. Ротчестер свернул в другой коридор, остановился около одной из многочисленных дверей, огляделся, затем открыл дверь, пропуская меня вперед.

Это оказался один из кабинетов кафедры, сейчас пустую-

щий. Я вошла внутрь, осматривая тесно заставленное столами, шкафами со стеклянными дверцами, помещение. Кристиан с тихим щелчком закрыл дверь, вынуждая повернуться. И, как только я повернулась, мужчина обхватил мое лицо ладонями, смял губы в быстром поцелуе, заставляя сначала растеряться от неожиданности, а затем ответить, переплетая языки и сбивая дыхание.

– Не смог удержаться, – прошептал Кристиан, все еще оставляя между нашими лицами несколько сантиметров. И вот мы снова играли с огнем. Прямо посреди рабочего дня, в кабинете кафедры, куда в любой момент могли войти преподаватели, даже не постучавшись. Но вопреки здравому смыслу, губы снова потянулись друг к другу, невесомо, нежно касаясь и запуская приятную дрожь по телу.

– Сюда же может кто-то войти?! – прошептала я, оторвавшись от поцелуя.

– Может, – подтвердил Кристиан, но вместо того, что отойти на безопасное расстояние, снова меня поцеловал.

– Тогда нам нужно перестать это делать.

– Определенно, – тихо согласился мужчина, все еще не отстраняясь.

– Разве не странно, что я торчу здесь уже столько времени?

– Не думаю, – улыбнулась Кристиан, заключая меня в кокон теплых объятий.

– А по-моему, да, – рассмеялась я, коснувшись щеки, по-

крытой легкой щетиной.

– Тогда ладно, пусть твои подружки думают, что ты где-то очень сильно накосячила.

– Натурой отработать можно?

– Заманчивое предложение, склонен согласиться.

– Так вот вы какой, мистер Ротчестер, – я уткнулась в его грудь, едва сдержав громкий смех.

– Еще какой, – ладонь Кристиана медленно заскользила вниз по спине, останавливаясь ниже талии, – Вам очень идет это платье, юная леди, – проговорил мужчина, заставляя мои щеки стремительно краснеть, потому что сейчас на мне надето то самое платье, которое так беззастенчиво было задрано в архиве.

Я собиралась ответить что-нибудь язвительное, но тут за дверью послышался быстрый перестук каблуков, заставляя нас отпрыгнуть друг от друга. Кристиан остановился около стола, принявшись записывать что-то в блокноте, я поправила волосы, наблюдая за тем, как на бумаге появлялись неровные буквы.

Дверь открылась, впуская Милли Монро. Если это какая-то шутка от вселенной, то она оказалась жутко не смешной.

– Добрый день, – поздоровалась я первой, вспоминая, что уже на десять минут опаздывала на ее лекцию. Удивительно, что и она сама задерживалась.

– Еще утро, – усмехнулась женщина, – Вы разве не долж-

ны быть в аудитории? – спросила она.

– Я попросил мисс Ротчестер задержаться, – влез Кристиан, затем вырвал лист из блокнота, протянув его мне. Монро не ответила, тихо цокнув языком. – Я надеюсь, что Стенелли найдет вашу работу, но если нет, нужно выполнить новую, – серьезно заметил мужчина, отчего я почти в то, что мне придется этим заниматься.

– Спасибо, – я только кивнула в ответ и, глянув на Монро, вышла из кабинета, оставляя там весь страх и ужас, что мне только что пришлось почувствовать. Это было слишком рискованно, за пределами глупо и безмозгло, но мне понравилось.

Только около дверей нужной аудитории я вспомнила про записку, которую все еще держала в руках. Взгляд мгновенно опустился вниз, пальцы раскрыли сложенный вдвое лист в клеточку *“все же хочу провести с тобой вечер, пока на улице такая чудесная атмосфера. Знаю, ты любишь зиму. Встретимся после лекций?”*

Радостная улыбка сама нарисовалась на губах, согревая и сердце, как бы банально это не звучало. Я достала телефон из сумки, быстро напечатав короткое “да”, а затем меня догнали звонкие шаги Милли Монро, которые ни с кем не спутаешь.

***

Ожидание вечера казалось пыткой. Я постоянно смотрела на время, проверяя телефон, иногда думая, что сошла с

ума. Это было странно, непривычно, непонятно. Мне одновременно хотелось чувствовать все то, что жило во мне, и вместе с этим хотелось выключить.

После лекций пришло сообщение “жду в машине”, я спешно попрощалась с девочками, буквально вылетев из университета и, оглядываясь по сторонам, свернула на соседнюю улицу, чтобы затем нырнуть в машину. После этого к моему сумасшествию добавились еще и навыки ниндзя.

Кристиан мягко улыбнулся, по привычке потянувшись меня поцеловать, вместе с этим порождая вопрос, когда все-таки это стало привычным? Когда наши встречи стали ожидаемы? Когда урывки тех касаний и разговор среди дня стали такими ценными и важными? И когда сердце стало учащенно биться от одного взгляда? Это случилось так неожиданно, словно ты всю жизнь ждал рождественского чуда, но из года в год его не происходило, и вот, когда ты уже ничего и не ждал, оно произошло.

Мы молчали большую часть дороги, отправившись каждый в свои мысли. Не знаю, о чем думал Кристиан, но эта тишина не была тяжелой, мне было спокойно просто находиться рядом, следить за промелькивающим пейзажем за окном, на который я уже столько раз смотрела. А потом Кристиан остановился в нескольких кварталах до нашей улицы, заглушил машину. Я недоуменно повернулась к нему.

– Приехали, – проговорил мужчина, и пока я соображала, обошел машину, открыв для меня дверь.

– В тебе проснулся джентльмен? – спросила я, вкладывая в его ладонь свою.

– Тут скользко, – ответил он, потянув меня в сторону дворов. Конечно, я узнала это место. Парк, в который я привела его после случайно услышанной ссоры. Парк, в котором мы первый раз поцеловались.

– Почему ты тогда привела меня сюда? – спросил Кристиан, когда мы остановились около арочных ворот. Я пожала плечами, оглядываясь по сторонам.

– Тебе это было нужно, а здесь красиво и тихо.

– И это не потому, что это твое любимое место? – я отвела взгляд, внезапно смутившись. Да, я любила здесь гулять, и Кристиан знал это, потому что я сама об этом говорила, но такая постановка вопроса немного смущала.

– К чему эти вопросы?

– Не знаю, мне здесь понравилось, – пожал плечами мужчина.

– И это не потому, что мы здесь поцеловались? – подловила я, вызывая общий смех.

– Не поэтому, – отозвался Кристиан, – точнее, не только поэтому, – поправил он, а затем резко рухнул в снег, принявшись делать снежного ангела. – Не хочешь присоединиться? Хотя нет, ты в платье. Я сделаю за тебя, – он рассмеялся, глядя на мое растерянное лицо. Этот переход от серьезности до почти детской беззаботности был такой неожиданный, что я просто не успевала переключаться, но зимой, особенно при

виде снега, мы часто ведем себя как дети.

Я упала рядом, повторяя его движения, а потом мы почти одновременно замерли, вглядываясь в темное небо, по которому лениво бежали густые молочные облака, и словно декорации к фильму, сначала несколько маленьких снежинок блеснуло в свете желтых фонарей, затем их становилось больше, они увеличивались в размерах, но при этом холода совсем не чувствовалось. То ли мы вконец обезумели, то ли здесь было слишком хорошо, чтобы это было реальностью. Может быть, я все это время просто спала?

– Знаешь, иногда человеку нужен человек, – проговорила я, – тогда тебе он был нужен, и я оказалась рядом. Мне не было дело до твоих личных отношений с кем бы то ни было, иногда просто молчаливое нахождение рядом тоже помогает, – я замолчала, даже не зная те ли это слова, которые я хотела сказать. Кристиан не ответил, но почему-то это было и не важным.

А затем из кофейни неподалеку разлилась спокойная музыка, затапливая все пространство вокруг, делая атмосферу еще более сказочной, еще более нереальной и какой-то книжной, словно всю эту историю просто взяли и напечатали.

– Изи, – тихо позвал Кристиан.

– Да?

– Хочешь потанцевать? – спросил мужчина, я повернула голову, замечая на себе внимательный взгляд, от которого

снова пробрало мурашками.

– Хочу, – отозвалась я. Кристиан поднялся, затем подал мне руку, заботливо отряхнул от снега спину и, нежно пригнув к себе, закружил в неспешном танце. Этот момент точно стоил того, чтобы ждать вечера, скрываться, чувствовать себя больной на голову. Тепло разливалось в самой душе, даря невесомое, невозможное чувство, которое придавало сил двигаться, возрождало желание касаться, безмолвно смотреть друг другу в глаза и чувствовать это искрящееся волшебство, заставляющее верить и в любовь, и в чудо и в неслучайные случайности.

Глава 21

Уже несколько недель настроение по утрам было лучше обычного, зеленые смузи, отвратительные на вкус, пились как-то немного радостно, две чашки кофе после – еще лучше, словно на этом топливе я существовал. Даже дополнительные часы под боком отца не так сильно напрягали. И, конечно, в этом была заслуга одной прекрасной девушки, которая скрашивала привычные дни, и почему-то позволяла чувствовать себя еще более живым. Это было так непривычно, что иногда я ловил мысли, что чувствовал себя лет на десять моложе, а во время рутинной работы: проверке текстов или расписания, воспоминания показывались, словно калейдоскоп, заставляя отсчитывать время до возможной встречи, тянуться к телефону, чтобы проверить время и порываться написать какое-нибудь невыносимо пошлое и милое сообщение. Но каждый раз я останавливался, чувствуя себя влюбленным идиотом.

И очередная проверка документации по прошедшей недавно конференции, заботливо скинутая на меня отцом, даже без комментариев о том, что я уехал немного раньше, чем требовалось, не была исключением. Почему-то сознание заботливо устроило прогулку по воспоминаниям, подсовывая первый раз, когда я увидел Изабеллу за окнами спортзала в смешной шапке с ушами и оленьими рогами и рожде-

ственском свитере, и как ее смущение от дурацкого поведения быстро сменилось уверенностью. и даже наглостью. Да, даже моя ушибленная нога того стояла.

Я снова ощущал себя полнейшим идиотом, который просто улыбается без повода и хочет всех вокруг видеть счастливыми. Я не хотел и не просил никаких отношений, у меня не было желания чувствовать эту теплоту и нежность, особенно перед праздниками, в которые человек и так ощущает себя более одиноким, чем обычно, но это произошло. Случайно, не спрашивая, буквально выломав дверь моей привычной жизни с ноги. Даже просыпаясь в постели Изи, а не в своей, я не чувствовал привычного раздражения из-за того, что рядом не оказывалось моей кухни, ванной, тапочек с принтом акул. Вместо этого хотелось лишь прижать ее к себе и провести весь день в кровати.

Я снял очки, пряча лицо в ладонях. О боги, я точно сошел с ума.

– Много работы? – в мысли ворвался голос, который я бы хотел слышать самым последним из всех голосов в мире. Милли Монро легко приземлилась на край стола, как делала очень часто, считая, что так выглядела более привлекательно.

Я поднял взгляд, рассматривая острые черты лица, искаженные усмешкой.

– Да, разбираю конференцию, на которую ты отказалась ехать, – проговорил я, возвращая очки на место.

– И это не из-за той рыжей студенточки? – она еще сильнее ухмыльнулась, складывая руки на груди. Я нахмурился, чувствуя, как сердце запнулось, а затем застучало с удвоенной силой.

– Что?

– Видела вас вчера тут недалеко, – как бы невзначай заметила женщина, – в немного неформальной обстановке, – добавила она, поправив волосы одним движением головы. Я расслабленно откинулся на спинку стула, хотя внутри все кипело от желания ее придушить, а потом спрятать Изи.

– Вчера вечером я разбирал всю ту же документацию дома, Милли, – проговорил я, – не знаю, что ты там себе придумала, но желание привлечь мое внимание уже перешло все границы. К тому же, я слышал, что у тебя новый ухажер, – я поднялся, нависая над ней, Милли положила ладонь на мою грудь, легко отталкивая, сохраняя безопасное расстояние.

– Мне не нужно привлекать твое внимание, эта история стара, как мир, ты был прав, – ответила она, отдернув руку, – я просто предупредила, – она пожала плечами, слезая со стола. – Если заметила я, то могут заметить и другие.

– Ты могла ошибиться, перепутать. Напомнить минус твоих линз? – Милли отрицательно качнула головой.

– Вряд ли есть еще один Кристиан Ротчестер, на твоей машине, живущий в районе, в котором живешь ты, – усмехнулась она, – Просто подумай, что будет, если эта информация дойдет до твоего отца.

– Шантажируешь тем, чего нет? – я лишь рассмеялся, с нескрываемой иронией глядя на нее. Милли опустила взгляд в пол, пряча мелькнувшее там удивление.

– Я не хочу уничтожить будущее девочки, Кристиан, она ни в чем не виновата, просто подумай об этом. Я не такая, какой ты меня видишь, – тихо проговорила женщина, так, что в ее голосе мне даже послышалась горечь.

И какого-то черта в ее словах была правда. И если она знала об этом, то никакой тайны уже просто не существовало. Тем более здесь, где даже стены впитывали каждое слово, чтобы потом создать миллион проблем.

Милли, не оборачиваясь, покинула кабинет, оставляя меня в полной тишине и одиночестве. Ворох мыслей тут же накинудся сверху, заставляя отключать мозг и действовать по импульсу, но вместо того, чтобы пойти уволиться, забрать Ротчестер и спрятать ее ото всех, я вернулся в кресло, шумно выдохнул, понимая, что есть одно верное решение, которое обезопасит ее в первую очередь, потому что быть более скрытными и незаметными уже просто не получится, потому что доверять способности Монро хранить тайны я не мог. Как и самой Милли.

***

Утро выдалось обычным, таким же, как миллион других, правда, в этот раз все-таки было одно отличие – воспомина-

ния. В голове все кружился вчерашний вечер, раз за разом рисуя произвольную улыбку на губах. Теперь я чувствовала себя не просто сумасшедшей, а влюбленной дурочкой из какого-то рождественского фильма, в котором происходит много всего непонятного, а затем случается чудо и все хорошо. Не знаю, случилось ли мое чудо или нет, хотелось бы верить, что плохого не произойдет, но это ведь жизнь, а она бывала разной, и это нормально. Хотя, признаться честно, мне бы хотелось оставить все так, как есть.

И повинуюсь своему желанию, по пути в университет я зашла за кофе, взяв привычный латте с карамелью, затем за несколько минут до начала занятий входя в здание и встречаясь с девочками.

Лиза, почувствовав, что никто не собирается ее ни ругать, ни осуждать за новые отношения, теперь почти не затыкалась, рассказывая о новом молодом человеке, его профессии, целях на нее и будущее. Она буквально искрилась от счастья, и это непременно радовало и меня, и Кэсс, которая в свою очередь ругала двух старших братьев за чрезмерную опеку и постоянное отпугивание интересующих ее парней. Одна из историй ее отношений закончилась в Хэллоуин, когда старший из братьев, изрядно набравшийся, в красках описал процедуру того, как правильно избавить мужчину от одного важного органа. После этого молодой человек, с которым Кассандра встречалась от силы пару недель, исчез, пожелав девушке найти кого-нибудь более подходящего. Кэсс

не растерялась, едва не проведя эту самую операцию на заботливом братце. Это были лучшие истории, которые я когда-либо слышала из семейной жизни подруг. Вот уже три года мы тесно общались, и за это время даже ни одна нелепая история из моей жизни, не опередила эту.

Ротчестер не отвечал с самого утра, не сказать, что меня это как-то тревожило или волновало, потому что обычно мы не очень часто переписывались или созванивались, все-таки чаще виделись вживую. Но если и общались таким способом, то ответ приходил довольно быстро. Возможно, я просто накручивала, пытаясь еще раз поймать то волшебное ощущение нереальности. Возможно, он просто был занят на другой кафедре, конференции или еще куче других вариантов, и это было нормально, поэтому я об этом довольно быстро забыла, возвращая внимание на девочек, а потом на лекции.

Вечером от него все также не было ни сообщения, ни звонка, за весь день я ни разу не увидела его в коридоре университета. Это казалось странным, я несколько раз пыталась ему позвонить, но все две попытки оказались безуспешными – я не привыкла навязываться и без конца тревожить человека, это было не совсем этично.

Ответ на вопрос, куда же пропал Ротчестер, неожиданно пришел вечером. Я как раз готовила ужин, когда раздался звонок в дверь.

– Привет, – поздоровалась я, открывая дверь, чтобы впустить стоящего там Кристиана. Но мужчина поднял руку в

останавливающим жесте, отчего нехорошее предчувствие за-
кралось в мысли, оставаясь там и находя подтверждение в
слишком мрачном взгляде мужчины, отсутствии привычной
улыбки и нежелании зайти. В одно мгновение что-то слома-
лось, забрав с собой все хорошие события, окрасив их в чер-
ный. И мне так хотелось, чтобы именно сейчас это оказалось
просто моей тревожностью.

– Что-то случилось? – все же выдавила я из себя, давя под-
бирающиеся слезы и стараясь не отводить взгляд.

– Нам нужно прекратить все, что между нами есть, Изи, –
проговорил мужчина почти шепотом.

– Мне стоит спрашивать о причине?

– Ты сама знаешь, что так нельзя, – покачал головой он,
опустив взгляд в пол. Я выпрямилась, вопреки желанию рас-
плакаться и попросить его сказать, что это все шутка. Но я
знала, что больше не могу дать увидеть ему ни то, насколько
мне больно, ни то, как сильно хотела, чтобы это все оказа-
лось дурным сном.

– Я тебя слышала, – Кристиан кивнул, тут же развернув-
шись, чтобы уйти. Я сделала шаг назад, скрываясь в темно-
те коридора и смотря на спину Кристиана. Он, словно сно-
ва почувствовав мой взгляд, повернул голову, так, чтобы не
видеть меня, но чтобы его слова были услышаны.

– Спасибо, Изи, – проговорил он, а я, чувствуя, что слезы
уже не сдержать, захлопнула дверь, опустилась на скамейку
прихожей и дала волю эмоциям, вместе с которыми приле-

тел ворох вопросов. Правда, почти на все из них вариантов ответа было три. Вероятно, кто-то узнал о наших отношениях. Вероятно, теперь мое будущее висело над пропастью на веревке без мыла. А вероятно, ему ничего из происходящего между нами и вовсе было не нужно.

И почему-то в третий вариант верилось меньше всего. Или в него просто не хотелось верить. Но никогда до этого я бы не поверила в то, что почти трехнедельное знакомство могло вырвать такой пласт эмоций из груди. Это казалось невероятно тупым, глупым, заставляло злиться на саму себя. Я ведь знала, чем это могло закончиться, знала о возможных последствиях, но все равно влезла в эти «отношения». Позволила какой-то симпатии встать выше разума, выше планов и целей на будущее, и от этого было еще сложнее. Эти эмоции не оправдали риска. Эти эмоции не стоили того, чтобы рыдать из-за них в коридоре в темноте под звук тикающего таймера духовки. Они того не стоили, но я все равно плакала, веря, что слезы нельзя держать в себе.

Таймер прозвенел, застав меня все также сидящей в коридоре, я утерла мокрые щеки, шмыгнула носом, думая, что Кристиан Ротчестер, хоть и был чертовски хорош, все равно не заслуживал моих слез и той боли, которая ощущалась в душе, расколов бывшее волшебство на что-то темное и неприятное. Хотелось стереть воспоминания, убрать их, избавиться саму себя от этого, не думать о том, что придется видеть его каждый день в университете, прийти к нему на экзамен и

постоянно сталкиваться во дворе и спортзале. Я знала, что справляюсь, но это все равно казалось сложной задачей.

Я поднялась со скамьи, вошла на кухню, запихнула в себя тарелку запеченной картошки, даже не чувствуя вкуса и без особого желания, потом сходила в душ, просто-напросто смывая свои эмоции и весь этот день к черту, где этому все-му и место. И ложась в кровать, я уже не плакала. Произошло и произошло. У меня были бывшие парни, я уходила из отношений, от меня уходили, и раз за разом я переживала это. Бесспорно, ни с кем не ощущалось такого безумства, но рано или поздно все проходит, и это пройдет.

Глава 22

Сложнее всего было объяснить девочкам причину моего отсутствия сегодня на занятиях. Но, открыв глаза утром, именно открыв глаза, а не проснувшись, сил, чтобы подняться из кровати я не нашла. И даже настрой на “забить и забыть” не помогал. Настроение было скверным, а от представления, что я буду сидеть на лекциях Ротчестера, слушать его голос, смотреть на него, ловить случайные взгляды. Все это было слишком.

Бегать, пытаясь выяснить реальную причину произошедшего не было никакого желания, как и видеть его, говорить с ним или о нем. И даже думать не хотелось, но почему-то думалось. Мысли, мысли, мысли, а за ними еще и еще. И жаль, что плохое самочувствие, в которое поверили Лиза и Кэсс, было выдуманным, потому что оно бы точно смыло ненужные мысли о Ротчестере и все прочие из моей головы.

Я накрылась одеялом с головой, почти как в детстве, надеясь, что оно скроет меня от всех ужасов и кошмаров. Телефон валялся выключенным где-то на другом конце квартиры, настроения лазить по нему тоже не нашлось. Это действие казалось чем-то вроде пластыря на открытый перелом – просто, чтобы было, но по факту бесполезно.

Так что я просто дала себе день на то, чтобы смотреть в потолок, спать и проклипать все то, что я чувствовала. Было

даже немного глупо расстраиваться из-за какой-то недолгой интрижки, о которой через пару лет я даже и не вспомню, но игнорировать свои эмоции тоже не выход. Рано или поздно они бы догнали меня, ударив по голове, словно грабитель в подворотне. Я не хотела становиться бесчувственной, безэмоциональной и закрытой, мне нравилось то, как я видела мир, и я знала, что одно расставание – не конец жизни. Разумеется, ни о какой любви не шло речи. Он мне нравился, даже очень. С ним все казалось легким, красивым, свободным, но какая любовь могла появиться за пару недель? Правильно, никакой. Это просто симпатия и разбитое ожидание чего-то хорошего.

Конечно, меня огорчало, что все это происходило прямо перед праздниками, убивая и так еще не появившееся настроение и забирая решимость на то, чтобы провести праздничный день с семьей. Три дня до Рождества. Всего три дня, за которые я должна привести себя в порядок, при этом ходить в университет и делать вид, что все хорошо.

Я была готова к этой роли, но вместе с этим пыталась оттянуть действия. Наверное, поэтому следующим утром после прозвеневшего будильника я долго лежала в кровати, просто смотря в потолок, затем, теряя время, перемешивала кофе в кружке, ударяя о стенки посуды громче обычного, потом искала одежду, наткнувшись на то платье. Первым порывом было отбросить кусок ткани в сторону и больше никогда не надевать, но в итоге оно оказалось самым подходящим, по-

этому я спешно натянула его, завязала волосы в низкий хвост и, схватив сумку, к которой не притрагивалась уже несколько дней, вышла из квартиры. В этот раз игнорируя по дороге кофейню, падающий снег, волшебную атмосферу вокруг и тишину. Я прошла по привычному маршруту, который еще никогда не виделся таким обыденным и скучным. А потом я поднялась по ступенькам к главному входу в свой корпус, сбрасывая с себя небольшую апатию и замкнутость. Моя жизнь все еще была важнее.

Лиза и Кэсс подозрительно переглянулись при виде меня, но ничего не сказали. Наверное, что-то начали подозревать, потому что мой внешний вид говорил сам за себя: лицо утром в зеркале было опухшим, глаза покраснели и, хоть еле заметные синяки я старательно замазала, не сложно сложить два плюс два, чтобы все понять. Но я была благодарна подругам за то, что они не давили.

Блондинка выдавала новости вчерашнего дня, изредка поглядывая в мою сторону, словно сдерживая порыв начать расспросы. Я примерно понимала, насколько тяжело было такой любопытной особе держаться, но все же делала вид, что ничего не замечала.

Мы вошли в аудиторию за несколько минут до лекции, сразу занимая самые последние места. Сумка с гулким стуком опустилась на деревянную поверхность, я запустила туда руку в поиске привычного блокнота «на все случаи жизни», но вместо него пальцы нащупали свернутый лист бумаги. Я

вытащила его из сумки, понимая кому он принадлежал.

Бумага в клеточку все еще хранила запах его парфюма, а буквы все также вырисовывали приглашение провести вечер вместе. Почему все так быстро из хорошего стало *таким*? Неопределенным, странным, болезненным, нереальным? Когда воспоминания, которые грели, стали приносить такой жгучий холод, почти мороз, от которого клонит в сон? Сон, после которого нельзя проснуться.

Глаза защипало от подступающих слез, я шмыгнула носом, пытаюсь скрыть от подруг, но все, что я пыталась успокоить, удержать в себе, все это просто прорвалось наружу в самый неподходящий и ненужный момент. Почему волшебные замки так быстро и легко рушились? Почему счастье так легко ускользало сквозь пальцы? Почему все так неправильно?

Я схватила сумку, несчастную записку и вылетела из аудитории, в дверях едва не столкнувшись с преподавателем, очень надеясь, что девочки не пойдут следом.

Лекция уже началась, поэтому коридор пустовал, это и было худшим событием за сегодняшний день, потому что почти все звуки очень хорошо слышались в просторном помещении. И я узнала бы из тысячи голос ректора с хрипотцой, четким произношением и строгостью, как узнала бы и голос Кристиана, доносившиеся из-за двери деканата.

– Это недопустимо! Я не позволю происходить таким вещам у меня под носом! – я замедлилась, пытаюсь понять, о

чем они говорили. Сердце гулом застучало в ушах, разнося панику в каждую клеточку тела и заставляя слезы высохнуть. Это почти как первобытный страх, такой силы, что хотелось ворваться в кабинет без стука и узнать, о чем они говорили. Я лишь надеялась, что не обо мне. Что тема их разговора снова касалась Монро и Кристиана. Точнее, слухов о них.

– Каким «таким»? – саркастично спросил Ротчестер-младший, – Это моя жизнь, она не касается этого университета, твоей репутации и всего остального! Просто забудь, – проговорил он, а потом с той стороны раздались торопливые шаги, дверь открылась, а я едва успела отойти от этого места. Прямо передо мной появился Кристиан и, смерив меня каким-то непонятным взглядом, ушел в противоположную сторону.

А я встала посреди коридора, пытаюсь не издавать ни звука, по щекам снова текли слезы, что-то внутри с треском разрывалось. Я не понимала, почему так больно. Почему окончание легкой, короткой интрижки, у которой и не могло быть никакого будущего, наносила такие сильные раны? Почему гребанный мистер Ротчестер, который к тому же мой преподаватель, к которому я ничего не должна была чувствовать, запал настолько, что я позволяла себе, совсем не по этикету, плакать в полном посторонних людей здании? Сейчас я его совершенно точно ненавижу.

– Кажется, дело было совсем не в больном горле, – тихо заметила Кэсс, намекая на вчерашнюю причину отсутствия.

Девушка обняла меня со спины, к ней тут же добавилась вторая пара рук.

– Разве у нас не экзамен по этому предмету? – я шмыгнула носом, пытаясь успокоиться. Лиза протянула бумажный платок, но, не дождавшись реакции, принялась вытирать размазанную по моим щекам тушь.

– Попытки сдать экзамен у нас три, а Изабелла одна, – ласково проговорила она.

– Я хочу домой, – в этот момент я чувствовала себя очень маленькой, хотелось спрятаться, убежать, залезть под одеяло, как вчера и почувствовать себя в безопасности, тепле и спокойствии. Я хотела спрятаться от этих чувств. Не хотела признавать то, что я оказалась влюблена в человека, который... а что «который»? Мы так и не поговорили. И вряд ли когда-то поговорим.

– Тогда идем.

– Но...

– Никаких «но», Изи, – решительно отозвалась Кэсс, – Лизу вытащили, и тебя вытащим. – она обхватила мое предплечье, потянув в сторону гардеробной. Блондинка поддакнула, соглашаясь, и, приобняв меня, пошла рядом.

***

Тот самый вечер. Кристиан.

Ни одной эмоции. О боги. На ее лице не промелькнуло ни

одной эмоции. От этого осознания становилось только тяжелее, взгляд ее голубых глаз можно было сравнить с ножом для разделки рыбы, который раз за разом в меня втыкали. И да, у меня был отличный запас метафор, я ведь преподаю литературу. Правда, от этого не становилось легче.

«Я тебя поняла»

Всего три слова. Она сказала всего три слова, не став выяснять причины, не устроив истерику, не обматерив меня. Она просто закрыла дверь.

Я оказался на улице, уже снова привычным действием достав сигарету. В темноте, едва освещенной фонарями, мелькнул оранжевый кончик, дым проник в легкие, а затем растворился где-то в облаках. Облегчения это не принесло.

Честно, не знал, на что мы рассчитывали, когда все началось. Такой конец был неизбежен, можно сказать, предопределен. И это было даже лучшим сценарием из всех возможных.

Впервые за все время мне не хотелось домой. Там мысли совершенно точно атакуют, не дав заснуть, но выбора особо тоже не было.

Я глянул вверх, замечая, что в окнах ее квартиры так и не горел свет. Больше всего не хотелось оставлять ее одну в этой темноте, но я все равно опустил взгляд, отвернулся и вошел в свою темную, пустую квартиру, так и не сумев заснуть.

Половину ночи я боролся с желанием ей позвонить или написать. Половину ночи я одергивал руку от телефона,

убеждая себя в том, что так сделаю ей только больнее. Так будет только хуже.

Утро наступало долго. Очень долго. Как и желание поднять себя с кровати, выполнить все привычные ритуалы и пойти на работу, где с большой вероятностью мы встретимся.

Но я все равно сделал это: отключил назойливый будильник, выпил кофе, надел выглаженный идеальный костюм, словно ничего и не происходило, по дороге к машине выкурил еще одну сигарету, ставя крест на избавлении от давней зависимости.

Не знаю, к счастью или сожалению, но Изабелла не пришла. Ее подружки везде ходили в одиночестве – даже не знаю, когда я успел запомнить то, как они выглядели. Отсутствие среди них Изи волновало, возрождая порыв написать, спросить, как она. И я снова одергивал руку от телефона в самый последний момент, каждый раз приходя к выводу, что и хорошо, что девушка, скорее всего, осталась дома. Когда не видишь человека, проще поставить точку, проще отпустить.

На следующий день я тоже ее не видел. С самого утра отец вызвал к себе, решив высказаться по поводу моего стремительного побега с той конференции. Удивительно, что эта новость дошла до него только сегодня. Но это хоть немного отвлекало от беспокойства из-за того, что рыжие кудри так ни разу не промелькнули среди толпы студентов в коридоре.

Правда, если бы я знал, что увижу то, что она в порядке

так, то лучше бы этого не происходило. Я встретил ее в коридоре, возле кабинета отца. В руках Изи держала лист, вырванный из моего рабочего блокнота – а их я видел каждый день, поэтому мог понять, что это именно он. Копна обычно торчащих в хаосе волос оказалась прибрана в низкий хвост, глаза покраснели и слезились, отчего я чувствовал себя просто настоящим козлом. И когда взгляд опустился на черное платье, то самое платье, то ощущение самого себя просто отъявленным говнюком стало еще острее. Да и, если честно, она не выглядела так, будто в порядке.

Я даже не поздоровался, просто прошел мимо, будто ничего такого в этом и нет. Да, на ее месте я бы хорошенечко съездил себе по лицу. Но вместо этого почти половину лекции я проторчал на улице, пуская дым в воздух и наблюдая за тем, как она в компании подруг уходила. И правильно. Я бы тоже отсюда свалил, но, увы, когда сигарета дотлела в пальцах, мне пришлось вернуться и еще половину дня рассказывать что-то о литературе.

Милли вела себя непривычно тихо. Точнее, не вела себя никак. Она больше не поднимала эту тему, здоровалась, бросала несколько фраз на тему работы, а потом с пожеланием хорошего дня уходила. Кажется, женщина была слишком счастлива, чтобы думать о чем-то, кроме мужчины, который каждый вечер забирал ее с работы. И, честно сказать, я был рад, что Милли наконец-то счастлива.

Милли Монро – сложный, немного истеричный, непонят-

ный и странный человек, редко когда понимала, входила в положение, зато часто требовала. Я знал, что она до ужаса боится одиночества, боится никогда не встретить человека, который будет смотреть на нее в восхищении, с любовью. Как-то раз Милли призналась мне, что думает, что не умеет любить, не умеет испытывать это чувство и это ее тоже пугало. И вот сейчас, смотря на то, что она наконец-то перестала пытаться вернуться ко мне, как из ее глаз пропала постоянная немая просьба и поиск самоутверждения, мне даже было радостно. Хоть Милли и была непроходимой стервой, она заслуживала счастья. Мы все его заслуживали. Но не у всех получалось.

А за день до Рождества, выезжая на работу уже ближе к обеду, во дворе дома я встретил подруг Изабеллы. С пакетом из магазина, красноречиво гремящего бутылками, девушки прошли мимо, кивнув в знак приветствия. Что ж, видимо, их сегодня можно было не ждать. Радовало, что рядом с Изи был кто-то близкий. И успокаивало, что она в порядке. По крайней мере, будет.

Глава 23

Этим утром я чувствовала себя еще хуже, чем в день, когда решила остаться дома. Такое ощущение, что все эмоции нахлынули разом, сбив с ног, словно ураганный ветер, сносящий целые города. И если вот так просто рушились дома, складываясь пополам, будто карточные, то как могла устоять я – маленький, хрупкий человек, которого могла убить и сосулька, упавшая с крыши?

Наверное, не могла. Поэтому снова закрылась в квартире, пытаюсь набраться сил, чтобы пережить завтрашний день в гостях у родителей. Это даже звучало странно. «В гостях у родителей», дом перестал быть домом, комната перестала быть твоей, оставшись лишь символом чего-то прошлого, незабываемого и бесконечно теплого.

Рождество подкралось как-то неожиданно и быстро. Под конец года время всегда текло слишком быстро, словно поток горной реки после дождя, а люди просто балансировали на волнах, подпрыгивая на камнях и пытаюсь успеть закончить все, что не хотелось оставлять на выходные.

Уже завтра ожидался праздник, но настроения не было. Как и ощущения волшебства и ожидания рождественского чуда, которое преследовало все двадцать два года до этого. Словно все вмиг потеряло искры, став обычным днем, в котором не было ничего привлекательного и особенного. И это,

конечно, не из-за Ротчестера. Это чувствовалось на каком-то другом уровне, будто я превратилась в скучного взрослого, у которого вся жизнь серая, как вечно дождливый день. И если кто-то в дожде видит что-то прекрасное и очищающее, то скучный взрослый видит лишь грязь, пачкающую ботинки и брюки, слякоть, сырость, испорченную прическу и потекший макияж. Может быть, настроение просто слишком упало, и поэтому я так думала. Может быть, эти мысли пройдут, смоятся горячим душем, запьются кофе, засыпятся новым слоем снега, которого даже не предвиделось – за окном стояла солнечная погода, отчего снег поблескивал, слепя глаза.

Этим утром я написала девочкам, что снова останусь дома. А в ответ мне пришло, что они уже это давно поняли и скоро заявятся в гости. Это и радовало, и огорчало. С одной стороны хотелось побыть в одиночестве, а с другой не нужно было отдаляться от людей.

Когда раздался настойчивый стук в дверь и из подъезда послышался громкий смех, я почти подскочила с дивана, отвлекаясь от разглядывания города, виднеющегося из окна. Улыбка сама по себе нарисовалась на лице, словно вторя настроению подруг, будто радость могла передаваться воздушно-капельным путем, а ведь я их еще даже не увидела.

Я открыла дверь, подруги буквально ввалились в квартиру, едва не сбив меня с ног, а потом заключая в кокон холодных объятий.

– Вы что, уже выпили? – спросила я, рассматривая их

слишком веселые физиономии. Девочки переглянулись, а затем расхохотались, так и оставляя меня в недоумении и ожидании, пока запал этого почти истерического смеха закончится.

– Не поверишь, кого мы сейчас встретили во дворе, – прошептала Лиз, стягивая куртку и ботинки. Я замерла, как раз таки и поверив, и поняв без слов. И почему даже сейчас обязательно нужно было появиться ему?!

– Да, – подтвердила Кэсс, – ты знала, что живешь в одном дворе с мистером Ротчестером? – спросила она, остановив на мне взгляд. Я скупно кивнула и, забрав пакет из рук девушки, двинулась в сторону кухни, зная, что они пойдут следом.

– Мне кажется, он понял, что нас сегодня можно не ждать, – хихикнула Лиз, а я буквально представила его саркастичные замечания по этому поводу, которые я вряд ли услышу. Стало так горько, будто из жизни убрали какой-то важный, нужный кусок, заменив его пустотой. Я убрала две бутылки белого вина в холодильник, включила чайник, потому что обычно именно с этого начинались наши посиделки. Правда, чая сейчас хотелось меньше всего.

– Итак, – проговорила Лиза, хитро прищурившись. Я знала, что такое выражение на ее лице появлялось в момент, когда она искала новую информацию, – ты видела его в чьей-нибудь компании по вечерам? – бинго! Конечно, видела. В своей. И не только компании, но и квартире. Да что там квартира, там и кровать была. О боги, мне точно нужно выпить.

– Ни разу, – мгновенно отозвалась я, а затем достала одну из бутылок в холодильнике, штопор и бокалы. Для чая было уже слишком поздно.

– И даже Монро?

– Кэсс же говорила, что у нее новые отношения, – я кивнула в сторону подруги, пытаюсь вести себя, как обычно. Будто все саркастичные замечания насчет него не возникали внутренним голосом в голове, сводящим с ума.

– Нууу, – протянула она, – прошлые отношения бывают привлекательны.

– И даже Эш? – выгнула бровь я, уперев взгляд в подругу. Лиз удивленно уставилась в ответ. Конечно, это было подло. Эш – последнее, о чем все мы хотели бы вспоминать, но эти комментарии о Ротчестере просто били под дых, выбивая почву из-под ног и немного появившееся спокойствие.

Я залпом опрокинула жидкость бокала в себя.

– Прости, Лиза, – тихо проговорила я, – мне не нужно было этого говорить. Просто я сама не своя, это так странно. И тут еще этот Ротчестер, – я скривилась, когда эта фамилия сорвалась с губ. Лиз понимающе качнула головой, мягкая улыбка нарисовалась на пухлых губах, а затем она протянула руку, чтобы сжать мою ладонь в поддерживающем жесте.

– Я понимаю, – ласково проговорила Лиза, – и даже не хочу вспоминать сколько гадостей наговорила вам в то время.

– Почему тебе так не нравится Ротчестер? – внезапно

спросила Кэсс, привлекая внимание. Брюнетка облокотилась на стол обеими руками, почти нависнув надо мной, будто я сейчас была на допросе, а не на собственной кухне.

Я пожалала плечами, надеясь, что лицо не залила краска, потому что если так, то это выдало бы меня с головой. Хотя это вполне можно было списать и на выпитый бокал вина. И все равно, что никто бы в это не поверил.

– Просто раздражает... все.

– Кажется, это взаимные чувства, учитывая то, как он к тебе прикапывался, – заметила Лиза, а я все еще пыталась не краснеть. О боги, если бы они знали, как именно он не прикапывался, то двух бутылок нам бы не хватило, а моя голова в итоге висела бы на пике перед входом в университет в назидание другим студенткам.

– Наверное, – я пожалала плечами, надеясь, что это выглядело так, будто мне все равно, а не так, словно я все эти дни убивалась из-за расставания с ним.

– Кстати, а что он хотел, когда поймал нас за сплетнями в коридоре? Тебе сильно досталось? – о нет, нет, нет. Я едва не застонала от непрошенных воспоминаний, разбуженных этим вопросом. О да, досталось так, что нас почти застала Монро в весьма пикантных обстоятельствах. Как хорошо, что я вовремя зажала рот рукой.

Пить явно не стоило. Даже этот маленький бокал превратил меня в открытую книгу, которую очень легко читала Кэсс. Она выгнула одну бровь, внимательно скользя по мне

взглядом, пока я лихорадочно придумывала ответ.

– Нет, – наконец произнесла я, – он не смог найти работы, которые я сдавала Стенелли, вот и попросил, чтобы я скинула копии, либо переделала, – я пожала плечами, пока воспоминания накатывали снежным комом, заставляя до безумия жалеть о том, что все кончилось, о том, как сильно хотелось все повторить и как же сильно хотелось плакать от осознания, что никогда больше он не прижмет к себе, не оставит легкий поцелуй на макушке, язвительно не прокомментирует глупую ситуацию и просто не окажется рядом, чтобы спрятать в объятиях.

Я зажмурилась, когда по щекам беззвучно потекли слезы. Почему это не могло закончиться как-нибудь по-другому? Почему мы не поссорились, обругав друг друга последними словами? Почему все закончилось, только-только начавшись? Ненавидеть его было бы намного проще, чем бесконечно желать того, чтобы это все повторилось хотя бы на один раз. Хотя бы на еще раз оказаться рядом, танцевать посреди парка, делать снежных ангелов, половину ночи разговаривать лежа в кровати, будто все время мира у наших ног.

И в этот момент я не видела, как девочки переглянулись, как на лице Кэсс возникло удивление, затем неверие и осознание. Как Лиза расстроено поджала губы, пригубив вина. Я лишь услышала нетерпеливый восклик Кассандры, полный ужаса.

– Только не говори, что парень из спортзала это он! – я

отвернулась, даже не взглянув на нее. Все свернуло в еще большую задницу, чем было.

– Кто? – непонимающе спросила Лиза.

– Ротчестер!

– Не может быть.

– Сама подумай, – выдала брюнетка, – он с первого дня к ней цеплялся, потом вдруг и у нее отработка в архиве, затем у нее кто-то появился, о ком она до последнего молчала. В это же время Изи пропадает куда-то по вечерам, не отвечая на сообщения, хотя раньше телефон буквально к руке был приклеен. А потом она бац! И вот такая, – я была почти уверена, что в этот момент она порывисто ткнула в мою сторону пальцем, – и Ротчестер, вспомни, как он выглядел сегодня утром, а вчера?

– Изи? – тихо позвала Лиза, а я молча глотала слезы, думая о том, что нужно было выбирать себе глупых подруг, которые не сложили бы это все в такую безумную теорию.

– Ты несешь бред, Кэсс, – рассмеялась я, придавая себе непринужденный вид.

– Да, конечно, – девушка сложила руки на груди, уперев в меня серьезный взгляд, – он живет в одном дворе с тобой, судя по форме, ходит в зал регулярно, а твоя реакция на сплетни о нем и Монро тоже многое говорит, учитывая, что раньше ты никогда не была против таких новостей. Я не говорю, что ты должна взять и выложить все, что происходит между вами, это все-таки запрещено, но просто скажи нам, на какие

темы говорить лучше не стоит, и мы не будем, – Кэсс внезапно притянула меня в объятия, а я больше не могла сдерживать слез, цепляясь за нее, словно за спасательный круг и чувствуя, как теплые руки Лизы обнимают с другой стороны.

– Если это правда, то мы никому не скажем, – решительно прошептала Лиза.

– Эта тайна останется только между нами, Изи, обещаем, – в тон ей проговорила Кэсс.

– Конечно, вам все равно никто не поверит, – ответила я, но это больше было похоже на неразборчивую речь, заглушенную свитером Кассандры.

– Ну, если правильно подать новость, то это несложная задача.

– Что ты забыла на архитектурном, Кэсс? – усмехнулась я, чувствуя, как спокойствие медленно растекалось по венам. Но вместе с ним маленькими искрами тлел еще больший страх от того, что теперь об этом знало столько людей. Пусть они и были близкими подругами, но теперь эта тайна касалась не только нас двоих.

Вечером я проводила подруг до такси. Удивительно, но мы оказались даже трезвыми для того, чтобы понять, что завтрашний день все-таки каждая будет проводить в домашней уютной обстановке, в семейном кругу, поэтому продолжать избавлять Изабеллу Ротчестер от горя неудавшихся отношений было слишком рискованным. В том числе и для меня.

И вот как здесь можно было запихнуть Кристиана в самые дальние углы памяти, когда моя собственная фамилия каждый раз о нем напоминала? Хороший вопрос, и посадив девочек в такси, я все еще думала об этом. Домой идти не хотелось, будто если бы я осталась наедине со своими мыслями, с воспоминаниями, которые становились лишь ярче, когда взгляд натыкался на некоторые места в квартире, то это задело бы что-то еще сильнее в груди.

Я неспешно двинулась через дворы, даже не зная, куда идти. Просто шла, перемалывая в голове одни и те же мысли. То печалась, то ругая себя за такие глупости, то считая их совсем не глупостями, то ненавидя его, то, наоборот, прося вселенную об еще одном шансе. Кажется, впервые со времен подростковой жизни, я чувствовала себя настолько неопределенно.

Мыслей было так много, что я вынырнула из них только в момент, когда увидела знакомые заснеженные дорожки, освещенные тусклым желтым светом. Случайно забрела в парк, в который раньше часто приходила, чтобы проветрить голову, а теперь... теперь здесь тоже слишком много мест, навевающих воспоминания. Я точно стала нездоровая. Так не должно быть. Я не должна была все это чувствовать, думать об этом. Это неправильно, это неверно, но почему-то все равно происходило. И мне до безумия хотелось уйти из места, которое стало казаться невыносимым. И надо бы запомнить на будущее, что приводить потенциальных парней

в любимые места – отвратительная идея.

Я развернулась, собираясь вернуться домой. А потом резко замерла, взгляд случайно наткнулся на фигуру в конце дорожки. И это совершенно точно был он.

Кристиан остановился, смотря на меня в упор. И как бы мне хотелось сейчас подойти к нему и то ли ударить, то ли поцеловать, но вместо этого я отрицательно качнула головой, боясь, что если он подойдет, то я не сдержу свой порыв, поэтому я свернула на другую тропинку, оставляя его и свои мысли позади.

***

Не знаю, что потянуло меня в этот парк после работы. Я не хотел ни вспоминать, ни думать о ней, специально загрузил себя работой по уши, чтобы мысли не разбежались, словно тараканы при включенном внезапно свете. Но в этот раз что-то потянуло остановить машину, выйти из нее, торопливым шагом пройти сквозь темные дворы, в которых почти каждое окно перемигивалось гирляндами, создавая предпраздничное настроение. Или, наоборот, навеяла чувство одиночества и тоски, стягивающих внутренности, даже если этого одиночества и не было. Завтра утром мама и отец ждали меня на праздничный ужин, вот только предвидя темы разговоров, желание ехать туда отпадало вовсе, а потому, каждый шаг, ведущий меня к знакомому пейзажу казался каким-то

легким, будто мне нужно было там оказаться. Вот только в судьбу я не верил, в чудо тоже. Только в свои собственные силы, поступки и причинно-следственную связь.

Здесь ничего не изменилось: все те же желтые фонари, все те же тропинки, снег, изредка доносящаяся до слуха музыка из кафе. Я прошел дальше, оглядываясь по сторонам и почти видя картинки из памяти, словно воспроизводимую видеокассету. Удивительно, но на снегу даже остались два снежных ангела. Конечно, уже не таких ровных, но все-таки оставшихся. Это тоже смахивало на старую киноленту.

А потом я просто повернул голову, заметив ее в конце дорожки. Изи стояла там, совершенно точно заметив меня. И первым порывом было подойти, заговорить, сделать хоть что-то, а не стоять здесь, как полнейший идиот, впервые увидевший девушку. Но я знал, что так нельзя. Нельзя просто взять и стереть все, что происходило. Нельзя просто взять и стереть все то, что могло случиться. Нельзя было взять и стереть правила, страх, панику, мысли о том, что из-за меня она могла лишиться образования, мечты и будущего, поэтому я не пошел следом, поэтому вернулся в машину и поехал не домой, а немного дальше. Там, где, по крайней мере, один человек был рад мне.

Дорога до родительского дома заняла больше времени, чем я ожидал. Видимо, многие выбирались за город на праздничные дни, планируя провести время с семьей. Стало даже смешно от того, что я стоял в той же пробке, что

и счастливики, для которых такие встречи и ужины были чем-то хорошим и веселым, запоминаясь, как счастливые мгновения, а не пытка. Хотя, кто я такой, чтобы об этом судить? Наверняка, большинство из тех, кто стоял в этой же пробке мыслили так же, как я. Пришлось прибавить радио, чтобы задорные, радостные мотивчики многочисленных песен заглушали все остальное.

Спустя час я стоял на крыльце родительского дома, думая о том, чтобы развернуться и уехать, по пути назад обругав себя с головы до ног за такие выкрутасы. Но целый час, который был уже потрачен на дорогу отрезвлял, поэтому я все же постучал.

Дверь открылась спустя всего несколько секунд, являя на пороге взволнованную и удивленную маму, лицо которой мгновенно просияло при виде сына. Она ловко притянула меня в объятия, даже несмотря на то, что уже давным-давно в длину я ее перерос.

– Неужели я перепутала дни и опоздала с ужином? – спросила женщина, лукаво улыбаясь и впуская меня внутрь.

– Из нас двоих только я способен перепутать расписание и дни недели, – усмехнулся я, снимая пальто и обувь в коридоре.

– Почему-то так и думала, что приедешь сегодня, приготовила рыбный пирог, как ты любишь, – она ласково улыбнулась, направившись на кухню. Я пошел следом, вспоминая, что сегодня успел только позавтракать.

– Отец дома?

– Нет, у них что-то вроде корпоратива с деканами других факультетов, – она махнула рукой, – он и меня звал, но я отказалась, будто как чувствовала, – мама включила чайник, поставила тарелки на стол, затем резко перевела на меня взгляд. – Что-то случилось?

– Нет, просто подумал, что утром могут быть пробки, но, кажется, все их собрал сейчас, – ответил я, отодвинув для нее стул и потом опускаясь на соседний.

– Да, неудачное для дороги время, – скривилась женщина, – но я рада, что ты приехал сегодня. Я очень скучаю, – тут же добавила она, а затем чайник засвистел, и мама поднялась, чтобы налить нам чай и поставить тарелку с пирогом на стол. Раньше она готовила рыбный пирог почти каждые выходные, так что это было почти возвращением в детство, что-то давно забытое, потерянное, но бесконечно теплое. Как и неспешный разговор ни о чем за ужином, наполненный воспоминаниями, обсуждением всего на свете и просто уютом, от которого наполнялось сердце и все проблемы забывались. Все, кроме одной, которую нельзя было назвать проблемой, и о которой я думал весь последующий вечер, развалившись на диване в гостиной, пока по телевизору шел какой-то непонятный фильм, а мама сопереживала каждому появляющемуся на экране герою. В какой-то момент я повернулся, заметив, что мама неотрывно смотрела на меня уже непонятно сколько времени, будто ожидая, что я что-то скажу, но я

продолжал молчать.

– Кристиан, – о, я знал эту интонацию. С нее обычно начинался допрос с пристрастием.

– Да?

– Что-то ведь точно случилось, – она придвинулась ближе, поставив фильм на паузу. – Я же вижу, даже не вижу, а чувствую, что что-то не в порядке.

– Я не хочу об этом говорить, – легко пожал плечами я, зная, что обычно это срабатывало, но в этом раз мама оказалась очень настойчивой.

– То есть что-то происходит?

– Может быть.

– Это из-за девушки?

– Почему сразу из-за девушки?

– Потому что такое выражение лица у тебя было лет в пятнадцать, когда Кэйти отказалась идти с тобой на бал, – проговорила мама, при этом так серьезно на меня посмотрев, что я не сдержал искреннего смеха.

– Ты бы еще десткий сад вспомнила.

– Уж прости, но это были твои единственные серьезные отношения за все тридцать лет, – театрально возмущаясь ответила женщина, приложив ладонь к сердцу.

– Не единственные, – я грустно улыбнулся, вспоминая Изи, а затем спрятал лицо в ладонях, потому что все от чего я прятался в работе, сейчас лезло наружу.

– Что случилось? – мама села рядом, уложив мою голову к

себе на колени, почти как в детстве, когда я приходил с очередной проблемой, какие могли быть сначала в детском саду, потом в школе. Мама, не перебивая, выслушивала, задавала аккуратные вопросы, а потом говорила какую-нибудь мудрость, которая буквально все решала. Даже взрослым иногда нужен был взгляд со стороны, совет, мудрость, которая в один миг решит все проблемы. Но сейчас я просто уставился в потолок, даже не зная с чего начать.

Мам, я тут случайно переспал со студенткой отца. Несколько раз. Ладно, не просто переспал. Еще и очень сильно запал. До безумия сильно.

– Мы расстались, – лучше зайти издалека и на этом остановиться.

– Что-то серьезное?

– Нам нельзя быть вместе, – я пожал плечами, словно это ничего не значило, будто это не вырывало душу. Мама тихо ойкнула, перестав гладить по волосам, прикрыла рот рукой.

– Это то, чего так боялся отец? – спросила она, – эта девушка его студентка? – да, Кристиан, молодец. Моей способности хранить тайны можно позавидовать. Но я ничего не ответил, не кивнул, не моргнул. Просто продолжал пялиться в потолок.

– Она тебе очень нравится? – охренеть, как нравится.

– Она необыкновенная, – признался я, глянув на маму, на губах которой расцвела нежная улыбка.

– Тогда почему ты здесь, а не с ней?

– Мам, я ведь сказал, что мы не можем быть вместе.

– Ох, Кристиан, – мягко вздохнула она, продолжив гладить меня по волосам, – твой отец прибьет меня за следующие слова, но иногда ты бываешь таким невнимательным, что я задаюсь вопросом, точно ли тебе тридцать.

– Ты так в меня веришь! Мне сразу стало лучше, спасибо.

– Я не об этом, болван, – мама по-доброму щелкнула меня по лбу, – на факультете отца ты на замене, а, значит, она не совсем твоя студентка. Не помню пункта о том, что личная жизнь преподавателям запрещается вовсе.

– Ты думаешь, что это остановит его? Или слухи, которые будут кружить вокруг нее? Я могу это пережить, мне все равно на свою репутацию, потому что она вряд ли испортится, а Изи еще учиться два года, как она будет себя чувствовать, если все это вскроется? А предвзятость других преподавателей? А студентов?

– Поэтому я и сказала тебе все это.

– Почему?

– Потому что ты думаешь о ее комфорте, а не своем собственном, а это уже о многом говорит.

– И все равно...

– Сколько ты пробудешь на этой должности? Еще пару недель? А потом на этом факультете ты даже появляться не будешь, есть ли смысл убегать от своих чувств? Зачем ты делаешь больно и себе, и ей? Что тебе это дает?

– О нас кое-кто узнал, – нехотя признался я, ожидая, что

это охладит ее решимость, потому что она начинала передаваться и мне.

– Это все усложняет, да, – согласилась мама, – но безвыходных ситуаций не бывает, Кристиан. Мой отец, твой дедушка, очень долго терпеть не мог твоего папу, считая, что он учит меня меня плохому. Но он заходил за мной, раз за разом убеждая моего отца в том, что он неправ. И в итоге посмотри, что вышло. Убедил, – она усмехнулась. – Да, сейчас, когда ты приезжаешь, знаю, что не чувствуешь той любви, что была здесь раньше, так бывает. Но все счастливые моменты стоят того, чтобы за них бороться. Я хочу, чтобы ты был счастлив, а не бежал от того, что дарит тебе такие эмоции.

– Это все сложно.

– Совсем не сложно, Кристиан, – мотнула головой она, – я думаю, что тебе нужно написать ей. Знаю, что ты не веришь в рождественское чудо, но оно иногда не спрашивает, а просто случается.

– Тогда лучше поехать прямо сейчас, – я поднялся с дивана, пытаясь трезво смотреть на все сказанное и произошедшее. В словах мамы точно была правда, потому что все, что она говорила, находило подтверждение в моих собственных мыслях, словно они только этого и ждали.

– Это не лучшая идея, – засомневалась женщина, – дай ей время, чтобы обдумать все.

– Проверить рождественское чудо? – усмехнулся я, все же

мысленно соглашаясь с этим мнением. Я почти ничего не потеряю, если наши отношения вскроются, а для Изи это будет концом мечты, и было бы слишком неправильно поступать с ней так. Поэтому я достал телефон, пальцы застучали по клавиатуре, печатая сообщение, а я впервые в жизни надеялся, что рождественское чудо, о котором трещат со всех сторон в это время года, реально существует.

Глава 24

Я смотрела на сообщение Кристиана и проклинала все на свете за такое рождественское утро. Это официально худшее утро за всю мою жизнь. Даже то, в которое я сломала руку не было таким отвратительным, со вкусом горечи и желчи на языке, будто в меня впихнули стакан бензина, который почему-то не убивал, а только и ждал, что его подожгут.

Почему он думал, что я приду? Почему он даже допускал мысль о том, чтобы сначала разорвать все, что между нами было, а затем написать всего одно сообщение? Почему он считал, что одна просьба “поговорить” заставит меня прийти? Он либо идиот, либо безнадежный идиот!

Это злило. Просто до безумия злило, отчего я каждый раз порывалась высказать все, что я о нем думала. И слова там были совсем не лестные. Несколько раз я почти отправила сообщение, состоящее из одних лишь нецензурных конструкций, которое закончилось чем-то вроде объяснений, как добраться в одно не очень приятное место. Но в итоге я все стерла. Даже его сообщение. Взяла и удалила, оставив это там, где оно и должно быть – в прошлом, а потом вышла из квартиры, намереваясь успеть приехать к родителям до обеда, иначе младшая сестра съест меня за опоздание.

И я почти успела, задержавшись на выезде из города. Но Вере было достаточно и этого, чтобы открыть дверь с небы-

валой серьезностью на лице и почти убийственным взглядом. Правда, это быстро сменилось крепкими объятиями и искренней радостью, которая отразилась и на лице отца.

– Наконец-то цветочек вернулся в клумбу, – пошутил папа, сгребая меня в охапку, едва не раздавив.

– Я даже не буду шутить в ответ, – рассмеялась я.

– И не надо, мы уже почти умерли с голода. Твоя мама отказалась нас кормить, пока все не будут в сборе, – проговорил он, выпуская меня из объятий и позволяя рассмотреть отросшую рыжую бороду, короткую стрижку и яркие зеленые глаза, вокруг которых расположилась россыпь мимических морщинок, выдающих с головой его задорный характер. До этого момента я даже не думала, что настолько сильно соскучилась по этой атмосфере, и Рождество казалось мне самым лучшим поводом, чтобы вернуться в дом, в котором прожила почти всю свою жизнь. Было тепло возвращаться сюда, даже несмотря на бесконечное недовольство мамы. Я все равно знала, что здесь есть те, кому на меня не все равно, те, кто из года в год находились рядом и делали все, что могли, чтобы на наших с сестрой лицах красовалась счастливая улыбка. И почему-то, сидя за столом, посмеиваясь с шуток папы и изречений Веры, под рождественские фильмы на фоне, на сердце становилось легко, будто раны затягивались. Я искренне смеялась, на какое-то мгновение возвращаясь в атмосферу детства, беззаботности и легкости, и даже ни разу не метнувшись в мыслях к Ротчестеру и его сообщению. До

момента, пока о нем не заговорила Вера, когда после обеда мы разлеглись на большой кровати в ее комнате.

– А как там твой красавчик препод? – сестра любопытно уставилась меня, почти прожигая дыру в свитере. Я уставилась в нежно-розовым потолок, украшенный цветочными гирляндами.

– Не знаю.

– О нет, – Вера всплеснула рука, выпучив глаза, – только не говори, что вы расстались, – я в ответ только пожалала плечами, воспроизводя в голове текст его сообщения.

– Это худшая новость за все время. Хуже только то, что мама не разрешила мне бросить художественную школу.

– И правильно сделала.

– Тогда я запрещаю тебе бросать этого парня, – заявила она, гордо вздернув подбородок и сложив руки на груди.

– Если бы все было так просто.

– И из-за чего вы расстались? Если ты здесь, не в слезах, без вещей и криков, что твоей жизни конец, то это не из-за того, что кто-то узнал и тебя отчислили. Значит, это какая-то тупость.

– Не знаю, он просто пришел и сказал, что нам нужно все прекратить.

– А причина?

– Изи, так нельзя, – перековеркала я, рассмеявшись из-за своего же поведения. Вера с серьезным лицом нависла надо мной, будто собиралась хорошенько треснуть.

– И ты не стала выяснять реальную причину? – я отрицательно покачала головой, – Мда, Изи. . .

– А что, мне нужно бегать за ним и умолять, чтобы он все объяснил?!

– Ты права, – прошептала Вера, мгновенно сдавшись, легла рядом, тоже уставившись в потолок. – Он показался мне классным.

– Мне тоже.

– Он что-нибудь писал после?

– Да.

– Что?

– Что хочет все вернуть, и если мое желание совпадает с его, то я должна прийти в парк сегодня вечером.

– И ты молчала? – воскликнула сестра, тут же подорвавшись и снова нависнув надо мной, – ты пойдешь?

– Нет.

– Почему?

– Поздно, я не хочу все возвращать, это слишком рискованно. Сама представь, что со мной будет, если об этом узнает кто-то кроме тех, кто уже знает.

– А кто еще знает? – я многозначительно глянула на сестру, которая устало закатила глаза.

– Твои подруги? О боги, Изи, у меня нет слов, – простонала девушка, обессиленно упав на кровать. Я усмехнулась. – нет, несколько все-таки есть. Ты должна пойти в парк и все выяснить! Можешь даже ничего не возвращать, а съездить

ему по физиономии.

– А смысл?

– Я не буду даже говорить о твоём счастливом и помятом видке в то утро, Изи, – серьезно заметила Вера. – И о его улыбке при виде тебя, и о том поцелуе, и о том, как вы прощались...

– Ты подглядывала?! – воскликнула я.

– Больно надо, вас было слышно, а еще вы не особо прятались, а уши затыкать я не привыкла, – как ни в чем не бывало ответила сестра, а затем продолжила: – так вот, почему ты не подумала о том, что нужно было спросить? Почему вы нормально не поговорили? Ты не думала, что о вас узнал кто-то еще? – закидывала вопросами Вера, а мне становилось смешно от абсурдности ситуации.

– Ну он бы ведь сказал, если бы кто-то узнал, разве нет?

– О, конечно, и ты бы ведь даже не говорила о том, что вам просто нужно стать осторожнее и осмотрительнее? – саркастично заметила сестра, опуская на меня чувство такой непроходимой тупости, что я почувствовала себя младше, чем она. – Не знаю, о чем он думал, и в любой другой ситуации, я бы сказала, что он идиот и не заслуживает тебя, но вся ваша история сама по себе непонятная и странная, и вряд ли подчиняется обычным законам по типу “ушел, значит, я не нужна”. Все эти тайны и интриги тоже нужно брать во внимание, Изи, – она все говорила и говорила, осыпая меня фактами с головы до ног, а я могла только лежать и слушать,

чувствуя, как сильно все мои мысли тянулись к тому, чтобы прийти в этот парк вечером. Может быть, доказать самой себе, что рождественское чудо все-таки существует, и оно заключено в людях вокруг нас. Может быть, чтобы дать самой себе еще раз ощутить этих бабочек в животе и согревающий взгляд голубых глаз. Или вовсе разочароваться.

– Ты права, – проговорила я, поднимаясь с кровати. Вера удивленно подняла брови, будто не ожидала такой быстрой реакции.

– И ты поедешь? – я кивнула, – не сомневалась в твоём благоразумии. – скептически проговорила сестра, а затем, осмотрев меня, дополнила: – и чего сидишь? Не успеешь же! Сегодня, конечно, Рождество, но у него на чудеса всякие тоже лимит есть.

Я рассмеялась, притягивая заворчавшую сестру в объятия.

– Признайся, ты подрабатываешь эльфом.

– Ага, тем, что хлещет виски и ворчит на всех.

– Очень похоже, – усмехнулась я, а затем Вера буквально спихнула меня с кровати на пол, при этом старательно изображая милую улыбку, выходило не очень, потому что ухмылка так и просилась наружу.

– Объяснить все родителям?

– Уж будь добра, только без подробностей.

– Это без тех, из-за которых он выходил из твоей спальни? – она поиграла бровями, снова вызывая волну смеха. Я

покачала головой, а затем, наспех попрощавшись с родителями, спихнула объяснения на сестру и, написав Ротчестеру короткое “я приду”, вылетела из дома, садясь в такси.

На улице уже стемнело, заставляя теряться во времени и постоянно косить глаза на часы. Такси, как назло, ехало так медленно, что я почти каждую минуту включала экран, чтобы еще раз посчитать, сколько десятков минут осталось до семи. И с каждым подсчетом их становилось все меньше, запуская стойкое ощущение, что я не успею. И я надеялась, что он тоже опоздает, потому что, словно проверяя мои намерения или нервы, связь пропала, превращая телефон в бесполезный кусок металла, а меня в комок нервного возбуждения, постукивающего по экрану.

И, как я и думала, машина остановилась в нужном районе, на десять минут позже, чем нужно. Я расплатилась с седовласым мужчиной за рулем, пожелала ему счастливого Рождества и вылетела из машины, быстрым шагом двинувшись в сторону входа в парк.

Сердце бешено колотилось в груди, отстукивая почти каждый мой шаг. Дыхание сбивалось, а мне хотелось расплакаться от всех нахлынувших чувств разом. Я сомневалась, соглашалась, порывалась развернуться и уйти, останавливалась, затем снова продолжала переставлять ноги. Надеялась, что он никуда не ушел, что он увидел мое сообщение, что дождался и что вообще пришел. Но все это вновь рассыпалось карточным домиком под дуновением ветра. Рядом с ед-

ва виднеющимися снежными ангелами никого не оказалось. Только два затоптанных силуэта, так четко отражающих то, что сейчас между нами осталось. Пустая скамейка, олицетворяющая то, что оказалось у меня в груди.

Он не пришел, и от этого становилось горько, заставляя чувствовать себя просто непроходимой, наивной душой. И сколько раз мне нужно было обжигаться, чтобы понять, что ничего хорошего от этих чувств не будет? Сколько еще раз жизнь должна ударять меня лицом о землю, чтобы я поняла, что чудес не бывает?

Это было худшее Рождество из всех, что мне доводилось встречать, потому что именно в этот день, сегодня, я потеряла веру в чудеса и любовь.

***

Отец, мягко говоря, удивился моему появлению в дверях кухни утром. Кажется, мама ничего не рассказала ему про вчерашний вечер и свои открытия, за что я был безмерно ей благодарен. Он лишь поднял брови, пожелал доброго утра и, забрав чашку кофе, спрятался в гостиной с утренней газетой, как делал каждый раз, когда мама заканчивала свой завтрак. Это было одной из традиций их семейной жизни: они всегда вместе завтракали и ужинали. Встречали и провожали день. Всегда вместе, исключение составляли лишь командировки. Я же половину ночи, а затем и весь день проверял теле-

фон, надеясь, что она ответит. Каждое уведомление заставляло вздрагивать и мгновенно тянуться к телефону, за что несколько раз я ловил на себе возмущенный взгляд отца и почему-то радостный взгляд мамы. Это было хуже пытки, но раз за разом я читал все сообщения, обновлял мессенджер. А затем телефон просто замолчал, давая понять, что все, правда, кончено. Слишком поздно мудрый совет пришел в мою жизнь. Слишком поздно, чтобы в глазах Изабеллы выглядеть тем, кем я выглядел до этого. И если она считала меня самым настоящим говнюком, то я на сто процентов был с ней согласен.

Ни вкусный ужин, ни отец, даже не касающийся опасных тем, не пускали ощущение праздника в голову. Я был готов бросить все и поехать к ней, пусть хоть на коленях вымаливая прощение. Да, и я бы даже испортил дорогуший и любимый костюм, встав на колени, лишь бы она снова посмотрела на меня тем взглядом, от которого внутри строились целые города, и желание видеть ее улыбку как можно чаще распространялось с огромной скоростью. И осознание того, что я сам все испортил, делало только хуже, заставляя ковыряться вилкой в тарелке. Аппетита не было, как и желания участвовать в непринужденном разговоре за столом.

А потом телефон звякнул, от неожиданности заставляя едва не выронить вилку из рук. Под внимательными глазами родителей, тут же метнувшихся ко мне, я сунул руку в карман, чувствуя, как надежда пробивается сквозь страх. Мне

так хотелось, чтобы это была она.

И, кажется, мое рождественское желание было исполнено, потому что на экране высветилось ее имя и короткое я «приду».

Я подскочил из-за стола, бросив салфетку на стул, под непонимающий взгляд отца. Мама, кажется, сразу поняла, что к чему, потому что ее лицо озарилось понимающей улыбкой. Она тут же повернулась к мужчине, легко качнув головой.

– Я позвоню, – проговорил я, вылетев из кухни, захватил пальто и вышел из дома, надеясь, что успею вовремя.

Но у машины были свои планы. Она отказывалась заводиться. Как бы я ни пытался, но раз за разом она слала меня в далекое путешествие, куда должна была отправить Изабелла.

Было так страшно упустить еще один шанс. Было страшно не суметь воспользоваться им, чтобы все наладить. Но почему-то все было против того, чтобы в эти треклятые семь вечера я оказался в парке. И даже связь, которая почти сразу после ее сообщения пропала.

И какое-то совершенно не свойственное мне отчаяние накрывало с головой, пытаясь вытеснить теплую надежду на то, что я что-то придумаю. Именно в этот вечер мне до безумия хотелось верить в то, что рождественское чудо существует. И, может быть, это исполнилось мое желание. Или у мамы дар убеждения работал лучше, чем мой, но отец возник пе-

ред окном моей машины, когда я почти сдался, устало опустив голову на руль.

Я открыл дверь, встречая серьезный взгляд женщины, которым он награждал меня всякий раз, когда был мной недоволен. И я уже даже приготовился к тому, что за этим последует очередная лекция о том, что я идиот.

– Я не одобряю того, что ты сделал ровно то, чего я просил не делать, – ух ты, я оказался прав, но это не принесло удовольствия, только огорчение, заставляющее вымученно вернуть голову на сцепленные на руле руки. – Но я рад, что ты ведешь себя, как мужчина. Хотя, конечно, твое решение сдаться не принимаю. Это было неправильно.

– Будто я сам не знаю, – буркнул я. – Сам представь, чтобы было, если бы об этом все узнали.

– Пытался защитить ее, я понимаю, – заметил он, – именно поэтому стою здесь, – проговорил отец. Я посмотрел на него, пытаюсь понять, о чем вообще шла речь. И тут он непривычно мягко улыбнулся, подняв в воздухе связку ключей. – Можешь взять мою машину.

Я неверяще смотрел на непривычно доброго отца, гадая, не выпил ли он чего-то лишнего, но взгляд голубых глаз, таких же, как у меня, оставался ясным, поэтому я выскользнул на улицу, порывисто обнял его, пытаюсь вложить в этот простой жест все то, что хотел сказать, но не мог подобрать слов.

– Спасибо.

– С рождеством, сын.

– С рождением.

– А теперь поторопись, пока она не поняла, какой ты болван, – он усмехнулся, как в детстве потрепав меня по волосам. В этот момент стало еще теплее, словно вся жизнь снова приобрела оттенки, позволяя поверить в то, о чем говорили многие. Семья именно тот уголок спокойствия, тишины, принятия и поддержки, даже когда с твоими действиями не соглашаются, отрицают и не принимают. Семья просто отходит в сторону, позволяя жить так, как тебе нужно. И я был чертовски рад тому, что мой отец это понял.

И всю дорогу, которая казалась мне просто ездой по кругу, который все никак нельзя разорвать, я пытался не дергаться, посматривая на время почти каждую минуту. И почему-то именно сейчас секунды решили быстрее складываться в минуты, приближающие опоздание. И я до безумия надеялся, чтобы она тоже опоздала или задержалась.

Я выбежал из машины на одиннадцать минут позже, чем нужно было. Парк в это время пустовал, почти так же, как и во все вечера до этого, словно только Изи находила в нем какое-то особое очарование. И это делало ее еще привлекательнее, оставляя лишь мысли о том, что она стоила всех рисков, страхов и часов без сна, которые я провел пытаясь не думать.

Но моя надежда вновь стерлась хватаящим за плечи отчаянием. Рядом с едва виднеющимися снежными ангелами никого не оказалось. Только два затоптанных силуэта, от ко-

торых что-то сжалось в груди, а затем рассыпалось.

Она не пришла, и от этого меня накрывала та же безысходность, что и в машине. Правда, тогда, в самый пик почти кричащего отчаяния, появился отец с ключами от своей машины. Может быть, сейчас тоже кто-то должен был появиться, словно волшебный ангел?

Я лихорадочно заозирался, почему-то чувствуя, что если сейчас не найду ее, то больше никогда не смогу. Почему-то казалось, что именно сейчас тот самый момент, решающий буквально все.

Глаза вглядывались в пустоту вокруг, сердце колотилось в груди с такой скоростью, будто я бежал по беговой дорожке на самой высокой скорости и в горку, а мозг даже переставал работать от того, как сильно желание увидеть ее пересиливало все остальные.

И тут среди тусклых фонарей мелькнула рыжая макушка.
– Изи! – крикнул я, а потом сорвался на бег, надеясь добраться до нее до того, как она пропадет из виду.

Эпилог

Возможно, иногда чудо не спрашивает веришь ты в него или, оно просто берет и случается, и ему совершенно все равно на то, что ты о нем думаешь. Чудеса могут не происходить вообще, могут прийти однажды, а могут заглядывать время от времени. Человек никогда не знает, что будет дальше, но почему-то все равно верит в то, что где-то там будет проблеск света, белой полосы. И это не та полоса, которая виднеется в конце тоннеля, а та, которая приносит с собой любовь, счастье, радость, веру в лучшее. Или это человек сам приносит ее в свою жизнь? У меня не было ответа на этот вопрос. Зато был ответ на другой.

Жизнь никогда не била меня лицом об асфальт, я сама с разбегу врезалась в стену, боясь того, что могло произойти. Но, может, в этом и была прелесть чудес?

Сердце разрывалось от боли, топя меня в жалости к себе. Одновременно с этим я ругала себя за то, что поверила ему. Правда, это никак не помогало, потому что до конца поверить в то, что Кристиан такой не получалось. Может быть, что-то внутри меня знало то, чего еще не знала я. Может быть, я просто пыталась смягчить удар для самой себя. Но я все равно чувствовала, что что-то с треском рушится. Была ли это детская беззаботность, которую я так в себе любила, а теперь ненавидела, или наивность, я не знала. Просто шла

вперед, лелея эти чувства внутри, позволяя себе злиться, ругаться, злобно пинать ни в чем не виноватый снег и пытаться не думать о Ротчестере.

Наверное, поэтому его голос сначала показался миражом, лишь воображением, немного вышедшим за границы моей головы. Но что-то дернуло меня обернуться, а потом застыть, чувствуя себя еще большей дурой.

На другом конце аллеи стоял Кристиан.

И его появление принесло одновременно и радость, и испуг, и почти истерический смех. Наверное, мой хохот разносился по всему парку. Но эта ситуация была настолько абсурдной, что я не могла держать его в себе, и я смеялась все то время, что шла в его сторону, пока мое сердце буквально заново собиралось по частям, возвращаясь все, что я успела возненавидеть.

– Ты сошла с ума от ожидания? – взволнованно спросил мужчина, остановившись напротив меня в мучительной близости. Я вгляделась в голубые глаза, почти мгновенно успокоившись. Все веселье куда-то улетучилось, оставляя только серьезность.

– Сойду, если ты сейчас же меня не поцелуешь, – прошептала я, а затем губы Кристиана накрыли мои, словно он только этого и ждал, стирая все одолевающие меня чувства, оставляя только порхающих бабочек и радость. И теперь я стойко ощущала, что в наших руках все время мира, и мы еще успеем поговорить о том, какие мы идиоты, как следо-

вало поступить и что делать, но сейчас... сейчас волновали только его губы, находящиеся на моих, так бережно и нежно оставляющие поцелуи, будто Кристиан боялся, что все это мираж и в любой момент я могла исчезнуть. Вот только он и сам казался мне миражом, заставляя цепляться за его плечи.

– С рождеством, Изи, – тихо проговорил он, отстраняясь.

– С рождеством.

– Ты плачешь? – в голосе послышалось волнение, будто он боялся чего-то. Я только кивнула, не до конца веря в происходящее. – Я идиот, я знаю.

– Еще какой, – согласилась я, мужчина в ответ только рассмехался, и от этого смеха все внутри перевернулось от понимания, насколько сильно я по нему скучала, – но ты точно стоил того проигранного желания, – а потом он снова поцеловал меня. И вот так, среди старого парка, в который очень редко забегали гуляющие, стояли два человека: один из них никогда не верил в чудеса, а вторая всегда верила, но однажды перестала, и именно тогда произошло то, что иначе было назвать нельзя. Волшебство, которое изредка происходило, тыкая людей носом в то, что они не могли увидеть. В любовь, чудеса и счастье, которые были повсюду. Стоило только посмотреть.

И другие истории

[Telegram-канал автора](#)

Также вы можете прочитать больше моих книг:

[История о мафиози-детективе;](#)

[Жаркое лето и любовный треугольник \(или наоборот?\);](#)

[История о сильной девушке, которая вынуждена работать в эскорт-услугах](#) и многие другие.